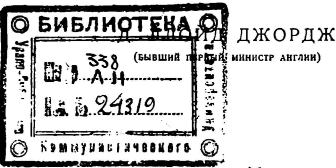
ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ХАОС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕТРОГРАД»
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1924

М. К.

Д. ЛЛОЙД ДЖОРДЖ

(БЫВШИЙ ПЕРВЫЙ МИНИСТР АНГЛИИ)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ХАОС

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

П. КОНСТАНТИНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“

ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

1924

Ленинградский Гублит № 4789. 7.000 экз.

Типо-лит. „Красный Печатник“, Ленинград, Международный, 75.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Бывший английский премьер Ллойд Джордж, после нескольких лет руководства политической жизнью Англии, занялся публицистической деятельностью и выпустил сборник своих статей под общим названием „Разве это мир". Положение, какое занимал Ллойд Джорж в дни мировой войны, и его роль в этой кровавой бойне делают его книгу в высшей степени злободневной. Моральный виновник одной из величайших катастроф, Ллойд Джордж пытается теперь реабилитировать себя. Потеряв власть, он предается мрачным размышлениям на тему о том, можно ли назвать миром то положение вещей, которое установилось в Европе после заключения Версальского договора. На этот вопрос бывший первый министр Англии отвечает категорическим отрицанием. Нет, это не мир. Это хаос, распад, всеобщая безнадежная грызня. Миром теперешнее положение вещей в Европе можно назвать, по авторитетному свидетельству Ллойд Джорджа, только в виде насмешки. Частью в скрытой, а частью в явной и откровенной форме война, — доказывает он, — продолжается на целом ряде фронтов, в Рурской области прежде всего, затем в Адриатическом море, в Малой Азии и у границ Польши. Очень немного нужно, чтобы эти отдельные языки подземного огня вновь прорвались наружу и зажгли пожар, который на этот раз испепелит Европу до самого основания.

Ллойд Джордж был одним из самых видных и самых активных вождей Антанты и одним из главных авторов

договора, продиктованного в Версале раздавленной Германии. Поэтому его слова имеют все то значение, которое обычно приписывается собственному сознанию обвиняемого в уголовном суде. Однако, и в суде часто бывает, что сознавшийся преступник тотчас же начинает хитрить и увиливать, стараясь свалить главное бремя ответственности на своих товарищей и соучастников. Так произошло и в данном случае. Если поверить Ллойд Джорджу, сам он нисколько не виноват в бедствиях, терзающих ныне Европу, а косвенным образом и весь мир. Нет! Виноват Пуанкарэ со своей аггрессивной политикой, виноват Муссолини со своим шовинистическим задором, виноваты Бонар Лоу, лорд Ферзен и другие английские консерваторы, чья нерешительность и дряблость развязали руки Франции. Виноваты также Соединенные Штаты, устранившиеся от участия в европейских делах. Виноват, наконец, Измаил Кемаль, дерзнувший защищать свою страну от европейского засилья. Коротко говоря, все виноваты, кроме него — Ллойд Джорджа — непонятого и неоцененного святого, мудрого и гуманного лидера английских национал-либералов.

Скептический читатель, пожалуй, спросит: как же проявлялась эта гуманность и эта мудрость, когда Ллойд Джордж составлял в тайниках „Совета четырех" роковой документ, дающий ныне Франции возможность смущать покой всего континента и производить разбойничьи налеты на территорию своего безоружного соседа? Однако, Ллойд Джордж ловко уклоняется от ответа на этот вопрос и, не снисходя до оправданий, обращает все громы своего обвинительного красноречия против своих иностранных, а отчасти и английских коллег.

Ядовитая критика Ллойд Джорджа как нельзя более справедлива, и когда он клеймит современный разбойничий империализм, под его словами можно только подписаться. Да! Капиталистическая и империалистическая Европа уже шестой год стоит лицом к лицу с мучительной проблемой, которую она

не в состоянии разрешить. Победоносная Антанта не может ни наладить дело мира, ни рискнуть на новую войну для окончательной ликвидации неподведенных счетов. Тягостное промежуточное состояние между миром и войной, похожее на перемежающуюся лихорадку, грозит затянуться до бесконечности и делает невозможным хозяйственное восстановление Старого Света. Промышленная депрессия ведет к массовой безработице, и призрак финансового краха начинает все настойчивее стучаться в ворота стран-победительниц.

Диагноз болезни поставлен, таким образом, Ллойд Джорджем правильно. Но лишь только бывший английский премьер обращается к анализу причин, породивших эту болезнь, как поражает самого непредубежденного читателя мелочностью и близорукостью своих объяснений, а ведь Ллойд Джорж считается одним из самых умных людей буржуазной Европы!

Если поверить бывшему первому министру Англии, то все зло проистекает не из объективных условий современного капитализма, но объясняется исключительно ослеплением, упрямством и честолюбием политических вождей. Международная политика последних лет, в глазах его, одно сплошное недоразумение, которое, однако, довольно легко можно было бы разъяснить. Для этого стоит лишь снова вернуться к власти Ллойд Джорджу и заменить Пуанкарэ каким-нибудь более податливым империалистом, который согласился бы действовать по указке Ллойд Джорджа. Любой рабфаковец мог бы, пожалуй, объяснить бывшему английскому премьеру, что разбойничья политика Франции и Англии, одним из ярких выразителей которой был Ллойд Джордж объясняется причинами гораздо более глубокими, чем упрямство Пуанкарэ или близорукость английских консерваторов. Тот же рабфаковец разъяснил бы ему без труда, что и Пуанкарэ, и Ллойд Джордж — типичные представители современного разбойничьего империализма и что именно поэтому оба они одинаково неспособны спасти Европу от того хаоса, который так красноречиво опи-

сывает бывший английский премьер. Они прибавили бы, если бы Ллойд Джордж обратился за разъяснением к ним, что нынешний европейский хаос является неизбежным следствием современного капиталистического общества и спасти Европу и весь мир от него может только победоносная социальная революция. Впрочем, Ллойд Джордж, пожалуй, всего этого не понял бы, потому что вся его книга проникнута страхом перед этой социальной революцией, и поэтому такими наивными, ребяческими являются те средства для лечения болезней, которые он предлагает. Отчаявшись подействовать своими доводами на бульварную прессу и на демагогов национализма, Ллойд Джордж не придумал, например, ничего лучшего, как аппелляция к авторитету... христианских церквей, блистательно доказавших свое бессилие и свою злую волю во время мировой войны.

Как известно, в дни своей молодости Ллойд Джордж был ярым сторонником одной из сект методистского толка и даже исполнял одно время обязанности профессионального проповедника. Ныне он вздумал тряхнуть стариной и произнес на Генеральном Собрании в Эдинбурге настоящую проповедь с цитатами из Писания, благочестивыми ламентациями и елейными увещаниями. Христианские церкви без различия вероисповеданий должны начать крестовый поход в пользу мира. Это чуть ли не единственная плотина, которая в глазах Ллойд Джорджа еще может предохранить европейскую цивилизацию от неминуемой гибели.

Ллойд Джордж, конечно, не настолько наивен и простодушен, чтобы не понимать всей вздорности предлагаемых им средств. Совсем напротив. Он самый гибкий, самый прозорливый и самый хитрый из современных буржуазных политиков. В отличие от своего главного антагониста — Пуанкарэ, он умеет видеть несколько дальше завтрашнего дня, и этим объясняется охвативший его испуг. Но найти выход он всетаки не умеет, потому что при помощи средств, которые

имеются в его распоряжении, — в рамках современного капитализма, — спасти Европу невозможно. И Ллойд Джордж хватается за соломинку, в которую он сам, вероятно, не верит, ибо ничего, кроме этой соломинки, у него под руками нет.

Книга Ллойд Джорджа в высшей степени симптоматична. Она показывает, какая растерянность и какая тревога охватывают в настоящее время наиболее вдумчивых вождей Запада. Как и книга Нитти, книга Ллойд Джорджа — крик с тонущего корабля, стон буржуазного идеолога, перепуганного на-смерть близостью социальной революции, приближение которой он видит и предотвратить которую бессилен.

Л. Г. Нежданов.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Статьи и речи, объединные в этой книге, представляют собою беглый коментарий к положению вещей в Европе за последние 10 месяцев. Хотя во мгле, окутывающей ныне европейский континент, трудно видеть с достаточной ясностью, что именно происходит, и еще труднее предсказать, что может произойти,—я не счел нужным пересмотреть заново суждения, высказывавшиеся мною время от времени в этих периодических обзорах. За тот промежуток, который они охватывают, дело мира потерпело несомненный и чувствительный ущерб. Относительно годов, последовавших непосредственно после окончания Великой войны, надо, в общем, сказать, что каждый год был значительно лучше своего предшественника. В настроении соперничающих народов замечались признаки постепенного выздоровления и улучшения, и на Востоке, равно как и на Западе, можно было констатировать поворот к разуму и спокойствию во взаимных отношениях. Во время совещаний в Канне, в январе 1922 года, атмосфера враждебности, отравлявшая совещания в Спа в 1920 году, в значительной мере рассеялась, и остроумная речь г-на Ратенау в Генуе, в апреле 1922 года, вызвала сердечные и общие рукоплескания. Парижским телеграммам не удалось вызвать бурю, и один из ораторов последнего заседания, заимствуя сравнение у стоявшей в то время погоды, сказал, что конференция кончается при ясном и безоблачном небе.

Так обстояло дело в мае 1922 года. Эти слова были тогда встречены громкими одобрениями; но если бы кто-нибудь повторил их в настоящее время, его, конечно, приветствовали бы ироническим смехом. Истекший год прошел под знаком все возрастающих опасений и угроз. Международное настроение явственно изменилось к худшему. Мир с Турцией кое-как налажен, но никто не верит в его прочность. Единственный вопрос состоит в том, сколько времени этот мир может продержаться. Быть может, и другие договоры будут с грехом пополам заключены между соперничающими народами, прежде чем год закончится. Но об этих договорах можно с уверенностью сказать только одно: они повергнут дело европейского мира в еще более прекарное и неустойчивое положение. Мир, исторгнутый торжествующей силой у беспомощного противника, никогда не бывает хорошим миром. Вот почему я гляжу с сомнением на те уступки, которые, быть может, скоро будут вырваны у германского отчаяния в Руре и у греческого бессилия в Адриатическом море. Соглашение по вопросу о Фиуме обещает быть более прочным, несмотря на угрожающие предзнаменования. Юго-Славия слишком сильна в военном отношении, чтобы находиться в зависимости от какой-либо державы. Война доказала, что сербы являются едва ли не лучшим боевым материалом в целой Европе. Вместе с тем, они прекрасно снабжены современным оружием, и если, к несчастью, в этом последнем все-таки появится нужда, то все недочеты могут быть скоро пополнены военными заводами Чехо-Словакии. Однако, я доныне надеюсь, что вопрос о Фиуме и впредь останется в ведении дипломатов, а не мастеров пушечного дела. Международное право в наши бурные дни зависит, повидимому, не столько от начал справедливости, сколько от шансов успеха. Юго-славяне готовы сражаться за свои права и могут сделать это. Стало быть, позволительно говорить о конференции и даже об арбитраже в деле, их касающемся. Германия и Греция сражаться не могут.

Поэтому их жребием является безусловная сдача. И все же, со стороны их врагов, это не только нарушение права, но и плохой расчет. Несправедливые уступки, вырванные насилием, не являются соглашением в полном смысле этого слова; они представляют собою лишь отсрочку. Решение, которое история вынесет в следующем торжественном заседании своего суда, тоже окажется временным, и, таким образом, спор будет длиться до финальной катастрофы, если только человечество в один прекрасный день не увидит света истины и не решится последовать за ним. Однако, этот день должен наступить поскорее, иначе будет слишком поздно для спасения цивилизации. Недавний вооруженный конфликт между великими державами показал, какие огромные возможности разрушения доступны современной науке. С тех пор прогресс военной техники был и продолжает быть столь быстрым, что столкновение, могущее не сегодня-завтра разразиться, будет в десять раз опустошительнее Великой войны 1914—1918 гг. Слишком много научных и технических сил посвящено все возрастающему усилению аппарата, который служит разрушительным целям. Необычайный прогресс, если только здесь может идти речь о прогрессе,—совершился за последние три-четыре года по части этого рода чертовщины. А что будет через пять, десять или двадцать лет, считая от нынешнего дня?

Народы, которые собирают, фабрикуют и совершенствуют всевозможные взрывчатые вещества, насыщают вместе с тем всю окружающую среду легко воспламеняющимися страстями, что неминуемо должно вызвать когда-нибудь взрыв. Несправедливости, насилия, наглость и дух отмщения пропитали самую почву Европы.

Я никогда не сомневался, что Франция может навязать Германии какие угодно условия. Было ясно, что для Франции легко заставить немцев подчиниться всякому приговору, который будет им продиктован. Надо только удивляться, что Германия продержалась так долго. В предлагаемых статьях я лишь

указывал, что подобные условия никогда не дадут в смысле репараций того, что могла бы дать более примирительная линия поведения; я утверждал, что применение этих условий на практике явится источником постоянных трений, и что методы, пускаемые в ход с целью поработить Германию, должны пробудить в ней патриотическое бешенство, которое, в конце концов, приведет к гибели нынешнего победителя.

Когда вторжение в Рур было окончательно решено, недоимка в поставке угля, послужившая главным поводом, достигала 10% всего требуемого количества. Немного лучшая организация подачи вагонов с французской стороны в кратчайший срок устранила бы этот недочет. Во время оккупации французам и бельгийцам не удалось получить и одной шестой части того, что было доставлено за соответствующие месяцы предыдущего года. Даже когда кончилось пассивное сопротивление, понадобились долгие недели, дабы восстановить железнодорожные пути и привести угольные шахты в порядок. „Новому режиму" придется предварительно покрыть недоимку в 15.000.000 тонн, прежде чем можно будет начать регулярную ежемесячную поставку. Кто заплатит за эти убытки? Можно без всякого преувеличения сказать, что Германия теперь еще менее способна выполнять исправно свои обязательства, нежели то было перед вторжением французов в Рур. Ее кредит совершенно улетучился и, так сказать, исчез из виду. Понадобится не мало времени, прежде чем удастся воротить его из его странствий и вновь поставить обеими ногами на европейскую почву.

Существуют только четыре пути для того, чтобы огромные суммы, которые задолжала Германия, были наконец уплачены:

1) Передача союзникам золотых запасов, принадлежащих Германскому государству и частным лицам и хранящихся внутри страны или заграницей в виде депозитов. Сумма, хранящаяся внутри Германии, совершено ничтожна; величина суммы, хранящейся заграницей, подлежит спору. Значительная

часть этой последней необходима, чтобы Германия могла покупать заграницей сырой материал и продовольствие, нужное для ее существования. Чем хуже германский кредит, тем больше должен быть депозит, внесенный в иностранные банки. Что же касается тех заграничных депозитов, которые не являются безусловно необходимыми для торговли, то далеко не все из них могут быть использованы, ибо нет средств принудить хранителей выдать эти депозиты. Таким образом, средства, полученные из этого источника, явятся лишь небольшим процентом всей суммы, подлежащей уплате.

2) Поставка угля, строевого леса, поташа, красящих веществ и других сырых материалов. Если не считать строевого леса, то эти поставки совершались в общем исправно—со времени соглашения в Спа. Не было никакой надобности прибегать к вооруженному нашествию, чтобы улучшить дело этих поставок, считая в том числе и требования союзников по части строевого леса.

3) Процентный сбор с германского экспорта. Этот последний оплачивается золотом или его эквивалентами и, следовательно, сбор будет производиться в золоте. 20%-ный сбор с германского экспорта должен дать от 40 до 50 тысяч фунтов стерлингов в год, если исходить от общей суммы экспорта за прошлый год. Когда германская торговля вернется к своему нормальному уровню, сбор достигнет 100.000 фунтов. Эта сумма, сложенная со стоимостью поставляемых материалов, должна погашать проценты и постепенно понижать основной фонд в 2.500.000.000 фунтов стерлингов, который ныне признан в качестве максимума того, что Германия вообще может дать.

4) Восстановление германского кредита с немедленным проведением займа для уплаты репараций. Это должно помочь союзникам в их собственных, наиболее насущных, финансовых нуждах.

Эти четыре метода являются единственными известными средствами добиться репараций. Они были бы гораздо более

действительными и плодотворными, если бы так много времени, денег и сил не было потрачено на бессмысленное вторжение в Рур.

Апологеты французского выступления в Руре указывают, что Франция была доведена до этой крайности отказом Великобритании действовать совместно с нею и применить законные репрессии, которые понудили бы Германию выполнить договор. Тем, кто выдвигает подобные доводы, неизвестны предложения, сделанные Британским правительством на конференции союзников в августе 1922 года. Эти предложения были, в своей существенной части, приняты всеми союзниками за исключением Франции. В текущем году в парламенте дважды раздавались требования, чтобы правительство опубликовало проект названных условий. Как нынешний, так и прежний премьер-министры дали благоприятный, хотя и не окончательный ответ на эту просьбу. Но до самого августа месяца это не было сделано. Чем объясняется подобное нежелание ознакомить общественное мнение с совершившимися фактами? Прения ноябрьской и январской конференций были полностью обнародованы. Но эти последние были лишь продолжением августовской конференции. Итак, история этих роковых конференций будет неполна, если устранить отчет о том, что происходило в августе. Почему мир не должен знать предложений, которые Франция отвергла в августе 1922 года? В виду отсутствия официальных сообщений я позволю себе дать следующее краткое резюме:

Было предложено:

1) Потребовать от Германии принятия мер, выработанных Репарационной комиссией, для сбалансирования бюджета и восстановления финансовой устойчивости.

2) Сделать Рейхсбанк независимым от правительственного контроля.

3) Принять в будущем за правило, что 26% с общей стоимости германского экспорта должны реализоваться в золоте

или в иностранной валюте и вноситься в Рейхсбанк на особый счет суб-комитета Репарационной комиссии, известного под именем комитета Гарантий.

4) Сверх того, все таможенные поступления от германского импорта и экспорта, за исключением означенного сбора, должны вноситься в Рейхсбанк на специальный текущий счет, находящийся под контролем комитета Гарантий. Германское правительство будет иметь право распоряжаться суммами, значащимися по этому счету, лишь постольку, поскольку Репарационная комиссия будет удовлетворена исполнением Германией ее обязательств. Если комиссия не выражает подобного удовлетворения, комитет Гарантий имеет право наложить запрещение на суммы, заприходованные по означенному счету, и распоряжаться впредь названными поступлениями.

5) Предлагалось также организовать серьезный надзор за германскими финансами со стороны комитета Гарантий и принять меры для предупреждения вывоза германских капиталов за границу.

6) Установить контроль над государственными рудниками и лесами при наличности промедлений в поставках угля и строевого леса.

В случае принятия вышеозначенных условий Германским правительством должна была последовать отсрочка платежей вплоть до декабря 1922 года, и Репарационной комиссии предоставлялось установить размеры и срок дальнейших ежегодных взносов.

Если бы эти предложения были приняты союзниками, то к какому бы результату они привели? Поставки угля и строевого леса достигли бы обещанной нормы. При помощи сбора с экспорта, 50.000 фунтов стерлингов были бы реализованы в золоте и уплачены союзникам. Марка была бы стабилизирована и могла бы сделаться базисом для крупного займа. Так как германская торговля постепенно улучшается, сбор с экспорта поступал бы все в больших размерах. Текущий

год несомненно дал бы от 60 до 70 тысяч фунтов. Вот что было бы сделано для уплаты репараций, если бы план, выдвинутый Британским правительством, был одобрен и приведен в исполнение в августе. Соглашение в самом жгучем вопросе устранило бы большие издержки и еще большее раздражение, связанные с рурским эпизодом, торговля могла бы по прежнему улучшаться и мир Европы был бы упрочен.

Что случилось бы, еслиб Германия отвергла эти условия? Нам, конечно следовало выслушать, какие замечания или контрпредложения она делает, но у нас создалась бы твердая решимость добиться соглашения, полагающего предел фискальному хаосу, который царствует в Германии; создав возможность платежа, мы добились бы, чтобы Германия платила в меру своей действительной платежеспособности. Мы. следовательно, были готовы, в случае, если Германия отвергнет условия в их окончательной форме, принять, совместно с Францией и другими союзниками, принудительные меры, достаточные, чтобы добиться подчинения. Г-н Пуанкарэ отказался. Только его отказ сделал конференцию бесплодной. С тех пор прошло более года. Он проводил другую политику. До сих пор она ничего не принесла ему. Я имею смелость предсказать, что и в будущем эта политика принесет Франции значительно меньше, нежели план, выработанный в августе 1922 года.

Если Пуанкарэ желает уплаты репараций, его политика неизбежно должна провалиться в сравнении с тою, которую он так резко отверг. Но если он хочет смуты, то он уже добился значительного успеха, и в будущем его ожидают еще бо̀льшие триумфы. Постоянная оккупация Рура создает возможность раздоров, которые нетрудно предвидеть.

Прочный мир может существовать лишь на основах справедливости. Справедливо, что Германия должна, в меру своих сил, возместить убытки, нанесенные ее армиями. Она была нападающей стороной; она вторглась на чужую территорию. Это нападение причинило серьезный вред ее соседям. Согласно

принципам права, принятого во всем цивилизованном мире, она должна заплатить за это. Мир, заключенный без такого рода обязательств, был бы несправедливым и вызвал бы вполне законное раздражение со стороны пострадавших. Это чувство явилось бы серьезным препятствием для взаимного понимания, столь существенного для мира. Вдобавок, то был бы для всех народов не особенно поучительный пример того, как можно опустошать и разорять чужую страну, ни чем не расплачиваясь за свои злодеяния. Вот почему я не могу согласиться с теми, кто хотел бы совершенно устранить вопрос о репарациях. С другой стороны, правосудие цивилизованных народов уже достигло той ступени, когда кредитору воспрещается лишать должника свободы и независимости в обеспечение уплаты долга. Закон, позволяющий продавать несостоятельного должника в рабство, считается ныне варварским и устарелым. Вот почему я протестую против употребления вооруженной силы для оккупации страны, причем ее рабочие под кнутом голода вынуждены работать для уплаты иностранному кредитору. Гладстон однажды сказал: „Справедливость означает справедливость для всех“. Главная трудность для справедливого разрешения вопроса о репарациях зависит от все возрастающей склонности слепо становиться лишь на одну сторону в этом споре. Одна сторона видит лишь обиды 1914—1918 года и справедливые требования пострадавших о возмещении потерь. Другая сторона видит лишь неистовую ярость, с которой победители приводят свой приговор в исполнение. Мир может быть восстановлен лишь при полном соблюдении требований как формальной справедливости, так и человечности. Я хотел бы, чтобы эти страницы послужили на пользу и той, и другой.

Д. Ллойд Джордж.

Сентябрь 1923 г.

1922.

1922 год был свидетелем трудной борьбы за установление мира во всем мире.

В течение 1919, 20 и 1921 г. „тарантелла была еще в крови у народов“. Безумный военный танец еще трепетал в их членах, и они не могли успокоиться. Трескотня ружейных выстрелов не прекращалась и делала невозможным отдых, такой необходимый для всех. Не было страны в Европе и в Азии, войска который не обменивались бы гневными выстрелами с каким-нибудь внешним или внутренним врагом.

Америка опустила противопожарный занавес, прежде чем это истерическое бешенство успело прекратиться. Была ли она права? Слишком рано было бы дать на это ответ. Дело только „начато слушанием“; многие годы, свидетельства которых мы ждем, еще не успели вступить в свидетельскую камеру. Следовательно, должно пройти некоторое время, прежде чем будет вынесен приговор истории.

Но 1922 год являет много ярких симптомов того, что здоровье возвращается больным частям света. До 1922 года раздражительность натянутых нервов повсюду давала себя чувствовать. Легчайшая обида или недоразумение, даже не имевшее международного характера, вызывали ссору, и за ссорой часто следовали удары. Весь мир казался сумасшедшим. Вопли взаимно раздирающих друг друга народов оглашали европейскую ночь и делали ее отвратительной. Один известный генерал, — если не ошибаюсь, то было в год от воплощения слова 1920 — насчитал 30 войн, больших и малых, которые велись одновременно. Кого следовало винить за это? Всех и никого. Человечество только что пережило нервную встряску, самую страшную во всей своей мучительной истории, и еще не могло быть ответственным за свои действия. Миллионы молодых людей

в течение нескольких лет подряд стояли лицом к лицу с неимоверным ужасом, который нельзя сравнить ни с чем, кроме рисуемых Мильтоном картин небесного боя, когда падшие ангелы низвергаются в бездну. И когда ангел мира повел народы прочь от ворот преисподней, нельзя удивляться, что им потребовалось немало времени, дабы вернуть себе зрение и здоровье.

1922 год был годом выздоровления. Внешним, видимым признаком этого было изменение в характере международных конференций, имевших место в этом году. Конференции, сопровождавшиеся ультиматумами, уступили место настоящим мирным конференциям. Старый метод, которого придерживались, главным образом, государственные люди Франции, заключался в том, что своими требованиями они ударяли по конференциям, словно молотом по наковальне, и посылали эти требования в форме ультиматумов народам, которые, несмотря на мирный договор, все еще третировались как враги; новый метод состоял в спокойном обсуждении условий примирения.

Германия, не имеющая флота в Тихом океане, не была приглашена на Вашингтонскую конференцию, а Россия оказалась устраненной по другим причинам. Но на Каннской конференции [1]) Германия была представлена, а в Генуе [2]) и Германия, и Россия имели своих делегатов.

Вашингтонская конференция была во многих отношениях самой замечательной международной конференцией, какие только когда-либо имели место. Впервые великие народы, обладающие могущественными вооруженными силами, сознательно согласились обсудить вопрос о добровольном ограничении своих оборонительных и наступательных средств. Ограничительные условия этого рода часто включались в мирные договоры по требованию торжествующих победителей и к невыгоде их побежденных врагов. Версальский договор служит тому примером. Но на Вашингтонской конференции победители обсуждали одновременное сокращение флотов, построенных ради национальной безопасности и бывших предметом национальной гордости. Поэтому друзья мира имели полное основание радоваться, видя, какие большие сокращения были достигнуты в судостроительных программах самых могуществен-

---

[1]) Январь 1922 года.
[2]) Апрель—май 1922 года.

ных морских держав мира — Великобритании, Соединенных Штатов и Японии. То был прямой результат вашингтонских переговоров.

Американские государственные люди занимали здесь руководящее положение, которым они вправе гордиться, и 1922 год, кончаясь, может требовать, чтобы этот триумф взаимного понимания был поставлен ему в заслугу.

Совещания в Канне и Генуе также имеют право занять почетное место в обширной и все возрастающей семье международных конференций. В Вашингтоне совещались только союзники. В Канне и Генуе сошлись народы, которые еще недавно противостояли друг другу в смертельной борьбе. На каждой из этих конференций я встречал людей, которые только что успели оправиться после тяжких ран, полученных во время войны. В Канне французские, бельгийские, итальянские, японские, а также британские министры и эксперты — сидели рядом с германскими министрами и экспертами, обсуждая мучительный вопрос о репарациях без всяких попреков и взаимных обвинений. То было спокойное признание не только прав пострадавших стран, но и трудностей, с которыми приходилось бороться виновному государству.

Независимо от германской проблемы решено было устранить все элементы политического и экономического разногласия, которые поддерживают брожение в Европе и делают невозможным ее выздоровление.

Постановлено было созвать все давно воевавшие народы на большую конференцию в Генуе и там обсудить вопросы о восстановлении нормального порядка вещей. Туда же приглашены были нейтральные нации Европы. То было великое решение. Три препятствия стояли на пути реализации этой программы. Первым препятствием было требование Франции, чтобы все специфические проблемы, вытекающие из Версальского договора, были изъяты из рассмотрения конференции. То было важное ограничение функций и возможностей этой последней. Все же, если бы каннские заседания продолжались, с немцами могло бы быть достигнуто соглашение, которое облегчило бы переговоры в Генуе. Вторым препятствием явился отказ Америки принять участие в совещаниях. Почему отказалось Американское правительство? Быть может, были вполне достаточные основания для этого отказа, но только ангел, ведущий книгу живота, имеет на этот счет

полные и точные сведения. Третьим препятствием было падение министерства Бриана. Несмотря на все эти серьезные помехи, в Генуе было сделано большое дело. Оно соединило в одних и тех же комнатах врагов, которые, в течение нескольких лет перед этим, встречались только на полях сражений. Они заседали и беседовали вокруг стола несколько недель подряд — на конференции. в ее комитетах и суб-комитетах. Они вместе преломили хлеб и пили вино за одной и той же праздничной трапезой. Прежде чем конференция пришла к своему концу, успела установиться дружественная атмосфера, которая сама по себе явилась гарантией мирных отношений, ибо делегаты, заседавшие в Генуе, были людьми, обладавшими действительным влиянием в своих странах.

Но как ни важен был этот, не подлежащий точному учету результат, еще важнее то, что удалось закончить. Тридцать народов, представленных в этом собрании, заключили торжественный договор не совершать никаких аггрессивных действий против своих соседей. Когда началась конференция, лишь немногие из этих народов были свободны от мучительного подозрения, что соседи замышляют по отношению к ним какое-нибудь насилие. Когда они явились в Геную, они все страшились за судьбу мира и предвидели войну. Генуя устранила все эти опасения.

Одним из самых многообещающих результатов этого договора и общего улучшения атмосферных условий было значительное уменьшение большевистской армии. Она уже доведена до размеров французской армии, и теперь нам обещают ее дальнейшее уменьшение. Это устраняет важную угрозу европейскому миру. Если за сокращением армий на Востоке последует соответственное сокращение на Западе, царство мира не далеко от нас.

Теперь не время рассуждать относительно весьма важных соглашений, заключенных в Генуе по вопросам товаро-обмена, кредита и транспорта. Все зависит от их успешного проведения в жизнь, на основах действительного мира и дружеского взаимного понимания между различными народами. Мир и благоволение на земле до сих пор остаются тем единственным евангелием, которое должны проповедывать идеалисты и применять на практике государственные люди. Вне этого все планы и протоколы неизбежно осуждены на неудачу.

Где спустится усталый ангел мира? Он все еще летит, ибо воды потопа не успели отхлынуть. Ангел может спуститься на дальнем Западе и, пожалуй, в Англии, но во всяком случае не в Ирландии.

А Европейский континент до сих пор кажется топким и ненадежным. Прения во французской палате депутатов по вопросу о репарациях не могут нас обрадовать. Единственная разница мнений, обнаружившаяся во время дебатов, сводилась к спору между теми, кто советовал продвижение в Рур и дальнейшие захваты германской территории, и теми, кто предпочитал „распространение по левому берегу Рейна". Оккупация, контроль, распространение, анексия — все эти слова означают одно и то же: провинции, лежащие на левом берегу Рейна, должны быть оторваны от Германии и присоединены к Франции.

Разговорами этого рода нельзя добиться мира. Мирная музыка 1922 г. заканчивается зловещей нотой. Ее нужно сопоставить с другим событием, имевшим место в 1922 году, а именно с заключением русско-германского соглашения. С тех пор Чичерин прочно обосновался в Берлине. Люди, которые ломают голову, выдумывая новые пытки для Германии, подготовляют ужасы для своих собственных детей и для своих соседей.

Год кончается слухами об американских проектах авансировать крупные суммы денег, в надежде разрешить мучительный вопрос о германских репарациях. Этот заем, как предполагают, будет сопровождаться гарантией со стороны Франции не совершать новых захватов германской территории. Некоторые идут так далеко, что предполагают будто главным условием этого рождественского подарка является согласие Франции уменьшить свою армию и сохранить флот в пределах, установленных в Вашингтоне.

Никто не знает этого наверно, и я лишь повторяю болтовню газетной прессы. Но если заем в 350.000.000 фунтов стерлингов действительно может быть реализован, то люди, замышляющие этот план, поступают мудро, выдвигая условия, которые создадут некоторый шанс поступления умеренных процентов во все годы жизни нынешнего поколения.

Ни один разумный банкир не даст своих денег под залог пылающего вулкана.

Лондон.
20/XII 22 г.

К чему стремится Франция.

I. Рейн.

Г-н Клемансо, в ряде замечательных речей, произнесенных им в Соединенных Штатах С. Америки, обвиняет Великобританию в нарушении договора, который гарантирует Францию против нового германского нашествия. В целой Франции Англия не имеет лучшего друга, чем г-н Клемансо. На всем протяжении своей долгой и бурной политической карьеры он никогда не изменял дружбе к Англии. Много раз его горько упрекали за это. Французские журналисты не жалеют инсинуаций по адресу тех, кого ненавидят. Они ненавидят страстно и бьют без оглядки, и г-н Клемансо, человек непреклонной честности, был когда то обвинен некоторыми органами парижской прессы в том, что его, будто бы, подкупила Англия. Итак, если он ныне выказывает себя несправедливым к Великобритании, то я убежден, что это зависит не от слепой ненависти к нашей стране, но от временного забвения фактов.

Впрочем, некоторые факты он указывает совершенно верно. При заключении Версальского договора действительно пришлось считаться с требованиями тех, кто желал присоединить левый берег Рейна к Франции. Во Франции существовала сильная партия, вынуждавшая г-на Клемансо домогаться, чтобы Рейн был признан в качестве естественной границы страны и чтобы разгром Германии был использован для распространения французских пределов вплоть до этой роковой реки. С незапамятных времен люди сражались на ее берегах—и это настоящая река крови. Если бы французскому шовинизму удалось достигнуть своей цели на Парижской конференции, Рейн еще при жизни нынешнего поколения вновь разлился бы и стал опустошать Европу. Наиболее умеренной и, вместе с тем,

наиболее коварной формой этого требования явилось предложение, чтобы германские провинции на левом берегу Рейна были оккупированы французами вплоть до окончательного выполнения всех условий мирного договора. Иначе говоря — навсегда. Один вопрос о репарациях, искусно использованный на Орсейской Набережной, мог бы сделать навеки невозможным подобное исполнение. Довод, который выдвигали сторонники этого решения, заключался в указании на беззащитность французской границы, при отсутствии какой-либо естественной преграды. На памяти ныне живущих людей, Франция дважды подверглась нашествию и опустошению со стороны своего грозного соседа. Германская военная мощь ныне сокрушена: богатые и густо населенные провинции Германской империи возвращены Франции и Польше, но все же население Германии на 50% превышает население Франции и, вдобавок, возрастает с угрожающей быстротой, тогда как население Франции остается неизменным. Немецкие города и деревни полны веселого детского шума.

Нельзя долго беседовать с французом, не заметив, как призрак германской плодовитости пугает Францию и мешает ей ясно понимать происходящее. Эти дети,—говорят нам,— воспитываются в духе отмщения; современем борьба возобновится, и у Франции не будет естественной защиты против мстительных орд, которые теперь резвятся на немецких улицах и оглашают веселым гамом своих голосов детские сады Германии.

Нам говорят, что Рейн представляет собою единственную возможную линию обороны. Так, повидимому, решило само провидение, и лишь пагубное вмешательство государственных людей, враждебных Франции, отняло у французов эту гарантию мира, созданную прозорливой природой.

Тот факт, что присоединение левого берега означает иноземное иго для миллионов людей, связанных с Германией происхождением, историей и симпатиями; что это внедрение столь многочисленного чуждого элемента, враждебного каждой своей фиброй французскому господству, должно сделаться постоянным источником волнения и тревог для Французского правительства; и что, наконец, это еще более будет побуждать Германию начать войну, справедливую и священную войну за освобождение — нисколько не действует на Рейнскую школу французских политиков.

Эта школа могущественна теперь, как и прежде. В одном отношении она даже могущественнее, чем в 1919 году, ибо тогда во главе правительства стоял государственный деятель, достаточно сильный и прозорливый, чтобы противиться этим злополучным требованиям.

Но что мы видим в 1922 году? Где прозорливость? где сила? Существует вполне реальная опасность, что пятнадцатилетняя оккупация, под тем или иным предлогом, может быть продлена без конца. Когда наступит условленный срок, найдется ли во Франции министерство, настолько сильное, чтобы отозвать войска? Прежде чем пройдут эти пятнадцать лет оккупации, найдется ли там министерство или ряд министерств, настолько сильных, чтобы противостоять постоянно выдвигаемым французской печатью требованиям о превращении срочной оккупации в бессрочную?

От ответа на эти вопросы зависит мир Европы, мир всего мира и, быть может, все существование нашей цивилизации. Давление, вынуждающее сделать дурное дело, которое вновь заставит пролиться реки человеческой крови, чрезвычайно упорно. Соблазн все возрастает, сопротивление становится все слабее. Америка и Великобритания, выступив совместно, одни в силах предупредить катастрофу. Они могут сделать это, ясно дав понять, что нападающий, кто бы он ни был, будет иметь против себя непобедимую мощь этих двух государств, готовых объединиться против всякой нации, стремящейся вовлечь мир в новый конфликт.

Есть люди в Германии, проповедывающие отмщение. Должно быть громко сказано, что война с целью реванша найдет прежних союзников бок-о-бок и повлечет за собою наказание для нарушителей мира. Есть люди во Франции, которые советуют произвести анексию территорий, населенных чуждой расой. Нужно предупредить, что подобный шаг повлечет за собою потерю симпатий Великобритании и Америки и что, когда начнется неизбежная освободительная война, сочувствие Америки и Великобритании окажется целиком на стороне тех, кто сражается за национальную свободу.

Наступило время сказать все это, и если это не будет сказано людьми, облеченными властью, человечество, со временем, призовет этих людей к ответу. Версальский договор был подписан с целью укрепить Клемансо в его борьбе против агрессивной партии, которая тогда, как и теперь, стремилась вовлечь

Францию в колоссальную ошибку анексии территорий, искони населенных чистокровными немцами.

Г-н Клемансо прекрасно знает, что Великобритания всегда была готова, в продолжении истекших трех лет и вплоть до недавних месяцев, исполнять все обязательства, вытекающие из этого договора, независимо от участия в нем Соединенных Штатов. В Канне, в начале текущего года, я сделал определенное заявление в этом смысле. Оно было высказано в письме, посланном мною от имени Британского правительства г. Бриану, который был тогда первым министром Франции.

Я старался обеспечить сотрудничество Франции в общем усилии улучшить положение вещей в Европе и установить действительный мир от Уральских гор до Атлантического берега. Французские подозрения и опасения являлись серьезным препятствием на пути к соглашению, и я думал, что если бы для Франции стало ясным, что вся мощь Британской империи явится к ней на помощь в случае неприятельского нашествия, французское общественное мнение будет лучше подготовлено к обсуждению вопросов, которые волнуют Европу.

Дружелюбие в международных отношениях является существенным условием восстановления испорченного механизма международной торговли. В случае, если раздражение господствует в великой стране, которая, подобно Франции, приобрела в результате войны преобладающее положение на континенте, нет возможности добиться спокойствия в Европе.

Так зародилось предложение, сделанное Британским правительством. Г-н Бриан был готов приветствовать это предложение и приступить к спокойному рассмотрению всех трудных вопросов, связанных с положением вещей в Европе. Было поставлено созвать в Генуе конференцию для обсуждения условий европейского товарообмена, кредита и торговли. Было решено, что будет сделана попытка установить мир с Россией и вновь привлечь эту великую страну к участию в международной жизни. Важный шаг был сделан на пути к подлинному примирению. Германское правительство получило приглашение прислать своего первого министра на Каннскую конференцию с целью выработать приемлемое соглашение по злополучному вопросу о репарациях. На это приглашение последовал быстрый ответ, и д-р Ратенау, в сопровождении двух или трех влиятельных министров и свиты из

финансовых экспертов, прибыл в Канн во-время, чтобы принять участие в совещаниях.

Переговоры велись в обнадеживающем тоне, и казалось, что ближайшие недели дадут результаты, которые успокоят волнение встревоженных наций и начнут собою обещанную эру братства. Но увы! Сатана еще не покончил своего дела в Европе. Министерский кризис во Франции ниспровергнул все наши надежды. Конференция была прервана почти накануне того дня, когда должно было состояться окончательное решение.

Подозрение вновь пустило ростки, и Европа, повидимому, вполне готовая войти в гавань взаимного доброжелательства, была резко отброшена обратно в бурное море международного недоверия. Сделанное Великобританией предложение заключить договор о гарантиях для Франции было отвергнуто с презрением; нам сказали очень грубо, что это бесполезно при отсутствии военной конвенции. Эту последнюю мы отклонили. Европа слишком много пострадала от военных конвенций, чтобы стоило повторять столь гибельный опыт.

Договор с Великобританией отложен в настоящее время в долгий ящик. Но мы никогда не уклонялись от него. Г-ну Клемансо следовало бы жаловаться в Париже на своих собственных соотечественников, а не в Нью-Иорке на англичан. Заключение договора способствовало бы созданию прочного мира в Европе.

История Генуэзской конференции слишком свежа в памяти, чтобы стоило повторять ее в существенных чертах. Новое французское министерство действовало — не как правительство, подписавшее приглашение на конференцию и ответственное за ее успешный исход, но, скорее, как придирчивый критик, которого нужно убеждать и уговаривать на каждом вершке дороги, и который, встречаясь с малейшим препятствием, спешит повернуть обратно, предоставляя остальной Европе бороться со всеми трудностями при ироническом смехе Франции.

Я не жалуюсь на г-на Барту. Он сделал все, что мог, и остался лойяльным по отношению к конференции, в созыве которой участвовало его собственное правительство. Но поставленная ему задача была неосуществима. Его связывали, затрудняли и запутывали на каждом шагу. Лишь только он делал попытку двинуться вперед, на него накидывали аркан при помощи депеши из Парижа. Я имел возможность установить,

что он получил свыше 800 сообщений этого рода в течение того времени, пока длилась конференция.

Что мог сделать этот бедный человек при столь диких условиях? Другие европейские страны были встревожены и смущены. Они страстно желали, чтобы Генуэзская конференция кончилась прочным миром. Не было никакого сомнения в их искренности, но они не могли не видеть, что одна из великих держав стремится к разрыву. Совершенно естественно, они боялись показать себя стоящими исключительно на точке зрения одной из сторон.

Просто чудо, что несмотря на злополучную линию поведения, усвоенную Французским правительством, все же был подписан договор, который обеспечивает, по крайней мере, на несколько месяцев, мир в Восточной Европе. Перед конференцией мы слышали об армиях, вытянувшихся вдоль границ, и о передвижении войск, которые угрожали друг другу на всем пространстве от Балтийского до Черного моря. В Генуе удалось рассеять эту тучу. Но прочный мир все-таки еще не установлен, а срок, предусмотренный в договоре с Россией, скоро истечет. Я все же надеюсь, что дух Генуи будет по прежнему стоять между враждебными армиями и не позволит им скрестить мечи.

Все это, однако, отвлекло меня в сторону от разбора утверждений г-на Клемансо, будто Великобритания не держит своего слова в вопросе о гарантиях для Франции против германского нападения.

Наше предложение было определенным образом возобновлено в Канне—и г-н Пуанкарэ не принял его. У меня есть особое мнение о том, почему он так поступил. Вовсе не потому, что он не хочет скрепить своей подписью решение своего предшественника. Я боюсь, что истинная причина имеет более зловещий характер. Если Франция примет английскую гарантию защиты своих границ, исчезнет всякое оправдание для анексии левого берега Рейна.

Если это объяснение справедливо, если французские министры решили в глубине души, что ни при каких условиях, и даже по окончании периода оккупации, они не очистят Рейна, тогда открывается новая глава в истории Европы и всего мира, глава, исполненная такого ужаса, какого человечество еще никогда не видело.

Германские провинции на левом берегу Рейна являются вполне немецкими по крови, языку, преданиям и симпатиям.

В Европе живет всего около 70 миллионов немцев. Поколение спустя, их может быть 100 миллионов. Они никогда не успокоятся, пока миллионы их собратьев будут находиться под иноземным игом на том берегу Рейна, и неизбежная война за их освобождение явится лишь вопросом времени и благоприятной обстановки.

Мы знаем, какова была последняя война. Но ни кто не может предсказать ужасов будущей войны. Развитие науки беспощадно, и она неизменно исполняет требования человека, независимо от того, направлены ли они к созиданию, или к разрушению. Нельзя требовать, чтобы Америка перестала проявлять деятельный интерес тому, что творится на Рейне. В этом отношении я вполне согласен с г-ном Клемансо. Ни Великобритания, ни Америка не могут игнорировать события, происходящие вдали от их берегов. От Рейна до Миссисипи очень далеко, но все же не так далеко, как это принято думать.

Есть могилы вблизи Рейна, где покоится прах людей, которые, меньше чем шесть лет тому назад явились с берегов Миссисипи с лицами, обращенными в сторону Рейна.

II. Рейн.

Перерыв Лондонской конференции и, особенно, причина этого перерыва указывают, что предупреждение, с которым я выступал в моей последней статье, было необходимым и своевременным.

Г-н Пуанкарэ требует оккупации единственной богатой углем области, какая осталась у Германии, и требует этого в качестве гарантии выполнения совершенно невозможных условий.

Лишь в силу глубокого убеждения, что политика, выразившаяся в названном проекте, приведет к волнениям самого серьезного характера в Европе и в целом мире, я издал предупреждающий крик. Я знаю, что это вызовет много гневных возражений. Я привык к этому. Я думаю, что мой долг встретить эти возражения лицом к лицу.

Высказанное в моей последней статье утверждение, что во Франции существует сильная партия, которая смотрит на Рейн, как на естественную ограду этой страны, вызвало целую бурю отрицаний, опровержений и негодующих воплей. Мои слова объявлены злостной выдумкой. Многие удивляются

бесстыдству моей клеветы. Где эта партия? Франция ничего не знает о ней. Это просто пугало, зародившееся исключительно в мозгу отъявленного врага Франции.

Опровержения имеют свою цену, особенно если они исходят от авторитетных людей, и я буду терпеть адресуемые мне упреки с обычной выносливостью человека, который хочет чувствовать себя счастливым, несмотря на то, что занимается политикой, — лишь бы эти опровержения могли в будущем воспрепятствовать международным осложнениям.

Но дальнейшее изучение обстоятельств, на которых покоилось мое утверждение, только усилило мой страх. В чем состояло это утверждение? Позвольте мне процитировать мои собственные слова.

„Во Франции существовала сильная партия, вынуждавшая г-на Клемансо домогаться, чтобы Рейн был признан естественной границей страны, и чтобы разгром Германии был использован для распространения французских пределов вплоть до этой роковой реки“.

„Наиболее умеренной и, вместе с тем, наиболее коварной формой этого требования явилось предложение, чтобы германские провинции на левом берегу Рейна были оккупированы французами вплоть до окончательного выполнения всех условий мирного договора. Иначе говоря — навсегда. Один вопрос о репарациях, искусно использованный на Орсейской Набережной, сделал бы навеки невозможным подобное исполнение“.

„Версальский договор был подписан с целью укрепить Клемансо в его борьбе против агрессивной партии, которая тогда, как и ныне, стремилась вовлечь Францию в колоссальную ошибку анексии территорий, искони населенных чистокровными немцами“.

На каком основании сделал я подобное заявление? Основание это было отлично известно всем, кто участвовал в работах мирной конференции. Рейн был задним фоном всех маневров, которые продолжались в течение долгих недель и месяцев. О чем бы ни шла речь — о Лиге Наций, о германском флоте или о статуте для Фиуме, мы знали, что настоящая борьба начнется по вопросу о Рейне. С одной стороны — как много Франция потребует? С другой стороны — как много согласятся уступить союзники? Глухой конфликт по поводу Рейна продолжался в течение всех совещаний, как бы чужд этой проблеме ни был предмет беседы в данный момент.

Однако, на необнародованные воспоминания нельзя ссылаться при отсутствии более очевидных доказательств. Имеются ли налицо такие доказательства? Я напомню некоторые из них.

Существовала партия, которая рассматривала Рейн в качестве естественной границы Франции. То была сильная партия, возглавляемая сильным человеком — во многих отношениях самым сильным во Франции, а именно маршалом Фошем. Его блестящие заслуги во время войны создали ему положение, каким не пользуется ни один военный во Франции и в других странах. Солдат, который мощью своего гения ведет нацию к победе, обладает влиянием на общественное мнение спасенного им народа в такой мере, на какую не может притязать ни кто другой, и это до тех пор, пока воспоминание об его заслугах еще свежо в памяти сограждан. Это, я готов согласиться,—длится не особенно долго. Благодарность похожа на библейскую манну — ее нужно быстро собрать и использовать, ибо она скоро исчезает. Но в первые месяцы 1919 года маршал Фош еще сидел за праздничным столом народного благоволения. Его слово по всем вопросам, касающимся безопасности и судеб Франции, слушалось с почтением, на которое не мог рассчитывать ни кто другой.

Маршал обладает, сверх того, одним качеством, которое довольно редко является аттрибутом генеральского звания: он сильный и красноречивый оратор. Итак, его слушали, потому что это говорил *он*, и потому, что он говорил именно об *этом*, и потому, *как* он это говорил.

Что говорил он? Он много говорил о границе на Рейне, и я не могу цитировать здесь всего. Я приведу лишь несколько сентенций из его многочисленных выступлений по этому вопросу. 19-го апреля 1919 года в лондонском „Times'е" появилось интервью с маршалом Фошем. Из этого интервью я заимствую следующий многознаменательный отрывок.

„И теперь, достигнув Рейна, мы должны остаться там", — сказал маршал очень выразительно.—„Убедите в этом ваших соотечественников. В этом единственная гарантия нашей безопасности, точно так же, как единственная гарантия их безопасности. Нам нужен барьер. Мы должны двойным замком запереть дверь. Демократические страны, подобные нашим, никогда не бывают аггрессивными и должны иметь сильные естественные границы".

„Вспомните, что 70.000.000 немцев будут для нас постоянной угрозой. Не доверяйте видимости. Их природный харак-

тер не изменился за эти 4 года. Через 50 лет они будут такими же, как сегодня.

. . . .

„От стола и до противоположного конца комнаты маршал Фош развернул большую карту, в шесть или восемь футов длиною. На этой карте были нанесены все естественные особенности этой части Западной Европы. Рейн был означен толстой синей линией. К западу от реки маршал Фош начертил карандашом вогнутую дугу, представляющую новую границу, которую Франция должна получить на основании мирного договора. Очевидно, это был произвольный политический рубеж, не отвечающий природным особенностям страны.

„Взгляните сюда", — сказал маршал Фош, — „здесь нет никаких естественных преград вдоль всей границы. Неужели здесь мы должны будем удерживать немцев, если они снова нападут на нас? Нет! Здесь! Здесь! Здесь!" — И он ткнул своим карандашом в синий Рейн.

„Здесь мы должны быть готовы встречать наших врагов лицом к лицу. Вот преграда, которая создает серьезные затруднения. Если немцы попытаются форсировать переправу через Рейн — о-го-го-го! Но здесь" — и он прикоснулся к начертанной карандашом линии, идущей к северо-западу от Лотарингии, через Саарскую долину, к бельгийской границе: — „Здесь нет ничего".

. . . .

„Нет, если вы мудры, то вы будете стараться сохранить в своих руках замки и стены, и мы должны иметь армию на Рейне. Некоторые люди утверждают, что понадобится слишком много войск, дабы удержать Рейн. Не так много, как для того, чтобы удержать политическую границу. Ибо Рейн можно перейти лишь в некоторых известных местах, тогда как новая политическая граница Франции может быть прорвана, где угодно, и ее придется охранять живою силой на протяжении всей ее длины".

Маршал изложил свою теорию с большими подробностями в докладной записке, которую, в качестве главнокомандующего союзными армиями, вручил г-ну Клемансо.

„Дабы помешать продвижению на запад этой нации, неизменно воинственной и жадной ко всему, что принадлежит другим народам, нации, совсем недавно поднявшейся для

завоевания при помощи силы, независимо от всякого права, и стремящейся к господству над миром, природа создала лишь одну преграду, а именно Рейн. Эта преграда должна быть навязана Германии. Отныне Рейн да будет западной границей германского народа".

Он повторил это требование в позднейшей докладной записке. Многие из нас помнят его драматическое вторжение на спокойную арену мирной конференции в мае 1919 года, причем он развивал ту же самую теорию.

Надо сказать, что маршал Фош не является государственным человеком, да и не притязает быть им. Он лишь великий воин. Несмотря на это, его политическое влияние было так велико, что даже в 1920 году он одолел самого могущественного человека во Франции, и это менее чем через месяц спустя после триумфа на выборах, давшего этому государственному деятелю огромное большинство во французском парламенте. Маршал Фош своим противодействием вызвал неудачу Клемансо на президентских выборах 1920 года. Без вмешательства Фоша, Клемансо был бы теперь президентом Французской Республики.

Почему, находясь на вершине славы, Клемансо был побежден кандидатом, бесконечно уступавшим ему в смысле силы и престижа? Гнев маршала Фоша и его страшное гонение на Клемансо началось после того, как этот последний, под давлением союзников, взял обратно французские требования относительно Рейна. Г-н Тардье, как известно, считался одним из двух наиболее видных министров в кабинете Клемансо и был связан тесным сотрудничеством со своим шефом в деле выработки мирного договора. Он написал книгу, и в этой книге приводит документ, который он вручил союзникам 12-го марта 1919 года. Здесь содержится следующее предложение:

„В интересах общего мира и для обеспечения правильной деятельности Лиги Наций, западная граница Германии будет установлена на Рейне. Германия впредь отказывается от всякого суверенитета, а также от всякого таможенного объединения с территориями бывшей Германской империи, лежащими на левом берегу Рейна".

Сардонический юмор заключается в словах: „В интересах общего мира и для обеспечения правильной деятельности Лиги Наций".

Но это доказывает также, что около названного времени г-н Клемансо и его министр придерживались теории, рассматривающей Рейн в качестве естественного рубежа Германии. Американское и английское давление заставило его покинуть эту позицию; как я сказал в моей предыдущей статье, договор возник на основе доводов, приводившихся против него. Но рейнская партия никогда не простила. Этим объясняется неудача Клемансо в попытке достигнуть президентского кресла. То была почетная неудача, которой он вправе гордиться.

Причины этой неудачи, приведенные в „Annual Register“, который, как известно, не являлся органом какой-либо партии, указывают, что даже бесстрастный летописец приводил их с чувством разочарования, — которое владело и мною, когда я писал мою первую статью. Объясняя это удивившее их всех поражение, „Annual Register“ говорит:

„Сторонники Клемансо утверждали, что условия Версальского договора вполне удовлетворительны с французской точки зрения. Их оппоненты заявляли, что Клемансо слишком часто уступал американской и британской точкам зрения и что мир является неудовлетворительным, особенно в части, касающейся гарантий уплаты репараций, следуемых Франции, и в вопросе о французской восточной границе. Надо вспомнить, что значительная часть французского общественного мнения желала, чтобы Франция получила линию Рейна в качестве восточной границы“.

Я могу, если понадобится, цитировать без конца руководящие статьи французских газет, а также писания и речи французских политических деятелей. Люди столь различных темпераментов и талантов, как г-н Франклин Буйон и г-н Тардье присоединились к требованию, чтобы Германия подверглась ампутации на Рейне. Кипящая лава и ледяная гора оказались в данном случае единодушны.

Позднее, во время приема маршала Фоша, избранного членом Французской Академии, г-н Пуанкарэ, обернувшись в средине своей речи к маршалу, сказал, намекая на хорошо известное отношение старого генерала к мирному договору: — „Ah, monsieur le Maréchal, если бы тогда прислушались к вашим словам!“ Отказался ли он теперь от этого мнения, высказанного столь театральным образом? Будем надеяться на лучшее.

Я знаю: мне скажут, что хотя германская граница должна была тянуться вдоль по Рейну — провинциям левого берега

вовсе не предстояло подвергнуться аннексии. Они были бы лишь преобразованы „в независимую республику". Что за независимость! И что за республика! Все германские чиновники были бы изгнаны; специальными мерами провинция была бы оторвана от экономической жизни Германии, от которой почти целиком зависит ее существование. Ей не позволили бы поддерживать связь с фатерландом. Рейн, который отделяет эту предполагаемую новую территорию от Ге́рмании, был бы занят французскими войсками; вся территория независимой республики оказалась бы в руках иностранных солдат. Ее молодые люди призывались бы на военную службу и зачислялись во французскую и бельгийскую армии, чтобы сражаться против своих собственных соотечественников, живущих по ту сторону Рейна. Все условия жизни в „свободной и независимой республике" диктовались бы соглашением между Францией, Люксембургом и Бельгией и — по словам маршала Фоша — „Великобритании пришлось бы в конце концов примириться с этим".

Мне говорят, что принятие подобного плана еще не означает анексии. Но что же иное оно означает? Вы не проглатываете устрицу, вы лишь предварительно создаете для нее независимое существование, отделяя ее от ее твердой оболочки. Затем вы окружаете ее со всех сторон и вводите в свой собственный организм с целью увеличить вашу силу и облегчить себе охоту на других устриц. Вот так независимость! И вот так республика! То была бы мнимая республика. Если бы этот план был принят, то совершились бы ошибка и преступление, за которые не только Франции, но и всему миру пришлось бы когда-нибудь расплачиваться.

Перед лицом подобных цитат и не подлежащих сомнению фактов в праве ли кто-нибудь сказать, будто я оклеветал Францию, заявив, что существует могущественная партия в этой стране, требующая, чтобы Рейн рассматривался в качестве естественной преграды для Германии и чтобы мирный договор был основан на этом предположении?

Заметим, кстати, что я никогда не говорил, будто подобное требование имеет за собой поддержку французской демократии. Тот факт, что договор, который не осуществил этого требования, был, однако, ратификован подавляющим большинством французского парламента, указывает ясно, что французский народ, как целое, со своим непобедимым здравым смыслом не желает следовать — даже за обожаемым вождем — на эту

дорогу, ведущую к катастрофе. Но, вместе с тем, тот факт, что могущественное течение во Франции продолжает высказывать это пожелание и пользуется всяким случаем, дабы выдвигать его на первый план, требует непрестанной бдительности со стороны народов, которым дорого благополучие человечества.

В заключение я должен прибавить, что объявление меня врагом Франции только потому, что я не одобряю международной политики ее теперешних правителей, есть явная нелепость.

В продолжение всей моей общественной карьеры я был настойчивым защитником сотрудничества между французской и английской демократиями. Я усвоил эту линию еще тогда, когда в нашей стране считалось модным льстить германскому империализму.

Во время войны я дважды рисковал своим положением первого министра, пытаясь подчинить британскую армию французскому генералу. С целью сохранить французскую дружбу я много раз уступал французским требованиям, и это часто вызывало неудовольствие в нашей стране. Но я не могу одобрить политику, угрожающую миру всего мира, не могу, даже с целью сделать приятное известной части того народа, к которому в целом всегда питал чувства искренного дружелюбия.

III. Парижская конференция.

Третья Парижская конференция, рассматривавшая при участии г-на Пуанкарэ вопрос о репарациях, кончилась, подобно двум своим предшественницам, полнейшим развалом.

Первое фиаско имело место в августе, второе в декабре и третье только что совершилось у нас на глазах.

Я поздравляю м-ра Бонара Лоу, имевшего мужество лучше пренебречь двойной неудачей, нежели усвоить политику, которая, в конце концов, приведет к разочарованиям и, может быть, к катастрофам.

Единодушие между союзниками само по себе является весьма желательным для государственных людей, но единодушное согласие увлечь свои страны в сторону безумия гораздо хуже всякого несогласия.

Франция и Великобритания не должны ссориться, если даже они не могут действовать заодно; но если французские

министры будут настаивать на политике г-на Пуанкарэ, то сотрудничество Франции и Великобритании в этом вопросе будет подобно параллельным линиям, которые никогда не совпадают, хотя и никогда не пересекаются.

Какова цель этой бедственной политики? Репарации? Нет ни одного авторитетного финансиста ни в одной стране земного шара, который согласился бы, что подобные методы могут принести союзникам какую-либо пользу в смысле улучшения их затруднительного положения.

Во время августовской конференции все эксперты единогласно заявили, что названные методы не только не принесут наличных денег, но вызовут неизбежный крах.

Мои личные воспоминания об августовских спорах позволяют мне следить с некоторым пониманием за теми путанными сообщениями, которые я получаю здесь[1]).

Все союзники согласны, что Германия не может, при ныне существующих условиях, платить свои долги.

Они согласны, что Германию надо принудить привести свои финансы в порядок, сбалансировать свой бюджет и восстановить свое денежное обращение, дабы иметь возможность выполнить свои обязательства.

Но г-н Пуанкарэ настаивает, чтобы, в виде гарантий моратория, союзниками были взяты различные залоги на германской территории.

Эти залоги заключаются в пошлинах, уже установленных, и в новых пошлинах, которые нужно начать взимать на Рейне и на границе Рурской области так, чтобы никакие товары не могли вывозиться из этих германских провинций в другие области Германии, без уплаты тяжелых таможенных сборов.

Другими предполагаемыми залогами являются захваты германских лесов, рудников и шестидесяти процентов паев некоторых германских заводов.

М-р Бонар Лоу, если судить по официальному коммюнике, опубликованному после развала конференции, приводил те же самые возражения относительно залогов, которые я выдвинул во время августовской конференции.

Залоги ничего не принесут, сравнительно с издержками, необходимыми для их собирания.

---

[1]) Эта статья написана в Ронда, в Испании.

Они вызовут много волнения и раздражения и могут повлечь за собою последствия весьма серьезного характера.

На практике эти залоги представляют собой лишь клочок бумаги и лишнюю провокацию.

Таможенный барьер на Рейне уже устанавливался однажды — и совершенно неудачно. Но тогда это была мера понуждения, а не способ собирания денег. С точки зрения первой из названных целей это, быть может, был вполне правильный шаг, но что касается собирания денег, то нас ожидает смешное фиаско.

Сотни миллионов бумажных марок уже собраны в настоящую минуту в этих новых таможнях, считающихся главной опорой Репарационной комиссии, но эти миллионы не имеют никакой цены.

Пока существовали эти пошлины, они имели притеснительный характер; они мешали развитию дел; они очень легко ложились на предметы роскоши французского производства, ввозимые в Германию, но накладывали тяжелую руку на все полезные товары, необходимые для промышленности и для жизни народов.

Эти пошлины были наконец устранены с взаимного согласия. Г-н Пуанкарэ стремится вновь восстановить их.

Захват германских лесов и рудников неизбежно повлечет за собой еще более серьезные последствия. Союзный контроль, установленный далеко внутри Германии, потребует защиты.

Защита означает военную оккупацию в той или иной форме.

Военная оккупация отдаленных областей означает инциденты, а инциденты быстро разростаются в серьезные осложнения.

Отсюда нежелание Британского правительства, возглавлявшегося мною, содействовать этой опасной политике. Отсюда отказ правительства Бонара Лоу взять на свою ответственность санкционирование подобной политики. Даже с чисто логической точки зрения ее невозможно защищать.

Существуют лишь две точки зрения, взаимно исключающие одна другую.

Согласно первой из них, Германия не может платить при существующих условиях, пока не будут восстановлены ее финансы, и потому должен быть установлен мораториум, достаточно долгий, чтобы это восстановление могло совер-

шиться. Согласно второй точке зрения, Германия может платить и лишь симулирует несостоятельность; поэтому нужно лишь покрепче завинчивать тиски — и наличные деньги появятся.

Логически я могу понять каждое из этих двух мнений, но мне трудно постигнуть основания, по которым нам предлагают установить мораторий, ибо Германия не может платить, и, в то же время, хотят завинчивать тиски, доколе она не заплатит. Я рад, что британский премьер-министр был настолько мудр, что не присоединился к политике, которая неизбежно дискредитирует всех, кто берет ее на свою ответственность. Но тем не менее перспективы хозяйственного восстановления Европы вновь отсрочены пустым упрямством некоторых из ее правителей.

Ронда,
6/I 23 г.

Европа все еще вооружается.

Маршал Фош сказал мне однажды, что считает германскую армию 1914 года наилучшей армией, какую когда-либо видел мир, в смысле численности, организации, обучения и снаряжения.

Что пустило эту армию в ход?

Много было написано и высказано о происхождении Великой войны и о том, кто и что является ответственным за этот ошеломляющий катаклизм. Никто не верил, что действительной причиной послужило убийство австрийского эрцгерцога. Иные говорят, что этой причиной был пангерманский план подчинить себе весь мир; другие утверждают, что причиной явился страх Германии перед возрастающей мощью России, нервный испуг при виде якобы совершавшегося обходного движения со стороны России, Франции и Великобритании.

Слова великого французского маршала дают нам настоящее объяснение. Если устранить отмеченный им факт, дипломатическая неразбериха в июле 1914 года является совершенно непонятной.

Если бы германская армия не была более совершенной и более могущественной в сравнении, как с французской, так и с русской армиями, если бы каждый германский офицер не был убежден, что германская военная машина дает его отечеству преимущество перед всеми соперниками — у нас не было бы войны, что бы ни говорили, что бы ни думали и ни замышляли императоры, дипломаты и государственные люди.

У всех наций бывают честолюбивые поползновения; однако они остерегаются давать им ход ко вреду своих соседей, если возможность неудачи достаточно велика. Но сознание

непреодолимой силы, имеющейся к услугам народных желаний, является постоянным возбудителем жадности, опрометчивости и честолюбивого патриотизма.

Корабли, по существу своему, являются оборонительным оружием. Ни одна страна не может быть захвачена или подвергнута нашествию при помощи одного только флота. Но армии это настоящие машины для захвата. Наличность армий всегда ведет к аггрессивности. Нет страны, могущей противостоять соблазну легкого военного триумфа, которым прельщают два последовательных поколения.

Против этого есть, собственно говоря, только одно средство. Чтобы установить мир на земле, нации и народы должны разоружить свои боевые силы. Без разоружения трактаты, договоры и соглашения ничего не значат. Это бумажные деньги дипломатии. Вот почему все друзья мира впали в отчаяние, увидав, что народы все еще вооружаются и соперничают в увеличении своих армий, надеясь вместе с тем сдержать словами и подписями непобедимый порыв организованной силы.

Статистический обзор современных европейских армий способен внушить тревогу. Европа ничего не извлекла из уроков войны. Она скорее испытала пагубное влияние со стороны этого бедствия. Гораздо больше людей находятся теперь под ружьем в Европе, нежели в 1913—1914 г., хотя теперь отсутствуют все оправдания и извинения, которые могли тогда приводиться.

В довоенное время государственные люди каждой страны могли ссылаться в парламентах, защищая военные бюджеты, на угрозу, которую создают чудовищные иностранные армии, вытянувшиеся вдоль границ. Германия и Австрия усиленно вооружались потому, что их границы были открыты для нападения со стороны двух великих держав, согласившихся соединить свои силы на случай войны. Франция и Россия содержали огромные армии, потому что Германия обладала самой грозной армией в мире и могла в случае нужды опереться на помощь весьма значительных сил Австрийской империи. Сверх того, и Австрия, и Франция должны были считаться с неизвестным фактором в лице Италии, армия которой насчитывала до трех милионов человек.

Но после окончания войны для всех этих оправданий не остается места. Две великие военные империи центральной

Европы исчезли. Германия, которая перед войной имела 800.000 человек на действительной службе и насчитывала в резерве миллионы, обладает ныне армией в 100.000 человек, что равняется, приблизительно, одной трети польской армии. Грозное военное снаряжение Германии, которое в течение 4-х лет обращало в прах города и села Северной Франции, ныне уничтожено. Австрийская армия, которая в 1913—1914 г. состояла из 420.000 человек на действительной службе и имела в резерве от 2 до 3 миллионов обученных солдат, имеет ныне в своем распоряжении ничтожную силу в 30.000 человек.

Не взирая на все эти обстоятельства, Франция все еще держит 736.000 человек под ружьем, при наличии 2 или 3 миллионов обученных резервов. Она даже увеличивает и развивает свои силы, как если бы она боялась немедленного вторжения или сама замышляла таковое. В 1914 г. у Франции было 400 военных аэропланов; теперь у нее 1.152. Но цифры не много значат; величина, сила и назначение этих машин означают гораздо больше. Среди 1.152 воздушных аппаратов нынешнего дня можно найти бомбоносцы такой разрушительной силы, о какой в 1914 году даже и не снилось.

Если человеческому безумию вновь суждено вовлечь нас в войну, то эти приготовления являются зловещим предвестием характера, который приобретет этот конфликт. Одна единственная бомба, брошенная с нового аэроплана, содержит больше взрывчатого материала, нежели целая сотня бомб, бросавшихся с аэропланов старого типа. А размер летательных машин и бомб увеличивается из года в год. Когда последует остановка и к чему все это? Где враг? Где та угроза, которая требует таких гигантских военных приготовлений? Ни один из соседей Франции не имеет в настоящее время вооруженных сил, достигающих хотя бы одной четвертой части ее грозной армии. Германия перестала быть приличным предлогом. Население Германии равняется соединенному населению Польши, Румынии, Юго-Славии и Чехо-Словакии, но ее армия достигает лишь одной седьмой части армии мирного состава этих четырех стран. Одна Румыния, насчитывающая всего 15.000.000 населения, содержит армию, в два раза превышающую ту, которая разрешена Версальским трактатом Германии с ее 60.000.000 населением. Названные выше страны, вдобавок, имеют, на-ряду с постоянными армиями, резервные силы, состоящие из миллионов обученных людей, тогда как молодым

людям Германии уже не позволено обучаться употреблению оружия. Германские военные запасы уничтожены, арсеналы и заводы находятся под таким внимательным надзором союзных офицеров, что нет никакой возможности тайным образом восстановить эти запасы. Французская 700.000 армия не является, следовательно, необходимой, дабы сдерживать Германию.

Второй могущественной армией в Европе является русская армия. Трудно сообщить относительно России какое-либо достоверные факты. Туман, поднимающийся над политической и хозяйственной топью, мешает ясно видеть. Статистические данные, касающиеся русской армии, обычно обусловливаются точкой зрения тех лиц, которые приводят их. Последние цифры, сообщенные самими русскими, говорят о 800.000. На бумаге это кажется такой же грозной силой, какой обладает Франция. Но события последних лет показали, что русская армия сильна только в деле защиты и неспособна к нападению. Она не имеет ни транспортных средств, обеспечивающих подвижность, ни артиллерии, необходимой для атак. Состояние русских арсеналов и фабрик таково, что всякая попытка заново экипировать армию должно кончиться неудачей. Итак, наличность русской армии не является достаточным оправданием, чтобы держать вооруженные силы Европы на их нынешней раздутой высоте. Действительное объяснение заключается в том, что Европа напугана своими недавними испытаниями и, подобно всем напуганным существам, неохотно слушает доводы разума и бывает готова прибегать к таким средствам, которые могут лишь усилить зло, так пугающее ее.

Милитаризм довел ее до ее теперешнего положения и, с целью спастись от подобной катастрофы в будущем, она сделалась еще более милитаристической, чем когда-либо. Каждое маленькое государство щетинится ружьями и пушками, в ожидании нападения. Между тем ни одна страна в Европе не подвергается этой опасности, за исключением Великобритании, с ее уменьшенными армией и флотом. Но при помощи займов и безоглядного выпуска бумажных денег все страны, даже самые малые, стараются содержать более многочисленные армии, нежели те, во главе которых стояли Фридрих Великий и Людовик XIV, в годы своих наибольших триумфов. И стоимость современных вооружений вырастает далеко не пропорционально числу войсковых единиц. Франция—во многих

отношениях богатейшая страна в Европе — страдает от развала национальных финансов и вынуждена прибегать к помощи бумажных денег. Дефицит растет, несмотря на то, что значительная часть французской армии расквартирована в Германии к ущербу для репараций, и германская контрибуция идет на покрытие расходов по этой армии.

При заключении займов французы обычно ссылаются на расходы по восстановлению разрушенных областей Франции, но бремя, связанное с содержанием такой огромной армии, является все же главной причиной дефицита. Экономическое оздоровление Франции чувствительно замедляется благодаря расходам на новый милитаризм. Континент Европы обеими руками бросает псам войны тот хлеб, которым ему следовало бы кормить своих детей. Когда-нибудь эти псы, в своей наглой свирепости, бросятся на детей и растерзают их.

Алжезирас,
26/XII. 22.

Репарации.

Назад, к договору!

Что такое рапарационная проблема? Почему она кажется дальше от разрешения, чем когда бы то ни было?

Широкая публика во всех странах встревожена и измучена этой кажущейся неразрешимостью. Она напряженно ждет событий в ближайшем будущем, а это никогда не бывает полезно для нервно-больного субъекта, каким является после-военная Европа.

Действительные трудности представляет не разрешение проблемы само по себе, но удовлетворение общественного мнения, создавшегося вокруг этого вопроса. Я не хочу утверждать, что очень легко определить размер платежей, которые может внести Германия, или что для Германии легко покажется выплачивать эти суммы, после того, как они будут названы. Но если бы трудность имела чисто финансовый характер, ее можно было бы преодолеть. Сущность проблемы заключается в невозможности убедить требовательный, негодующий и тяжко обремененный французский народ в том, что суммы, таким образом фиксированные, представляют собою все, что в силах уплатить Германия.

Вопрос об обязательстве страны уплатить за границу огромные суммы в иностранной валюте, является совсем новым. Вначале несколько поспешно было признано несомненным, что страна, могущая выдержать военный долг в 8.000.000.000 фунтов стерлингов, конечно может внести контрибуцию в 6.000.000.000 фунтов стерлингов. И потребовалось немало времени для средних умов, чтобы понять основную разницу между уплатой внутри страны и выдачей денег за границу.

Когда я вспоминаю о суммах, называвшихся в 1919 году экспертами высокого ума и богатого опыта, и о об их оценках способности Германии платить наличными деньгами за границу, я не могу пожаловаться на нетерпение, выражаемое французскими плательщиками налогов при виде того, как на следующих одна за другой конференциях делаются усилия понизить эти кровожадные подсчеты до сколько-нибудь разумных размеров. Мне приятно отметить с гордостью тот факт, что здравый смысл несравненно более тяжко обремененного британского плательщика налогов заставил его уже давно примириться со своею потерей и обуздать свое раздражение. Если этот пример встретит всеобщее подражание, то вопрос о репарациях уже разрешен.

Когда общественное мнение во всех союзных странах станет здраво судить о германских репарациях, как это уже имеет место в Великобритании, финансисты скоро найдут способы для разрешения вопроса. Торговля и промышленность не будут больше подвергаться периодическим встряскам, достающимся на их долю каждый раз, когда французский министр поднимается на трибуну с целью высказаться о репарациях.

Если глядеть на уплату репарации исключительно с финансовой точки зрения, общий план действий может быть легко установлен, и, как я думаю, немедленно осуществлен.

Те, кто ни когда не читал Версальского договора и объяснительной записки, сопровождающей его, сплошь да рядом утверждают, что этот злополучный и столь немногим, как следует, знакомый документ установил огромную контребуцию, которую должна уплатить Германия. Договор может иметь свои недостатки; но размер германской контрибуции не принадлежит к числу этих недостатков, ибо в договоре не было указано никакой суммы,—ни большой, ни малой.

В договоре значилось лишь, что будет утверждена Репарационная комиссия, которая установит размер убытков, причиненных Германией собственности союзников и определит величину компенсации за опустошения, произведенные в союзных странах.

На втором месте—и об этом также очень часто забывают,—говорилось, что Репарационная комиссия имеет определить, какую часть всей причитающейся с нее суммы способна уплатить Германия. По обоим этим вопросам Германия имела право высказаться до принятия окончательного решения.

Все это стояло в согласии с началами права, ибо, поскольку Германия являлась нападающей стороной, она обязана была уплатить за убытки. Но было бы не только произволом, но и безумием заставить ее платить свыше ее сил.

Размер убытков должен был быть установлено в мае 1921 года. Тогда же следовало определить платежеспособность Германии и затем пересматривать этот вопрос от времени до времени, сообразно меняющимся условиям. Даже такой добросовестный полемист, как известный итальянский государственный деятель синьор Нитти, сознательно игнорировал указание на пересмотр, содержащееся в Версальском договоре. Нечего удивляться поэтому, что существует множество людей, которые смотрят на каждое изменение в размерах платежей, установленных в мае 1921 года, как на отступление от Версальского договора ко вреду победителей; а между тем каждое изменение, совершенное с тех пор, сделано на точном основании самого договора.

Однако, прежде чем наступил установленный срок, было бесспорно совершено отступление от договора, — и притом весьма существенное. Но оно совершилось всецело к ущербу для побежденных. В каком отношении? Я хочу объяснить это подробно, ибо все недоразумения начались благодаря этой перемене. Договор постановлял, что будет учреждена комиссия для определения суммы, подлежащей уплате в счет репараций, и что комиссия эта будет состоять из представителей Соединенных Штатов, Британской империи, Франции, Италии и Бельгии.

За исключением Соединенных Штатов, все державы были материально заинтересованы в решениях комиссии. Следовательно, если судить с первого взгляда, это не был вполне беспристрастный трибунал. Но Великобритания, как великое государство, была больше заинтересована в прочном соглашении, нежели в нескольких лишних миллионах контрибуции; Италия также была страной, имеющей обширные деловые связи с Германией и, следовательно, вряд ли поддалась бы соблазну проводить резкую антигерманскую точку зрения в комиссии. Поэтому присутствие Соединенных Штатов, Великобритании и Италии в составе комиссии представляло собой гарантию умеренности.

Ныне единственная незаинтересованная сторона удалилась из трибунала. Наиболее заинтересованная сторона занимает

председательское кресло и имеет решающий голос по известным вопросам. Этого нет в договоре, подписанном Германией.

Если вы подписываете согласие уплатить сумму, которая будет установлена г-ми А., В., С. и D., полагаясь в смысле справедливости решения главным образом на влияние А., который не только весьма силен, но, сверх того, является единственным материально незаинтересованным членом, и если А., затем, устраняется от арбитража, вы вправе указать, что характер соглашения изменился. Представители Бельгии и Франции в Репарационной комиссии весьма почтенные люди, близко принимающие к сердцу вопросы справедливости, но они находятся под наблюдением ревнивого, бдительного и возбужденного общественного мнения, готового отвергнуть всякую уступку и помешать умеренному решению. Равновесие, предусмотренное договором, совершенно нарушено. Ныне настоятельно необходимо восстановить это равновесие и обеспечить справедливое решение по единственно важному вопросу: — как много должна заплатить Германия.

Рассматривая этот вопрос, вы должны подходить к нему, как к самому обыкновенному долговому обязательству. Вы должны решить предварительно, хотите ли вы разорить должника или получить деньги. Если налицо нет достаточных ценностей, могущих погасить долг, вы, если хотите получить деньги, должны предоставить должнику возможность жить. Если вам нужно мясо вашей коровы, вам придется отказаться от молока. Если вашей целью является уничтожение должника, вы требуете платежа в бо̀льшем размере, нежели он в состоянии заплатить, и тогда захватываете его дом, его земли и все его имущество, где бы оно ни находилось.

С другой стороны, если вы хотите получить ваши деньги, вы установите, сколько именно может он заплатить, и тогда, действуя справедливо, твердо и с терпением, постараетесь получить установленную сумму. Но под этим я не разумею ту сумму, которую он может заплатить, осудив себя на рабство и нищету. Ни одна мужественная нация не пожелает выдерживать этого слишком долго. Подобный образ действий поведет не к погашению старых долгов, а к созданию новых. Итак, я разумею здесь ту сумму, которую нация может заплатит, не вызывая протеста со стороны целого поколения.

Если вы соскоблите масло с хлеба у каждого немецкого ребенка на ближайшие 30 лет вперед, вы можете увеличить сумму контрибуции на миллиард или два миллиарда золотых марок. Но этого не имел в виду Версальский договор. Голодные лица порождают гневные сердца, и гнев длится дольше, нежели голод. Я поэтому имею в виду ту сумму, которую Германия может заплатить, не осуждая своих рабочих на египетский труд, а их детей на недоедание. Всякий гнет, если он долго длится, доводит, в конце-концов, угнетателей до гибели в волнах Красного моря. Европа совсем недавно и с огромными потерями спаслась от этих вод. Мы не смеем подвергать ее той же опасности во второй раз.

Как можем мы установить точные размеры ежегодных платежей, которые следует требовать от Германии, не создавая невыносимых условий жизни для ее народа? Вот в чем вопрос. Ответ был дан в договоре: нужно учредить комиссию, которая произведет расследование и вынесет решение. Характер этой комиссии совершенно изменился, благодаря отсутствию Соединенных Штатов.

Можно ли найти для них заместителя? Я боюсь, что передача этого вопроса новому комитету экспертов не подвинет дела вперед, ибо каждая страна потребует представительства в этом комитете, и тогда это будет та же Репарационная комиссия под другим именем.

Единственная надежда на справедливое и окончательное решение заключается в присутствии представителя Соединенных Штатов в этом трибунале, как бы он ни назывался. Или это невозможно?

Я не стремлюсь здесь выразить суждение относительно американского отказа ратифицировать договор в целом. Я лишь высказываю совершенно откровенно мое мнение, что доколе Америка воздерживается в вопросе о репарациях, действительное соглашение будет отсрочиваться вплоть до тех пор, пока зло не станет непоправимым. Если по причинам, о которых я не берусь судить, Америка не хочет занять вакантное место в трибунале, я не надеюсь, чтобы какой-нибудь действительный прогресс мог быть здесь достигнут.

Союзные министры могут принять из рук комиссии, представляющей великие державы, которые выиграли войну, такие решения, каких они никогда не посмеют взять на свою ответственность. В этом вся сущность дела. Нет никакой пользы

порицать политических деятелей. Если они по своей собственной инициативе попытаются идти наперекор общественному мнению, которое одно облекает их властью и авторитетом, они неизбежно падут. В каждой стране найдется множество людей, готовых использовать тактические промахи, совершенные политическими противниками или личными соперниками. Но приговор международного трибунала совершенно другое дело, и государственные люди могут признать его и действовать сообразно ему, не принимая на себя ответственности за его содержание.

Британское общественное мнение не может и не хочет примириться с мыслию, что уменьшение общей суммы репараций, буде таковое последует, совершится за счет британского плательщика налогов.

Франция, несомненно, пострадала от бедствий войны больше, нежели какая-либо другая воюющая страна. Это признано и это сказывается в пропорциональной доле, на которую она имеет право при разделе репарационных платежей. Ей должно поступать 52% общей суммы, т.-е. больше, чем всем союзным странам, вместе взятым.

Великобритания стоит на втором месте в смысле убытков, понесенных ее населением, и ей причитается 22%. Во многих отношениях она пострадала более тяжко, нежели какая-либо другая союзная страна, особенно в смысле налогов и ущерба для торговли. Она охотно готова делить с союзниками как потери, так выгоды, но ей горько будет узнать, что потери должны явиться ее уделом, тогда как выгоды принадлежат другим. Америка, не заявляющая претензий на получение своей доли в контрибуции, должна, однако, в будущем усвоить ту же самую точку зрения. Американцы никогда не примирятся с соглашением, заключенным в ущерб их интересам.

Вопрос не в том, чтобы сделать снисхождение Германии, но в том,—сколько именно она способна заплатить. Если Германия может уплатить большую контрибуцию, Франция получает 52%, а Великобритания только 22%. Если Германия может внести лишь ограниченную сумму, Франция все-таки получает 52%, а Великобритания 22%. Нет никаких оснований относить на счет Великобритании и Америки убытки, проистекающие от уменьшения требований.

Позвольте нам от этих никуда негодных методов действия вернуться на прямую дорогу. Назад к договору,—вот настоя-

щее лекарство. Нет надобности пересматривать договор — нужно лишь его восстановить.

Если Америка вновь появится в арбитажном трибунале, ей нет нужды принимать договор в целом. Справедливое и прочное соглашение будет скоро заключено, раздражающая язва скоро закроется и в общих условиях мировой жизни наступит длительное улучшение.

Алжезирас.
1/I 1923 г.

Речь мистера Юза.

Предыдущая статья была послана мною по почте из Алжезираса 2-го января 1923 года, а 3-го января в испанских газетах появился сокращенный отчет о речи, произнесенной в Нью-Гэвене американским статс-секретарем м-ром Юзом. В этой речи содержатся мысли по репарационному вопросу, высказанные, очевидно, с целью воздействовать на предстоящую в ближайшем будущем Парижскую конференцию. Я знаю, что председатель конференции, г-н Пуанкарэ, не станет особенно спешить с целью повергнуть эти мысли на рассмотрение своих коллег. Но я, отчасти, надеюсь, что британский, итальянский и бельгийский премьеры сами сделают это. Поэтому я послал следующую депешу в английские и американские газеты:

„Написав и отправив свою статью, я с радостью прочитал речь статс-секретаря Юза, посвященную тому же вопросу. Насколько я могу судить по сокращенному отчету, появившемуся в местной прессе отдаленного уголка Испании, его мнения совпадают с моими. Твердо надеюсь, что Парижская конференция в первую голову рассмотрит американские предложения. Все другие способы действия могут лишь отсрочить зло, за которое, в конце концов, придется расплачиваться с тяжелыми процентами и на растовщических условиях и без того тяжко обремененной Европе“.

Я постоянно ссылаюсь на эту речь в последующих статьях, и так как кем-то было уже сказано, что мое толкование не соответствует тексту, то я привожу полный отчет об этой речи, появившейся в Times'е от 30-го декабря 1922 года:

„Статс-секретарь Юз в речи, произнесенной на заседании Американской Исторической Ассоциации в Нью-Гэвене, в штате Коннектикут, приподнял уголок завесы, которая скрывает ближайшие планы правительства Соединенных Штатов. Большая

часть его доклада касается Вашингтонской конференции 1921 г., но в конце содержатся замечания об экономическом положении Европы, имеющие первостепенную важность.

„М-р Юз начал с утверждения, что „мы не имеем права отмахиваться от этих проблем, назвав их европейскими, ибо это проблемы мировые, и мы не можем избежать тягостных последствий в случае их неудачного разрешения". Они, однако, являются европейскими проблемами в том смысле, что их нельзя разрешить без согласия европейских правительств, и центр вопроса заключается в репарациях. Нельзя обратиться к рассмотрению других нужд, как бы настоятельны они ни были, вплоть до окончательного установления и закрепления репарационных требований. Тщетно пытаться исправить экономическую структуру Европы, пока не будет заложен фундамент".

„Следующая часть речи касалась попыток связать долги союзников Америки с вопросом о репарациях, а также—проектов аннулирования. М-р Юз решительно отверг подобные проекты. Затем последовало рассмотрение позиции Америки относительно репараций, которые представляют собою отдельный вопрос и притом такой, который не может быть разрешен, пока европейские правительства не проявят готовности к соглашению.

„М-р Юз отрицал, что „Америка желает освободить Германию от ответственности за войну или заставить Францию отказаться от части своих справедливых требований". С другой стороны Америка не хочет видеть уничтожения Германии. Некоторые американцы выражали пожелание, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя роль третейского судьи, но м-р Юз не думает, что „мы должны принять на себя столь тяжелую ответственность".

„Начиная с этого места речь заслуживает, чтобы ее цитировали целиком.

„Положение вещей таково,—сказал м-р Юз, — что требуется немедленное соглашение. Первым условием удовлетворительного соглашения является рассмотрение этого вопроса вне зависимости от внутренней политики каждой отдельной страны. Государственные люди вынуждены считаться с разными трудностями, с общественным мнением и с требованиями, которые к ним предъявляют. Будем надеяться, что им удастся сговориться и что предстоящее совещание в Париже даст

нам искомое решение вопроса. Но если оно не даст, то что остается сделать?

„Перспектива насильственных мер с целью получения репараций не особенно привлекательна. Никто не может предсказать в полном объеме, какие серьезные последствия проистекут от подобного решения. Оставляя в стороне политические результаты, я полагаю, согласно мнению экспертов, что подобными мерами нельзя добиться уплаты репарационных платежей, но скорее можно разрушить самый базис этих платежей, базис, заключающийся в экономическом восстановлении. Если, однако, государственным людям не удастся договориться и подобная перспектива встанет перед нами, то что остается делать? Нет ли какого-либо другого пути? В настоящий критический момент на этот вопрос нужно смотреть исключительно с экономической точки зрения. Чувства, хотя бы вполне естественные, должны быть оставлены без внимания. Взаимные обвинения бесполезны; пересмотр прошлого,—все равно, правильный или неправильный,—ничего не может дать; выражение порицания с одной стороны и оправдания с другой не имеют никакого смысла.

„Надо найти способ, при помощи которого государственные люди могли бы установить, сколько именно в силах платить Германия. Ибо, каковы бы ни были требования, предъявляемые к ней, должен существовать некоторый предел для их удовлетворения. Надо найти средство отыскать этот предел и выработать финансовый план, способный дать немедленные результаты. Только тогда европейские народы почувствуют, что создана основа для взаимных добросовестных усилий поднять на возможную высоту благосостояние каждой страны в отдельности.

„Если государственным деятелям не удастся сговориться и если требовательность общественного мнения создаст новые трудности на их пути, тогда на помощь должны быть призваны те, кто способен вынести искомое решение.

„Почему бы не пригласить людей, обладающих наивысшим финансовым авторитетом в своих странах, людей такого престижа, опыта и чести, что их соглашение о сумме, подлежащей уплате, и о финансовом плане, который нужно пустить в ход для получения платежей, было бы целым миром принято в качестве наиболее авторитетного решения. Правительства не обязаны заранее соглашаться на это решение, но они

могут сделать подобное исследование возможным, освободив людей, которые будут представлять свои страны в этой комиссии, от всякой ответственности перед министерством иностранных дел и от всякого обязательства повиноваться политическим инструкциям.

„Другими словами, нужно потребовать ответа на этот трудный вопрос от людей, облеченных таким положением и обладающих такой свободой, чтобы их приговор был продиктован исключительно совестью и знанием предмета. Я не сомневаюсь, что многие видные американцы охотно согласятся участвовать в подобной комиссии. Если правительства найдут необходимым отвергнуть решение, вынесенное таким судом, они будут вольны сделать это, но, во всяком случае, к их услугам окажется беспартийное суждение и просвещенное общественное мнение. Народы узнают, что вопрос избавлен от путаницы взаимно исключающих утверждений и поставлен на твердый путь к разрешению.

„Я не думаю, чтобы какая бы то ни было общая конференция могла скорее достичь цели, или—что бы политическая конференция сумела добиться результата, которого не удалось достигнуть совещанию премьер-министров. Но я полагаю, что небольшая групца, обладающая свободой действий, окажется способной выработать приемлемый план. Останется довольно времени для проведения насильственных мер после того, как эта возможность будет использована".

„М-р Юз закончил следующими словами:

„Здесь открывается широкая дорога, если те, чье свободное согласие необходимо в данном случае, пожелают воспользоваться ею. Если это будет сделано, то американская помощь не заставит себя ждать".

Доводы, приведенные м-ром Юзом в этой речи, совпадают с теми, на которых я основывал свой призыв к беспристрастному исследованию германской платежеспособности, и он кончает предложением, которое, в сущности, идентично с моим. Он не заявляет категорически, что Американское правительство должно готовиться к оффициальному вступлению в комиссию, но зато говорит: „Я не сомневаюсь, что видные американцы охотно согласятся работать в подобной комиссии", а это значит, что правительство косвенным образом будет представлено. Союзные правительства, конечно, посоветуются с правительством Соединенных Штатов относительно личности американ-

ского представителя, долженствующего заседать в комиссии, и ни один американский эксперт не будет назначен при отсутствии полной уверенности, что он является приемлемым для правительства своей страны.

Какое несчастие, что такое важное предложение должно делаться столь боязливым образом! Те, кто хочет игнорировать его, легко могут утверждать, будто никогда не слыхали о чем-либо подобном. Речь, хотя бы произнесенная статс-секретарем, но на академическом заседании, в маленьком провинциальном городке, легко может быть не замечена в иностранных дипломатических канцеляриях, почтовые мешки которых перегружены объемистыми депешами из различных стран. Совершенно ясно из линии поведения, усвоенной м-ром Бонаром Лоу во время дебатов в Палате Общин по вопросу о вторжении французов в Рур, что он не читал отчета о докладе м-ра Юза в Нью-Гэвене. Робкий дипломатический шопот не производит впечатления в серьезные моменты и ни к чему не ведет. Эта речь является превосходным примером того, как надо говорить, если вы не хотите, чтобы вас слышали, и как не надо говорить, если вы желаете быть услышанным.

Французское вторжение в Рур.

Франция вновь наступила пятой на лежащую во прахе Германию, и топот подкованных железом сапог заставит, по обоим берегам Атлантического океана, болезненно сжаться сердца миллионов, чья дружба к Франции устояла, несмотря на беды и горести четырехлетней войны.

Германия была побеждена и обезоружена после чудовищного напряжения сил в борьбе соединенной мощью Америки, Италии, и всей Британской империи, так же, как и Франции. Теперь ее руки связаны путами сурового договора, и каждая из названных стран в отдельности может в любое время с полной безнаказанностью исполнять победный танец на теле поверженного врага.

Это зрелище всегда доставляет большое удовольствие тем, кто способен испытывать бессмысленную радость мщения за старые вины. Нет спора, что для душ, лишенных истинного благородства, очень приятно бывает осыпать ударами беспомощного великана, который когда-то очень скверно поступал с ними и который, без вмешательства сильных соседей, охотно сделал бы то же самое во второй раз.

Но что хорошего принесет это опустошенной Франции или ее изнемогающим под бременем налогов союзникам? Добавочный уголь и строевой лес, которые будут получены от Германии, едва покроют непосредственные издержки по их собиранию. Хотя Германия обязана нести все добавочные расходы, связанные с карательными мерами, эти последние, в конце концов, с необходимостью должны уменьшить средства, предназначенные для покрытия репараций и, следовательно, пасть на победителей.

Люди, изучавшие репарационную проблему, уже не раз с тревогою замечали, что содержание оккупационных армий

уменьшает рессурсы Германии. Если подсчитать взносы наличными деньгами и добавочные издержки для оплаты труда и материалов, ушедших на постройку огромных бараков, то окажется, что эти армии уже стоили Германии 6.000.000.000 золотых марок, т.-е., в круглых цифрах, 1.200.000.000 долларов или 300.000.000 фунтов стерлингов.

Насколько лучше было бы, если-б бо̀льшая часть этих денег была потрачена непосредственно на восстановление опустошенных областей!

Теперь, когда настоящая война начата против Германии из-за того, что американский представитель в Париже назвал „техническими дефектами", — не мешает вспомнить, что, считая расходы по содержанию оккупационной армии и взносы, сделанные в счет репараций, Германия уже заплатила союзникам сумму, в три раза превышающую контрибуцию, которую Бисмарк потребовал в 1871 году.

Приэтом я не упоминаю об обширных и богатых колониях, которые она уступила. Итак, мы не имеем в данном случае дела с непокорной странной, которая сознательно отказывается признать обязательства, вытекающие из договора, ею подписанного.

Издержки минувшей войны считаются безвозвратно потерянными. Довольно трудно найти даже средства для уплаты за разрушения. Кто же будет оплачивать все возрастающие издержки этой новой войны?

До сих пор я говорил лишь о прямых расходах, связанных с аггрессивными мерами. Косвенные убытки, как победителя, так и побежденного, будут еще больше.

Уже теперь они сильно возрасли. Простая угроза уронила цену франка и понизила его покупательную силу за границей. Эту потерю придется нести французскому потребителю. Теперь произошла некоторая остановка; но я буду очень удивлен, если улучшение не окажется кратковременным.

Даже для неопытного глаза в настоящее время ясно, что марка медленно увлекает французский и бельгийский франк за собою в своем падении.

Так как расстояние между ними увеличивается, а невидимая нить, соединяющая их, становится все более и более тонкой, то, быть может, она наконец разорвется, и франк будет освобожден от этого опасного товарищества. Я однако, в этом сомневаюсь, ибо самый большой оптимист не может рассчитывать

на обанкротившуюся Германию для покрытия французских дефицитов.

Когда-нибудь это станет ясным для французского крестьянина, он не так охотно будет рисковать своими сбережениями, и тут-то и начнутся действительные финансовые трудности. Итак, политика, разрушающая германское денежное обращение, является вместе с тем роковой для устойчивости французских финансов.

Попробуем проследить возможную последовательность событий в будущем. Испуганная германская марка летит стремглав на дно пропасти, в глубине которой уже безнадежно погибла австрийская крона.

Доколе репарационный уголь будет выкапываться из земли штыками, а репарационный строевой лес будет рубиться саблями, тщетно говорить о восстановлении марки и приведении германских финансов в порядок.

Никакой тариф, даже самый гибкий, не может идти в ногу с падением марки. Самому искусному министру финансов не удастся составит бюджет при наличности такого орудия денежного обращения, которое исчезает, по мере того, как он пишет свой проект у себя за письменным столом.

Если простая угроза применить силу вызвала такую панику, каково будет действие применения насильственных мер на практике? Можно с полной уверенностью предсказать, что продвижение французских войск внутрь Германии не будет способствовать восстановлению марки и не остановит ее бегства.

Что остается теперь от надежды на возобновление ежегодных платежей? Полагали, что Германия начнет платить, когда, вследствие улучшения заграничной торговли, явится возможность увеличить сбор с экспорта. Заграничная торговля в значительной мере зависит от заграничных вексельных курсов. Эти последние ныне расстроены без всякой надежды на восстановление в ближайшие годы.

Великобритания предлагала добровольный мораторнум на недолгий срок, дабы Германия получила возможность по окончании этого срока вносить ежегодные платежи в разумных размерах. Французское правительство, в сущности, установило принудительный мораторнум на неопределенный срок без всяких перспектив платежа в доступном предвидению будущем.

Единственным средством обеспечить возможность быстрого получения части репарационных платежей было заставить Германию привести свои финансы в порядок и дать ей для этого нужное время. Единственным средством реализовать заем под германским поручительством, дабы помочь Франции восстановить опустошенные провинции и привести свои собственные финансы в порядок, было бы восстановление устойчивости германского денежного обращения.

Французские государственные люди сознательно отклонили оба эти средства. Действие этого на их собственное денежное обращение будет весьма серьезным, и французам придется расплачиваться все возрастающей дороговизной жизни за авантюру, продиктованную близорукими и нетерпеливыми политиками.

Когда подумаешь о последствиях всего этого, то невольно спрашиваешь себя, действительно ли государственные люди Франции стремились получить репарации, или они преследовали другую цель, совершенно несовместимую с возобновлением денежных платежей, предусмотренных договором.

Эта плохая дорога для получения репараций. Она ведет как раз в противоположную сторону.

Куда же, в таком случае, ведет она? Совершенно несомненно, что она ведет к результатам, раззорительным для германской промышленности; я уже говорил о ее гибельном влиянии на германское денежное обращение и о косвенном воздействии быстрого обесценения денег на германскую внешнюю торговлю. Захват рурских рудников повлечет за собою еще другие серьезные последствия.

Уже теперь насильственное отнятие большого количества германского угля в Руре, в Силезии и в Саарском бассейне уменьшило производительность германской промышленности. Недостаток топлива, искусственно созданный внутри Германии, отчасти возмещался покупками угля заграницей. Необходимость добывать золото для уплаты за иностранный уголь значительно увеличила финансовые затруднения Германии.

Еще более значительные покупки за границей будут неизбежным результатом насильственного вывоза больших количеств рурского угля во Францию и Италию, что повлечет за собою новые финансовые осложнения.

Уже одно это достаточно дурно. Но я боюсь худшего. Будет ли германский углекоп работать с той же правильностью

и продуктивностью для иностранного хозяина, как работал до сих пор для немецкого нанимателя? Есть ли хоть какая-нибудь возможность удержать производительность на ее теперешнем уровне?

Действие этой новой смуты на мировую торговлю невозможно учесть. Никто не выиграет; все останутся в проигрыше. Как может Германия, финансовые затруднения которой еще больше усилятся,—как может Германия, чья промышленность попадает с каждым днем во все более тяжелое положение,—как может Германия, доведенная до отчаяния, принести хоть малейшую пользу Франции, Бельгии, Италии, или кому бы то ни было?

Пустоголовые писаки, отстаивающие эту политику, утверждают, что Франция выиграет, ибо Германия будет доведена до полного бессилия. Надолго ли?

Расчленение Германии является вероятным последствием предпринятого шага. Я знаю, что этого и ждут. Французы до сих пор мечтают о тех днях, когда саксонцы, баварцы и вюртембержцы были их союзниками и даже вассалами в борьбе против Пруссии. Этот призрак довел Наполеона III до гибели. Эта приманка грозит вовлечь Францию в неизбежную катастрофу. Подобная политика не обезопасит Францию в будущем. Вместе с тем она отнимает всякую надежду на получение репараций в настоящем. Не будет больше Германии, способной платить. И окажется совершенно безнадежным делом попытка добиться платежей от каждого отдельного государства.

Но как обстоит дело с безопасностью? Ничто не может удержать немцев в разделении на вечные времена. В удобный момент они объединятся, освобожденные как от внешних, так и от внутренних долгов. Франция потеряет репарации и сохранит лишь ненависть беспощадного врага, более грозного, чем когда бы то ни было.

Как будет жить Европа, пока Франция на опыте почувствует то, что любая другая страна и без этого видит ныне? Мы не знаем, что может произойти, когда мужественный шестидесятимиллионый народ окажется лицом к лицу с неизбежной гибелью. Повернет он налево или направо? Это зависит от личностей вождей, и вопрос этот еще не решен. Но мы в праве считать доказанным, что немцы вряд ли станут продолжать свою теперешнюю честную борьбу за упорядо-

ченную свободу. Французские прокламации, грозящие „суровыми мерами в случае неповиновения“, являются зловещим предзнаменованием того, что легко может случиться. Ни один народ, привыкший к национальной независимости, не станет долго терпеть иностранное иго.

Выступление канцлера Куно является первым признаком пробудившегося духа метяжа. Этот последний, несомненно, будет возростать и усиливаться. Тогда опустится поднятый бич, и, рано или поздно, Германия с неизбежностью должна будет броситься в сторону отчаянных решений. Коммунистическая Германия заразит Европу, или мы увидим реакционную Германию, замышляющую и подготовляющую отмщение.

Россия со своими неисчислимыми запасами людей и материалов находится под рукой. Большевистские вожди ожидают лишь того, чтобы немцы помогли им реорганизовать страну и превратить ее в самое грозное государство, какое только существует в Европе или в Азии.

Народы, испытывавшие гнет на Востоке, некогда неудержимо двинулись к Западу. Повинуясь тому же самому закону народ, жестоко угнетаемый на Западе, будет глядеть на Восток.

Когда французские войска вошли в Эссен, они начали движение, наиболее обильное последствиями и, быть может, наиболее зловещее, какое только видела Европа за последние сто лет. И это по вине народа, который, после 50 лет терпеливого и трудолюбивого ожидания, показал в 1918 году всему миру, как глупо было злоупотреблять победой в 1871 году.

Если учитель так скоро забывает урок, ученик вряд ли о нем вспомнит, когда ярость победит ужас.

Алжезирас.
15 I 23 г.

Потерянные благоприятные возможности.

Французское правительство, потерпевшее явный провал, удваивает ставки после каждого проигрыша. Когда оно остановится? И на чем оно остановится? Это игра на человеческих страстях. Все они замешаны в эту дикую авантюру и столпились по обеим сторонам стола. Гордость, жадность тщеславие, упорство, задор, расовый антагонизм, но также патриотизм, любовь к справедливости, ненависть к насилию и благородное мужество. Каждая сторона черпает из того же арсенала пламенных человеческих чувств. Если никто не вмешается, то я боюсь опустошительных последствий.

Франция ныне оставила всякую надежду пустить в ход рудники, железные дороги и заводы Рурской области при помощи военной силы. В наши дни вы не можете расстрелять каждого рабочего, который не добывает столько-то пудов угля в день, или отказывается грузить вагоны, или прицепить локомотив, когда ему это приказывают. Франция не в состоянии привезти нужное число углекопов и железнодорожников из-за границы, дабы пополнить убыль, созданную нежеланием местных рабочих. И если бы она даже могла это сделать, понадобилось бы много месяцев, чтобы пришельцы могли привыкнуть к новым условиям работы. Таким образом, началась новая политика. Это есть не что иное, как осада Германии. 60.000.000 немцев должны быть голодом принуждены к сдаче. Это долгая история, как известно всякому, кто участвовал в борьбе со стачками. Мы видели, как рабочие, пользовавшиеся лишь небольшой помощью и умеренными симпатиями со стороны общества, держались в течение долгих недель, после того, как были израсходованы их денежные запасы. В Германии все классы объединились для сопротивления. Национальная гордость укрепляет терпение и побуждает

к жертвам. И гавани еще открыты. А тем временем могут произойти такие инциденты и совершиться такие события, которые лишат победителя всех его рессурсов.

Есть люди, готовые сказать, что вторжение в Рур все равно должно было совершиться, и чем раньше, тем лучше. На Рурские рудники должен быть потрачен первоначальный пыл, связанный с вопросом о репарациях. Похмелье повлечет за собою раскаяние, и Франция вернется к спокойной жизни. Таков выдвигаемый перед нами довод. Я должен высказать решительный протест против подобной точки зрения. Если бы эта злополучная затея была предложена несколько месяцев тому назад, я не думаю, чтобы какое-нибудь французское правительство пустилось в нее. Нет такого, сколько-нибудь видного, французского государственного деятеля, который в глубине души верил бы в разумность этого шага. Но теперь репутация Франции зависит от успеха, и они все будут поддерживать его. А ведь совсем недавно французское общественное мнение в целом быстро отворачивалось от этой политики. Пульс Парижа еще казался лихорадочным, но провинция совершенно успокоилась. Вакансии, открывавшиеся в сенате, в палате депутатов и в провинциальных собраниях впродолжении нескольких месяцев, давали возможность установить истинное мнение Франции, и результаты были сенсационными. На одних выборах за другими, по всей Франции, сторонники нашествия были побиты огромным большинством. Рабочие массы Франции всегда противились этой политике. Крестьянин во всех странах бывает тяжел на подъем, и нет никакого сомнения, что французский крестьянин не желает больше военных авантюр. Его сыновья никогда не были в числе „изъятых“ от военной службы, и потери во всех крестьянских семьях Франции ужасны. Проезжая по деревням в земледельческой полосе, вы то и дело спрашиваете: „Где ваши молодые люди?“ Ответ неизменно гласит: „Эта деревня сильно пострадала во время войны“. Вы получите тот же самый ответ в ближайших деревнях и дальше. Итак, мы не должны удивляться, что дополнительные выборы, как в сельской, так и в городской Франции, доказывают непритворное отвращение к планам, предполагающим поход вооруженных французов на вражескую территорию. Скорбящий французский народ имеет полное основание уклоняться от всякой политики, которая ведет к дальнейшему пролитию крови.

По этим причинам я настойчиво поддерживал каждое предложение, могущее отсрочить решительные шаги в Руре. Отсрочка означает конечное поражение для шовинистов. Вот почему они так усиленно стараются побудить свое правительство к преждевременному выступлению. Внезапное окончание Парижской конференции явилось для них лишней благоприятной возможностью, за которую они судорожно ухватились. До сих пор не открывалось ни одной щели, в которую могло бы проскользнуть насилие. Друзья умеренности, как у нас, так и на континенте, следили за этим. Шла речь о комиссии экспертов, причем предстояло спокойно ожидать их донесения. Когда донесение было бы получено, начались бы бесконечные совещания. В конце концов Европа была бы еще раз спасена от катастрофы и не решилась бы доверить своих судеб слепой силе. К несчастию, нетерпение или утомление заставило дипломатов, которые вели переговоры в Париже, выпустить из рук вожжи, удерживавшие в течение последних четырех лет фурий в их стремительном порыве. Выдвигалось много различных планов, о которых было можно спорить. Так, предложено было передать весь вопрос на рассмотрение Лиги Наций. Правда, что когда я это посоветовал в августе 1921 года, г-н Пуанкарэ отвечал отказом. Но союзники также отвергли на конференции предложение Пуанкарэ большинством 4-х голосов против одного. Это не помешало ему повторить то же самое в январе, и на этот раз он сумел склонить большинство на свою точку зрения. При несколько бо́льшей настойчивости и несколько меньшем пессимизме нетрудно было бы убедить Бельгию, Италию и Японию присоединиться к нашему призыву, обращенному к Франции, — верить больше Лиге Наций, нежели случайностям войны.

Еще более необъяснимым является нежелание конференции обратить внимание на речь статс-секретаря Юза в Нью-Гэвене. Совершенно невероятно, что подобное предложение могло пройти незамеченным. Но упущенные благоприятные возможности буквально засорили весь путь, пройденный этим злополучным вопросом. Стоит только вспомнить Каннские совещания, прервавшиеся как раз в тот момент, когда они должны были дать плоды. Если бы эти совещания продолжались еще одну неделю, они закончились бы соглашением, которое дало бы Франции репарации, Германии спокойствие и мир всей Европе. Но Каннская конференция натолкнулась на один из

тех подводных рифов, которыми усеяно французское политическое море, и я не удивлюсь, если весь груз репараций исчезнет в бездне в результате крушения этих переговоров.

Германия вновь дала возможность благоприятного разрешения всех вопросов в Генуе, когда все нации Европы собрались там, чтобы впервые обсудить волнующие их темы в духе дружбы и справедливости. Правда, вопрос о репарациях был, по настоянию Франции, исключен из рассмотрения конференции. Но общий дух, созданный дружественным соглашением по всем другим насущным вопросам, сделал бы неизбежным разумное и умеренное рассмотрение репарационной проблемы. Германия, безрассудно подписавшая соглашение с Россией, сделала это невозможным... Раздражение и подозрительность вновь схватились за бичи и пользовались им неустанно, дабы уничтожить всякое доброе расположение к Германии. Вторая потерянная благоприятная возможность.

Тогда начал заседать комитет банкиров, имевший целью рассмотреть вопрос о международном займе, долженствующем помочь Франции восстановить свои опустошенные области, а Германии — поправить расстроенное денежное обращение. Я помню, как усердно старался бедный Ратенау провести этот заем и как он радовался при мысли, что ему это удастся. Он верил, что германские националисты, хранящие свое золото в других странах, начнут усиленно подписываться на этот заем. Собравшиеся банкиры,—а все они были люди с огромной репутацией в финансовом мире,—выразили убеждение, что если германские репарации будут определены в какой-нибудь разумной сумме, держатели денег во всех странах с радостью будут участвовать в большом международном займе, имеющем целью восстановление Европы. Французское правительство раздражительно отказалось рассмотреть условия, предложенные банкирами. Еще одна потерянная благоприятная возможность, и Европа вновь потащилась своим скорбным путем в ожидании следующего случая.

Таким случаем оказалась знаменитая речь м-ра Юза. Эта речь, очевидно, была плодом долгих размышлений. В продолжении многих недель молва твердила о совещаниях в Вашингтоне по европейскому вопросу, и мы имели смелость надеяться, что Америка относится к делу серьезно. Результатом было предложение м-ра Юза. Оно было высказано за четыре дня до начала Парижской конференции, с очевидным

намерением вызвать соответственное обсуждение среди союзников. Тогда же делались попытки уменьшить значение этого американского шага навстречу Европе, но для меня поныне непонятно, каким образом столь значительное выступление рассматривалось так, как если бы это были случайные вырвавшисся слова политического деятеля, который воспользовался случаем украсить свою речь более или менее интересной темой. Еще одна потерянная благоприятная возможность, — быть может, самая благоприятная, быть может — последняя. Никогда счастье не стремилось так усердно на помощь глупости. Но счастье легко теряет терпение и тогда становится жестоким.

Лондон,
15/II 23 г.

Французские планы.

„Французские войска занимают новые участки германской территории". „Дальнейшее продвижение внутрь Германии". „Подкрепления". „Французы заняли британское предмостное укрепление на Рейне". „Проекты чеканки новой монеты для Рура". К чему ведет все это? Неужели к репарациям? Синьор Нитти, который основательным образом изучил все документы, относящиеся к французским замыслам против Германии, пришел, в конце-концов, к выводу, что названные меры не имеют никакого отношения к возмещению убытков, понесенных опустошенными областями, но что они осуществляют обширный план установления французского контроля над всем углем и всем железом континентальной Европы. Подобные же подозрения несомненно зародились у синьора Муссолини, хотя он опомнился несколько поздно, чтобы иметь возможность действовать. Он, конечно, не может примириться с мыслью, что весь уголь и все железо, нужные Италии, окажутся в полном распоряжении треста, управляемого из Парижа. Италия не имеет собственного угля и железа. Она, следовательно, заинтересована в существовании свободного рынка. Отсюда тревога синьора Муссолини. Есть ли для нее какие-нибудь основания? Пусть те, кто воображает, будто итальянские государственные люди пугаются без всякой причины, познакомятся с рассуждениями французской печати по поводу речей, недавно произнесенных гг. Мильераном, Барту и Пуанкарэ.

Что касается выступления г-на Барту, то я чувствую, что должен, в качестве одного из основателей Репарационной комиссии, сказать свое слово. Были существенные вопросы относительно суммы контрибуции, методов ее взимания и времени уплаты, которые не могли быть разрешены до подпи-

сания мирного договора и прежде, чем Германия получила возможность высказаться. Отсюда учреждение Репарационной комиссии. Она была призвана к существованию, дабы разрешить названные вопросы, изучив предварительно все дело и обменявшись мнениями. Г-н Барту является ныне председателем этой комиссии. Он, следовательно, руководит заседаниями трибунала, облеченного судебными функциями особого характера. Ему приходится время от времени выносить юридическое суждение по различным вопросам, связанным с положением Германии. Зажигательные речи, касающиеся того самого предмета, который требует от него спокойствия, приличного судье, совершенно несовместимы с его положением. Когда г-н Пуанкарэ занимал тот же самый пост, он, наконец, понял, что не может писать полемические статьи по вопросам, относительно которых он обязан высказаться, как судья. Поэтому он весьма корректно отказался от участия в комиссии.

Но вернемся к речам, произнесенными этими почтенными государственными деятелями. Если верить им на-слово, Франция намеревается внедриться в Рур. Не путем анексии. О нет! Это, по словам г-на Барту, „безумная и глупая ложь". Но Франция намерена взять *залоги* и удерживать их вплоть до уплаты репараций. Какие залоги? Промышленность Рура. Если Французское правительство получит возможность контроля над промышленностью этой цветущей области впродолжение тридцати лет, оно приобретет здесь большую власть, нежели та, которая принадлежит ей в угольном районе Па-де-Калэ. В своих собственных угольных районах ни одно правительство не берет на себя — по крайней мере в мирное время — права распределять и направлять по назначению добытый уголь. Но есть указания, что контроль над Рурской промышленностью будет иметь еще более глубокий характер. На это намекает французская печать. Франция, дабы обеспечить в будущем уплату репараций, получит паи германских рудников и заводов. Какую часть паев? Среди залогов, которых требовал Пуанкарэ в августе 1923 года, значились 60% паев некоторых главнейших германских предприятий Рейнской области. Ныне это требование, очевидно, будет распространено на Рурскую промышленность. Франции принадлежит железо Лотарингии и уголь Саарской долины. Ее финансисты готовятся скупить угольные копи Силезии. Если ей удастся установить контроль над Рурскими копями

и убедить Бельгию и Польшу присоединиться к ней, весь континент Европы очутится во власти огромного угольного и железного треста.

В моей предыдущей статье я сказал, что гавани еще открыты. Пока это так, центральная Европа еще может до известной степени защищаться, ибо производство Великобритании и Америки находятся к ее услугам. Но эту возможность легко устранить. Одним из залогов является контроль над германскими таможнями. Как сбалансирует свой бюджет Германское правительство, не получая доходов? Как может оно получать доходы при отсутствии таможенного тарифа? Какой тариф является более прибыльным, нежели обложение иностранного угля и металлических изделий? И как раз эти продукты будут изъяты с германского рынка. Об этом позаботится трест.

Если этот цинический план получит осуществление, то с репарациями будет покончено, ибо независимость германской промышленности будет задушена, и тогда начнется ее скорое увядание. Но некоторые признаки указывают, что французы оставили всякую мысль о получении репараций и теперь замышляют простой грабеж в крупных размерах. Французская печать предвидит еще более широкое и глубокое распространение, нежели то, которое непосредственно связано с контролем над германской промышленностью. Италия, Польша и даже Россия должны быть привлечены к делу. Лозунг, которого в течение нескольких лет придерживались парижские газеты: „Не надо торговать с убийцами", ныне оставлен. Вместо этого идет сентиментальная болтовня о восстановлении старинных дружеских отношений между Францией и Россией. Россия будет покупать, Германия производить, а Франция получать барыши.

Эти предположения, которые уже давно носились в воздухе, теперь напечатаны черным по белому. Но скоро черная краска, быть может, покраснеет. Двадцать человек заплатили своими жизнями на первых же шагах. Я боюсь, что жертв окажется гораздо больше по мере того, как будут возрастать трудности.

Не лишено значения то обстоятельство, что условия, которые должна принять Германия в случае, если она выразит согласие подчиниться, никогда не были точно формулированы. Не было послано никакого ультиматума до начала наступления. Какие обязательства будут возложены на Германию, если она

завтра поднимет вверх руки? Кто может предсказать это? Германия, очевидно, не знает. Об этих условиях не говорилось ни слова на Парижской конференции. Г-н Пуанкарэ заявил лишь весьма выразительно, что „не принимает больше никаких обещаний". Если Руру суждено быть эвакуированным, обещания, очевидно, придется принять в известной мере, ибо Германия не может произвести поставку угля за десять лет вперед и заплатить сразу пятьдесят миллиардов золотых марок. Таким образом, если заявление г-на Пуанкарэ вообще что-нибудь означает, то контроль над Рурской промышленностью должен принадлежать Франции, доколе весь долг не будет погашен. Следовательно, мы имеем обширный план эксплоатации Германии и—через Германию—всей Европы.

Недурной план, но,—подобно большинству планов, созданных без принятия в расчет человеческой природы,—осужденный на неудачу. Как долго согласятся Италия и Россия терпеть эксплоатацию для обогащения французских капиталистов? Италия уже ясно дала понять, что она не намерена попасть в ловушку. Россия, может быть, пойдет французам навстречу, а может быть и нет. Нет ничего невероятного в том, что уже предпринимаются соответственные попытки. Не особенно легко предсказать, что сделают и чего не сделают большевики при каких бы то ни было обстоятельствах. Но все-таки можно смело поручиться, что они не захотят положить свои головы между челюстями жадного капиталистического крокодила.

Согласятся ли германские государственные люди продать свою страну в политическое и экономическое рабство на неопределенный период времени? Это совершенно невероятно. Нет никакого сомнения, что делались попытки взаимного нащупывания между французскими и германскими капиталистами незадолго до нашествия в Рур. Полагают, что гг. Лушер и Стиннес беседовали на тему о соединении лотарингского железа и рурского угля. Но нашествие в Рур пробудило германский патриотизм от его спячки. Могущественный новый элемент должен спутать все расчеты. Этот элемент трудно примирить с международными финансами. Попытка установить контроль над германской промышленностью будет, конечно, встречена ожесточенным сопротивлением, а без контроля „залоги" не имеют никакой цены.

Затем придется считаться с германским рабочим. Углекоп и механик во всех странах пользуются независимостью, кото-

рая вошла в пословицу. Они не привыкли получать приказания даже от своих собственных правительств. Во время войны с ними приходилось долго спорить, прежде чем удавалось убедить их следовать указаниям правительства в интересах их собственной страны. Они встретят приказы, исходящие от синдиката, контролируемого иностранными правительствами, с подозрением и отвращением. Если возгорятся споры—а они, более, чем когда-либо, могут возгореться при данных условиях—кто возьмет на себя ответственность за охрану жизни, свободы и собственности? Будут ли пущены в ход иностранные войска? Или германская армия и полиция будут действовать по указаниям, полученным из Парижа? Народные симпатии, во всяком случае, окажутся на стороне забастовщиков.

Эта фантастическая идея порождена неудачей и, следовательно, сама обречена на неудачу.

Лондон,
1/III 23 г.

Зыбучий песок.

Когда вы прошли некоторое расстояние по зыбучему песку, погружаясь все глубже и глубже с каждым шагом, весьма трудно бывает решить, каким образом легче достигнуть твердого грунта—поспешив вперед или повернув назад. Но вы должны сделать то или другое. Вы не можете стоять на месте, ибо это означает неизбежную гибель. Французское правительство, очевидно, придерживается мнения, что всего безопаснее итти вперед, дальше в трясину. Поэтому три новых немецких города заняты, новые бургомистры и чиновники подверглись изгнанию, еще несколько мужчин и мальчиков застрелены на улицах, подвезены новые черные войска, изданы новые правила и декреты; дальнейшее давление оказывается на французский, бельгийский и итальянский вексельный курс, дальнейшая смута вносится в деловую жизнь Центральной Европы; коротко говоря, мы имеем все больше зыбучего песка и все меньше твердого угля. Накануне оккупации Рура общая недоимка в поставках сравнительно с обещаниями, данными в Спа, равнялась всего восьми процентам. Если бы не было этого глупого нашествия, Франция получила бы в течение истекших шести или семи недель из Рура около трех миллионов тонн угля и кокса. Вместо того Франция получила 50.000 тонн за этот период. Толпа инженеров, железнодорожников, судовщиков, чиновников всех рангов и ресторанных буфетчиков, поддерживаемая грозной армией, достигла в течение шести недель этого смехотворного результата. Нет сомнения, что количество поставляемого угля впоследствии увеличится, благодаря новым репрессиям и ввозу новых партий железнодорожников, но пройдет много времени, прежде чем Франция получит поставки, обещанные в Спа, минус восемь

процентов, и тогда придется, вдобавок, покрывать недоимку, накопившуюся за целый ряд месяцев.

После этого не удивительно, что г-н Лушер заявил напрямик во Французской палате, будто он не одобряет рурского выступления. Он имеет одно несомненное преимущество перед рурскими наездниками, — а именно — он кое-что смыслит в делах. Он может похвастаться также другим талантом, обладание которым имеет некоторое значение для оценки его нынешней позиции. Он прекрасный судья по вопросу о том, какая будет завтра погода. Это редкое дарование среди политических деятелей. Любой простак может заметить, в каком направлении ветер дует сегодня, но нужно обладать особой проницательностью и опытом, дабы предсказать направление завтрашнего ветра. Г-н Лушер является одним из выдающихся прорицателей погоды. Итак, он идет навстречу общественному мнению сегодняшнего дня, оказывая поддержку Пуанкарэ, и обеспечивает свою завтрашнюю позицию, давая ясно понять, что не одобряет той политики, которую поддерживает. За сомнительным исключением г-на Барту, ни один из видных политических деятелей Франции не выразил своей уверенности в успехе рурской авантюры. И все же французское мужество, французская гордость, французская лойяльность, французский патриотизм и, может быть, французская кровь и французские деньги без возврата брошены в эту отчаянную игру, на которую большинство ответственных государственных людей, мудро руководивших Францией в великие дни, глядят с сомнением, тревогой и страхом.

Сумеет ли французское правительство выпутаться из затруднений, в которые оно вовлекло свою страну и всю Европу? Боюсь, что нет. Простая неосторожность может поставить человека в опасное положение; нужно мужество, чтобы избавиться от этого положения. И если поворот назад связан с признанием собственной вины, то очень немногие люди проявляют этот исключительный вид мужества. Существуют, впрочем, и другие причины, по которым нынешнее французское правительство будет все дальше и дальше углубляться в зыбучий песок. Когда правительство совершает какую-нибудь ошибку в Англии, угроза парламентского поражения и пара неудач на дополнительных выборах грубо, но с пользой призывают его к порядку, и правительство усваивает новый курс к полному удовольствию друзей и врагов.

Дополнительные выборы в Уильдене, Митчеме и Ливерпуле спасли теперешнее правительство от безнадежной путаницы, в которую оно легко могло попасть. При подобных обстоятельствах во Франции перемена правительства совершается с изумительной легкостью и быстротой. Но вы не можете приступить к свержению существующего правительства, не имея в виду лица, могущего и согласного сформировать новое правительство. По общему правилу всегда есть два или три выдающихся человека с высокой репутацией, готовых служить своей стране в критических обстоятельствах. Смута, господствующая ныне во Франции, зависит от того, что каждый из возможных будущих вождей не одобряет рурского выступления и считает его осужденным на неизбежный провал. Но, с другой стороны, нет ни одной заметной фигуры среди французских политиков, согласной взять на себя одиум, связанный с необходимостью бить отбой. Такому государственному деятелю непременно скажут, что успех был уже близок и, что если бы не трусость и не злонамеренность нового министерства, Франция уже преодолела бы с полным триумфом все свои финансовые затруднения. Знамя (le drapeau!) было спущено, и ему изменили. Ни один французский государственный человек не смеет встретить лицом к лицу такое страшное обвинение.

Таким образом нынешнее французское правительство привязано к седлу своего коня и вынуждено двигаться вперед.

Другим объяснением трудностей, связанных с поворотом назад, является все возрастающее бешенство главных виновников этого неосторожного шага. Чем более бесплодным оказывается все предприятие, тем с большей энергией пришпоривают они правительство, подстрекая его к дальнейшим безумствам. В моей предыдущей статье я обрисовал в общих чертах честолюбивый план образования европейского синдиката под французским контролем. Вся промышленность Европы, контролируемая из Парижа—такова эта гордая мечта. Теперь они проектируют новый договор, который должен быть поставлен на место Версальского трактата. Границы будут переделаны, богатые провинции и города фактически аннексированы, рурский уголь соединится с лотарингским железом, и Германия, еще более изувеченная и связанная, будет доведена до полного экономического подчинения. Ничего подробного этим идеям не бывало со времени норманского завоевания, когда саксонцы, предварительно обезору-

женные, были осуждены на рабский труд для обогащения и возвеличения своих новых господ. Нет нужды говорить, что Великобритания и Америка не будут приглашены на новую мирную конференцию. Им очень любезно сообщат об условиях нового мира, когда тот окончательно будет установлен французским оружием. Британская империя, которая поставила под ружье миллионы людей, дабы освободить французскую землю от германских насильников, и которая пожертвовала сотнями тысяч молодых жизней в этом усилии, не будет даже выслушана при составлении договора, ставшего возможным исключительно благодаря ее жертвам. Америка, которая явилась на помощь с миллионами своих храбрецов, кажется едва достойной внимания этим беснующимся умам, отравленным нездоровой смесью ненависти, жадности и военной наглости. Французское правительство ни разу не заявило открыто о своем присоединении к этим планам; но весьма зловещим признаком является то обстоятельство, что названные планы излагаются теми самыми перьями, постоянные внушения которых подстрекнули Французское правительство на его нынешний шаг. К тому же, до сих пор мы не слышали опровержения, исходящего от главы правительства или от подчиненных ему лиц. Полная неопределенность всех опубликованных до сих пор заявлений дает возможность принять впоследствии любой план. Именем залогов для обеспечения репараций можно прикрыть все, что угодно.

Британское правительство только что официально опубликовало полный отчет о деятельности Парижской конференции. Это удивительный документ. Насколько я могу судить, ни одним из участников не было сделано сколько-нибудь серьезного усилия с целью предупредить разрыв. При первой неудаче достигнуть соглашения делегаты в отчаянии подняли руки кверху и не могли придумать никакого иного исхода. Даже г-н Тени, изобретательный бельгийский премьер, ничего не мог посоветовать. Веяние бесплодия как бы пронеслось над конференцией. Но я не желаю слишком подчеркивать роковой характер Парижской конференции. Я лишь хочу обратить на нее внимани с другой целью. Я с величайшим вниманием изучил Синюю книгу. Я тревожно искал точных указаний о том, что предполагает г-н Пуанкарэ требовать от Германии в случае ее согласия подчиниться французской воле. Что должна была сделать Германия, если бы хотела во что

бы то ни стало предупредить падение топора? Я прочел речи Пуанкарэ и все приложения, в тщетных поисках этих условий. Правда, ему никогда не задавали этого вопроса. Это кажется непонятным. Но каждый из участников так спешил закончить конференцию, и этим положить предел неприятным осложнениям, что им, кажется, ни разу не удалось задать этот существенный вопрос. И наиболее заинтересованная сторона вовсе не была представлена на конференции. В результате ни кто не знает условий, на которых французская армия будет готова эвакуировать Рур. М-р Бонар Лоу не мог ответить, когда его запросили в Палате Общин. Я этому не удивляюсь, ибо ни кто не говорил ему об этом, а сам он не спрашивал. Я убежден, что в настоящее время г-н Пуанкарэ совершенно позабыл, почему он именно двинулся на Рур. Это тоже одна из причин, по которым он будет там оставаться, доколе не случится нечто, могущее дать нам ответ.

Большая часть жизненных трагедий имеет случайный характер.

Лондон,
10.III—23 г.

Первое германское предложение.

Новая возможность благоприятного исхода представилась Французскому и Бельгийскому правительствам, и они отвечали пощечиной. С целью сделать эту пощечину столь же громкой, сколь болезненной, они отвергли германское предложение, вынеся одновременно дикий приговор, осуждающий на пятнадцать лет тюремного заключения главу величайшего промышленного концерна в Рурской области, если не в целой Европе. За что? За то, что он приказал рабочим гудкам протрубить „перерыв в работе“ в тот день, когда французские войска вступили в город. В этом приговоре бахвальство насилия граничит с сумасшествием. Это случилось в тот самый момент, когда Германское правительство сделало мирное предложение и когда тот из союзников Франции, который принес наиболее тяжелые жертвы во время войны, дабы спасти ее и Бельгию от гибели, советовал Французскому правительству рассматривать это предложение по крайней мере, как исходную точку для дальнейших переговоров. Вместо ответа германская нота была встречена, как оскорбление, суд вынес приговор, возмущающий чувство справедливости во всем мире, и союзнику, бывшему столь верным в бедственное для Франции и Бельгии время, было отказано даже в любезности посоветоваться об общем характере ответа на ноту, столь сильно затрагивающую жизненные интересы всех союзников без изъятия. Прусская наглость в самые злополучные свои дни не представляет примеров такой неуклюжей и близорукой тупости. Это дало повод лорду Роберту Сесилю заметить в Палате Общин, что весьма трудно примирить французский образ действий с мыслью, будто Французское правительство действительно стремится к соглашению.

Что предлагает Германия? Она предлагает ограничить общую сумму своих обязательств наличными деньгами и натурой до размеров тридцати миллиардов золотых марок (1.500.000.000 фунт. стерл.), каковая сумма должна быть реализована путем займов на международном денежном рынке при нормальных условиях в следующие сроки:

20	миллиардов	до	1-го	июля	1927 года,
5	"	"	1-го	"	1929 "
5	"	"	1-го	"	1931 "

Предусматривается уплата процентов, начиная с июля 1923 года вперед, и соглашение относительно поставок натурой. Затем следует весьма существенное заявление. После параграфа, утверждающего, что уплата вышеприведенных сумм потребует напряжения всех рессурсов Германии до крайней степени, говорится:

„Если другие державы не разделяют этого мнения, Германское правительство предлагает передать всю репарационную проблему на рассмотрение международной комиссии, свободной от политических влияний, как это советовал статс-секретарь Юз".

Далее читаем, что Германское правительство готово принять нужные меры, дабы все германские национальные рессурсы могли явиться гарантией займа. Предлагаются также гарантии в обеспечение поставок натурой. С целью установить постоянный мир между Францией и Германией нота предлагает соглашение, по которому все спорные вопросы, могущие возникать между этими странами в будущем, должны разрешаться путем арбитража. В конце ноты указывается, что эвакуация Рура „в кратчайший промежуток времени" и восстановление в Рейнской области условий, предусмотренных Версальским договором, „являются существенной предпосылкой для ведения переговоров на основании вышеизложенных идей". Все это вместе представляет сущность германского предложения.

Французское и Бельгийское правительства в своем ответе исходят от выработанной в мае 1921 года шедулы платежей и не желают даже отказаться от весьма проблематичной добавочной суммы в 4.250.000.000 фунт. стерл. До сих пор считалось общепризнанным, что Германия вообще не может уплатить более 2.500.000.000 фунт. стерл. Французское и Бельгийское правительства ныне настаивают, чтобы были целиком уплачены все 6.600.000.000 фунт. стерл. Они отвер-

гают предложение Юза и даже считают поддержку его со стороны Германии „одним из проявлений систематического сопротивления Версальскому договору“. Ссылаясь на отпор, оказанный в Руре французским попыткам эксплоатировать таможние рессурсы, нота говорит: „Бельгийское и Французское правительства не могут войти в рассмотрение германских предложений, доколе сопротивление продолжается“. Иначе говоря,— как бы ни было полно и удовлетворительно это предложение само по себе, оно должно быть отвергнуто, если ему не будет предшествовать унизительная сдача перед французскими поползновениями на Рур. Затем следуют многозначительные слова, как бы подчеркивающие смысл всего предыдущего:

„Бельгийское и Французское правительства решили, что они эвакуируют вновь занятые территории лишь соответственно поступлению платежей. Они не намерены изменить это решение“.

Итак, они продолжают настаивать на невозможной уплате; сюда же будут прибавлены расходы по оккупации, и пока оба эти долга не будут ликвидированы, французские армии останутся в богатейшей из областей Германии. А когда Британская империя и Соединенные Штаты Америки, которые путем огромных жертв человеческими жизнями и деньгами, спасли Францию от унижения, подобного тому, которому она теперь подвергает Германию, пытаются предложить свой совет, то им отвечают, чтобы они занимались своими собственными делами. Никакое вмешательство не будет допущено со стороны посредников, кто бы они ни были.

Сумма, предлагаемая Германией в виде репараций, без сомнения, недостаточна. Она не может быть принята ни кем из союзников в качестве исполнения германских обязательств, вытекающих из Версальского договора. Германское правительство должно сделать существенную надбавку, прежде чем ему можно будет надеяться притти к соглашению с союзными правительствами. Я не сомневаюсь, что Германское правительство вполне понимает это, и я уверен, что оно не выдвинуло этих цифр в качестве своего последнего слова. Они должны лишь послужить исходным пунктом для переговоров. Германское правительство в действительности подразумевает именно это. Когда вы начинаете вести какие-нибудь переговоры, ваш адвокат, если он только знает свое ремесло, никогда не назовет сразу той суммы, на которую ему позволено согласиться в крайнем случае. Равным образом и клиент,

обычно, не сообщает даже своему адвокату ту максимальную сумму, которую он готов заплатить, если ему придется выбирать между уплатой и продолжением борьбы, которая сопряжена с издержками и осложнениями. Но лишь только переговоры завязались, действительная сумма платежа начинает быстро то появляться, то исчезать вновь. Такова история всех переговоров, как частных, так и государственных. Отказ встретиться для совещаний, прежде чем будет названа сумма, кажущаяся приемлемой, делает невозможным обмен мнений между сторонами в качестве средства притти к соглашению относительно главного предмета спора.

Я принимал участие в улажении бо́льшего числа промышленных разногласий, нежели это обычно выпадает на долю политического деятеля. В каждом случае мне сначала казалось, что я попадаю в тупик. При первой встрече сторон всегда разверзалась, повидимому, непроходимая бездна между ними; но при настойчивости и добром желании, обычно, в конце концов удавалось притти к соглашению. При желании можно перекинуть мост через любую бездну. Когда, во время спора между двумя независимыми сторонами, одна из них требует безусловной сдачи, то это неизбежно бывает прелюдией ожесточенных разногласий. Следовательно тот факт, что Германия выдвигает предложение, не соответствующее принципам справедливости и обстоятельствам дела, не является еще достаточной причиной отказа от встречи с ее представителями на конференции, которая определит действительную сумму платежей и наилучшие методы ее взыскания.

Но есть другое и более солидное основание того, почему германское предложение было столь поспешно отвергнуто. Это предложение не кончается простым согласием уплатить сумму, далеко не достаточную для покрытия репарационных требований. Если бы это было так, Французское правительство, пожалуй, могло бы требовать, чтобы Германия еще до начала переговоров повысила эту сумму до размеров, более или менее приближающихся к приемлемым. Но если бы даже французское требование было в этом отношении основательным, оно устраняется тем обстоятельством, что в ноте Германского правительства содержится альтернатива на случай, если сумма будет сочтена недостаточной. Эта альтернатива меняет весь характер ноты, если вы подойдете к вопросу bona fide. Это предложение состоит в совершенном и катего-

рическом принятии Германским правительством знаменитого совета м-ра Юза. Здесь нужно напомнить, что, в качестве выхода из репарационной путаницы, он предложил создать международную комиссию экспертов для исследования вопроса о величине суммы, которую Германия может заплатить, и о наилучшем методе исполнения обязательств, после того, как эти последние будут окончательно установлены. М-р Юз ясно дал понять, что Соединенные Штаты готовы участвовать в подобном исследовании. Именно это придает такое значение и такую важность его речи. Впервые прочитав эту речь, я тотчас же протелеграфировал из Испании в английские и американские газеты о своей твердой уверенности, что союзники, только что собравшиеся на конференцию в Париже, немедленно займутся рассмотрением условий деятельности этой комиссии. Мне казалось, что представляется необычайно благоприятная возможность поставить злополучный вопрос, доводящий Европу чуть ли не до нервного паралича, на твердую дорогу, которая должна неизбежно привести к действительному соглашению.

Чем более я думаю об этом предложении, тем более убеждаюсь в своей правоте и тем более меня тревожит грубое равнодушие, с которым это предложение было встречено союзными правительствами. В настоящее время я затрудняюсь объяснить, почему те, кто так стремится к окончательному решению, не воспользовались заявлением Америки о своей готовности принять участие в конференции. Но я берусь предложить кой-какие догадки. Я могу понять тех, кто, в своем стремлении эксплоатировать репарационный вопрос для своих дальнейших целей, стремится держать Америку подальше от этого дела. Но почему Великобритания, Италия и Бельгия упустили случай обеспечить себе сотрудничество державы, которая одна бы могла помочь союзникам достигнуть справедливого и быстрого решения и,—что еще более важно, облегчить дальнейшие операции для осуществления этого решения? Теперь Германия категорически утверждает, что, если названная ею цифра неприемлема для союзников, то она готова предоставить вопрос о сумме платежей международному трибуналу с участием Америки, и, равным образом, готова подчиниться решению этого трибунала, каково оно бы ни было. К этому и сводится совет м-ра Юза. Как может нота, содержащая столь разумное предложение и вдобавок предло-

жение, мысль о котором зародилась в столь могущественной и столь дружественной стране, рассматриваться, словно оскорбление, нанесенное достоинству Франции и Бельгии? Заявлять, — как это делает французская нота, — что предложение Юза является отступлением от Версальского договора, значит игнорировать провизуарный характер этого договора. В действительности это явилось бы восстановлением этого договора. Как я неоднократно указывал, договор передавал вопрос о сумме, которую должна заплатить Германия в счет репараций, — союзнической комиссии, в которой должны были быть представлены и Соединенные Штаты. Обязанностью этой комиссии было установить размер убытков, за которые ответственна Германия согласно договору, и затем определить способность Германии платить за эти убытки целиком или отчасти.

Комиссии было поручено установить размеры ежегодных платежей, которые должны быть истребованы у Германии, исходя из двойного основания—ответственности и платежеспособности. Удаление единственной страны, которая не была прямо заинтересована в репарациях, сделало комиссию односторонним и весьма пристрастным трибуналом. Репарационная комиссия ныне не соответствует основной мысли договора. Ее характер совершенно изменился. С точки зрения незыблемости Версальского договора весьма существенным является представительство Америки в органе, определяющем платежи, которые должны быть потребованы у Германии. Германское правительство ныне предлагает поставить судьбу своей страны в зависимость от первоначальных условий договора, который был подписан в Galerie des glaces в июне 1919 года. Франция и Бельгия не имеют права требовать чего-либо другого. Поскольку они настаивают на требованиях, существенно отличных от контракта, заключенного ими с Германией в 1919 году, Европа лишается своего спокойствия, и международные сношения насыщаются легко воспламеняющимся духом злопамятства, ненависти и мщения. Нечего удивляться после этого, что маршал Фош объезжает центральную Европу, приводя союзные армии в порядок! Мне кажется, что это единственный человек во Франции, который понимает, к чему все это приведет.

Лондон,
14/V 23 г.

Вторая германская нота.

Немцы послали вторую ноту. Так как вся союзная пресса без исключений объявила эту ноту значительно лучше первой, вряд ли стоит тратить время и бумагу на доказательство, что наиболее существенные части этого более счастливого документа содержались в его столь порицаемом предшественнике. Правда, психологически мы видим решительный шаг вперед сравнительно с первой нотой. Вторая нота кажется более сжатой и не пускается в раздражающую полемику. Вам никогда не удастся спорить с рассерженным человеком, потрясающим над вашей головой дубиной, если вы не находитесь на достаточно безопасном расстоянии от него. Германия, в данном случае, лежит у ног своего противника. Следовательно, вторая германская нота поступает мудро, избегая рассуждений. Она содержит простое и ясное предложение.

Она также говорит о многих существенных гарантиях в обеспечение уплаты процентов по займу, имеющему быть заключенным для погашения репараций. Я не претендую здесь решать, насколько ценными эти гарантии могут показаться предполагаемым заимодавцам. Я не сомневаюсь, что залоги могут увеличить материальную безопасность капитала, но простой список этих залогов еще не соблазнит капиталистов рискнуть своими деньгами, поместив их в германский репарационный заем. Они, конечно, захотят рассматривать Германию, как целое, а не по частям. Им интересно будет узнать, что может случиться с этой великой страной, что будет с ее промышленностью, с ее финансами, ее политикой и ее народом. Железная дорога, взимающая плату за перевозку пассажиров и груза в падающей валюте, не может быть порукой займа; таможенный доход, собираемый в падающих деньгах, равным образом не имеет цены. Единственным приличным базисом для займа является устойчивая Германия. Но вы не будете иметь устойчивой Германии, доколе окончательно не определите общей

суммы репараций. Таков, следовательно, должен быть первый и существенный предварительный шаг ко всем разговорам о залогах,—все равно „продуктивных“ или „непродуктивных“.

Итак, предложения наиболее важные, содержащиеся в германской ноте, касаются не гарантий, но порядка определения той суммы, которую должна будет заплатить Германия. Нота не повысила цифры, указанной в первой ноте в качестве предела германской платежеспособности. Но зато она вновь подтверждает готовность Германского правительства подвергнуть беспартийному трибуналу рассмотрение вопроса о способности Германии платить. Нота предлагает представить в распоряжение этого органа все материалы, необходимые для выработки правильного решения. Она замечает, что все дальнейшие споры по этому предмету должны были бы иметь место на конференции, а не совершаться путем обмена нот. Как может непредубежденный человек не признать разумности подобного предложения? Все согласны, что ежегодные платежи, возложенные на Германию в мае 1921 г., требуют пересмотра. Даже г-н Пуанкарэ действует исходя из этого предположения. Следовательно, предстоит разрешить весьма важную и чрезвычайно трудную задачу. Какую сумму Германия может платить ежегодно? И когда будет она в состоянии платить? Разве не разумно предлагать, чтобы этот вопрос, требующий чрезвычайно внимательного изучения германских рессурсов, был передан трибуналу, способному вынести спокойное и справедливое решение? И какие возражения можно противопоставить обсуждению этого вопроса на конференции, в которой Германия будет представлена так же, как и все союзники? Если бы мы имели дело с торговой или промышленной тяжбой, эти два предложения показались бы чрезвычайно уместными и правильными, и сторона, отвергающая их, была бы осуждена общественным мнением.

Какие возражения выдвинуты французской печатью? Вплоть до нынешнего дня французское правительство не высказало официально своей точки зрения на германскую ноту, но можно смело допустить на основании опыта прошлого, что парижские журналисты получили указания с Орсейской набережной, прежде чем писать свои критические статьи.

Первое из этих возражений сводится к тому, что французское правительство не будет обсуждать никаких предложений, исходящих от Германии, доколе эта последняя не прекратит

пассивного сопротивления французской и бельгийской эксплоатации Рура. Что это, собственно говоря, значит? Если предполагается, что, в качестве предварительного условия для конференции или для рассмотрения условий, Германия должна согласиться на оккупацию и эксплоатацию Рурской долины французами и бельгийцами вплоть до окончательной уплаты репараций, положение становится безнадежным. Германское правительство подчиняется подобной оккупации, потому что в его распоряжении нет сил, дабы оказать сопротивление. Но никакое Германское правительство не может выразить согласия на захват своих территорий. Мир, подписанный на подобных условиях, неизбежно был бы нарушен при первой благоприятной возможности. А тем временем в Руре продолжались бы постоянные осложнения и беспорядки. Я едва могу верить, что Французское правительство собирается настаивать именно на этом, несмотря на то, что статья, напечатанная в Temps, предлагает подобное толкование. Но, быть может, правительство лишь требует, чтобы, пока будут обсуждаться условия соглашения, было заключено перемирие, первым условием которого является устранение всех препятствий, ныне стоящих на дороге снабжения Франции, Бельгии и Италии репарационным углем и коксом? Перемирие на подобных условиях было бы нетрудно установить, особенно если бы бельгийские и французские власти сняли запрет, наложенный ими на вывоз рурских продуктов в неоккупированные части Германии. Но хотя подобные условия явились бы выгодными для обеих сторон, я сомневаюсь, чтобы Германское правительство взяло на себя трудную задачу убедить упрямых шахтеров и железнодорожных рабочих Рура оказать помощь в деле снабжения Франции продуктами, в которых отказано их собственным землякам. Нельзя считать несомненным, что рурские рабочие будут готовы повиноваться всякому распоряжению, присланному из Берлина. Германское правительство перестало ныне встречать такое повиновение. Одним из косвенных последствий великой катастрофы явилось то, что декреты, издаваемые на Вильгельмштрассе, не внушают больше того почтения, которое воздавалось им в довоенные времена. Но конференция, на которой будут представлены все заинтересованные страны, легко может быть созвана на условиях которые сделают возможным для Франции принять участие в обсуждении репарационного вопроса, без того, чтобы ее

министров подозревали в готовности спустить национальный флаг. Я верю, что здравый смысл одержит верх над раздражением и преувеличенной гордостью обеих сторон.

Когда будут улажены эти предварительные вопросы обоюдной чести, то что останется сделать? Нужно фиксировать размер ежегодных платежей и установить гарантии уплаты. Что можно возразить против метода, предложенного в германской ноте по этим двум пунктам? Это американский метод — принятый Германским правительством. Конференция — и беспартийный трибунал в случае неудачи конференции. Я не знаю других путей, если исключить применение грубой силы.

Мне возражали, что Версальский договор уже создал подобный трибунал в лице Репарационной комиссии, имеющей целью установить размеры германской ответственности и платежеспособности, и что создавать новый орган для той же самой цели—это значит отступать от договора. Существуют два ответа на это возражение. Первый из них гласит, что Репарационная комиссия в своем нынешнем составе не является органом, рассмотрению которого Германия обязалась повергать вопросы, имеющие для нее столь жизненное значение. Это не тот орган, который имели в виду Великобритания и другие союзники. Удаление Америки из комиссии после того, как Германия уже подписала договор, совершенно изменило равновесие сил и следовательно весь характер этого трибунала. Ни один человек в здравом уме не может утверждать, что этот орган в его нынешнем урезанном виде является беспартийным по своему составу и правосудным по методу своих действий. Г-н Пуанкарэ не будет отрицать того факта, что Французское правительство посылает приказы своим представителям, заседающим в этом „юридическом" органе. Председателем там является видный французский депутат, игравший и продолжающий играть заметную и влиятельную роль во французской политике и намеревающийся продолжать свою политическую карьеру, куда бы она ни привела. Даже став председателем комиссии, он продолжает произносить публичные речи, обличающие его в качестве стороны в том самом деле, по которому он должен выступать, как верховный судья. Все его коллеги представляют державы, материальные интересы которых связаны с результатом их решений. Единственная незаинтересованная держава удалилась из комиссии. Американское предложение весьма скромно.

Практически оно сводится к восстановлению договора путем введения Америки в орган, ведающий репарациями. Если Франция возражает против учреждения особой комиссии, почему бы союзникам не договориться между собою, чтобы их представителями в комитете экспертов были те самые люди, которые ныне составляют Репарационную комиссию? К числу их прибавится только делегат, назначенный Американским правительством. Германия имеет право, согласно договору, представлять объяснения. Весь вопрос о платежеспособности мог бы быть рассмотрен в свете опыта, приобретенного в течение последних четырех лет, и соглашение было бы заключено на солидном базисе. Подобное соглашение имело бы гораздо больше шансов быть осуществимым, и следовательно, более прочным, нежели условия, продиктованные силой народу, который принимает их лишь поневоле. Но какова бы ни была французская точка зрения на ежегодные платежи и гарантии или на беспартийную комиссию, совершенно непонятно, почему это Французское правительство должно отказываться от конференции. Это наиболее надежный путь для получения репараций. В Спа метод штурма запуганной Германии путем ультимативных нот был на время оставлен и сменился заседаниями за общим столом. Результаты получились великолепные. Процесс разрушения сделал немедленно решительный шаг в сторону удовлетворительного исхода, и поставки угля стали полнее и аккуратнее. В прошлом году в Канне союзники вновь согласились совещаться с германскими министрами. Все, кто присутствовал при этих совещаниях, признают, что был достигнут отрадный прогресс на пути к широкому соглашению, когда конференция была словно разнесена на части взрывом бомбы. Еще рано определить с точностью те потери, которые понесла Европа, благодаря этому взрыву. Но всякая мысль о дискуссии между сторонами была с тех пор резко и надменно отброшена, как проявление гибельной слабости. Что было поставлено на ее место? В течение двенадцати месяцев мы были свидетелями смешных попыток запугивания. Угрожающие речи, полные зловещих намеков на скорое наступление, произносились то и дело в различных городах Франции. Они привели лишь к увеличению смуты и неспособности платить. Каждая речь обходится Франции в миллиарды. Французское общественное мнение довольно естественно требует принятия каких-нибудь мер. Тогда происходит это грубое нашествие. В Канне предлагали

установить двухлетний мораторий на основе соглашения. С тех пор прошло уже полтора года. За это время германские финансы, под строгим контролем союзников, могли бы восстановиться, марка была бы стабилизована, и можно было бы заключить заем, который дал бы союзникам солидные суммы для облегчения того бремени, которое они все вынуждены нести. Взаимное доверие восстановилось бы в Европе, и впервые наступил бы настоящий мир.

Теперь можно видеть, к чему привел противоположный образ действий. Каковы бы ни были условия окончательного соглашения, Германия не может заплатить теперь того, что она была способна предложить тогда. Истекшие восемнадцать месяцев были потрачены, чтобы понизить способность Германии платить свои долги союзникам и уронить значение германского поручительства за эти платежи. Во время конференции в Канне фунт стерлингов стоил 770 марок, ныне он стоит 500.000. Германии понадобится длительный мораторий, дабы оправиться от последствий неуклюжих ошибок, совершенных за последние полтора года. Марку нужно вытащить из той бездны, куда она была сброшена теми самыми людьми, в чьих интересах было бы предохранить ее от падения. Должник, чье здоровье и крепкие нервы являются непременным условием уплаты, был грубо столкнут с высоты нескольких этажей. Ему понадобится много времени, чтобы притти в себя после ушибов, сотрясения и потери крови. Какой хороший способ разумного собирания долгов! Если репарациям когда-нибудь суждено быть уплаченными, союзникам надлежит сделать крутой поворот и вернуться обратно на конференцию. Когда все заинтересованные стороны без исключения сидят вокруг стола, то я убежден, что здравый смысл большинства в конце концов восторжествует. Мы никогда не вернем того, что было потеряно в продолжении 1922—1923 годов, но все-таки добьемся чего-либо, что нам поможет. Потребуется некоторое время, прежде чем будет создан подъемный кран, могущий вытащить марку из пропасти, куда она свалилась, и время, чтобы этот кран мог поработать. Но чем раньше начнем мы строить кран, тем меньше придется ему работать. Таким образом, для блага всех и каждого пора бросить чванство и вернуться к делу.

Лондон.
11/VI 23.

Мечта Наполеона.

Что за путаница! Франция и Германия равно стремятся договориться по Рурскому вопросу, но они слишком горды, чтобы признаться в этом. Итак, борьба будет продолжаться на горе для обеих сторон. Бельгия скорбит о том, что вошла в Рур, но не может удалиться оттуда. Каждый раз, когда она делает попытку уйти, Франция грубо дергает ее за полу, и поэтому она вынуждена стоять на часах в Эссене, между тем как дома ее собственный франк пустился в бега. Италия забыла, что она санкционировала оккупацию, и ее негодование быстро возрастает, хотя еще не достигло такой высоты, чтобы его можно было увидеть из-за Альп. Великобритания тщетно выражает свое неудовольствие всем и каждому — Франции, так же, как и Германии. Смешение языков оглушительное, и никто не чувствует себя довольным, если не считать духа зла, который хохочет, держась за бока. Со времен Вавилонской башни у него не было подобного праздника. И этот праздник может кончиться вторым потопом. Ужасы Великой войны повидимому довели Европу до умственного расстройства. Народы не в силах мыслить нормально. Кровь давит. Волнение, вызванное Рурским вопросом, не может способствовать улучшению. Когда некоторые статьи и речи, написанные и произнесенные в эти дни, будут прочитаны трудолюбивым историком, принадлежащим к позднейшему поколению, он увидит в них признаки бешенства, овладевшего Континентом, умственное равновесие которого было ниспровергнуто великим ударом. Практический исход из этой борьбы, сравнительно говоря, прост. Как много в силах заплатить Германия и каким образом может она платить? Америка, Великобритания, Италия и Германия согласны, что единственным способом разрешить этот вопрос является обращение

с компетентным экспертам, дабы они произвели нужное раскледование и вынесли соответствующий приговор. Римский папа также благословил это разумное предложение. Франция, напротив, утверждает, что этот вопрос надо решить при помощи пушек и генералов, ибо как те, так и другие наиболее пригодны для данной задачи. Германия должна предъявить свои счета пулеметам и защищать свое дело перед лицом семидесятипятимиллиметровых орудий. Это сумасшедший мир! Каждый интересуется одним вопросом или, быть может, двумя. Каким образом все это кончится и как скоро наступит конец? Хотя мне нечего бояться, что мне напомнят предсказания, содержащиеся в моих предыдущих статьях по этому предмету, я не решаюсь выступить с новыми предсказаниями. Но можно обозреть различные возможности и указать направление бушующего потока. Взвешивая различные шансы, вы должны начать с некоторого ознакомления с человеком, от которого зависит окончательное решение. Г-н Пуанкаре обладает, несомненно, ловкостью и патриотизмом, но вместе с тем это человек, живущий в мире предрассудков, столь беспросветных, что они заслоняют перед ним факты. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в его последнюю ноту, где он говорит, что конференциями и ультиматумами истекших четырех лет ничего не удалось добиться от Германии. Что говорят факты? В продолжении трех с половиною лет, предшествовавших оккупации Рура, Германия уплатила союзникам наличными деньгами и товарами свыше десяти миллиардов золотых марок, т.-е. 500.000.000 ф. ст. или два миллиарда долларов, что, конечно, потребовало значительного усилия от страны, которая только что кончила изнурительнейшую войну, и заграничная торговля которой уменьшилась на 60 или на 70%. Вы, быть может, воображаете, что человек, который совершил такой важный шаг, отдав приказ войскам вступить на территорию соседа,—потрудился предварительно установить элементарные факты, относящиеся к данному делу. Часть этой гигантской суммы пошла на содержание оккупационной армии, часть была уплачена в счет репараций. Принесут ли в казну союзников предстоящие три с половиной года что-нибудь, хоть отдаленно приближающееся к этой сумме?

Можно считать несомненным, что никто из лиц, ответственных за французское выступление, не предвидел того упорного сопротивления, с которым им суждено было встретиться.

Дружеская печать, как во Франции, так и в Англии, предсказывала быстрый крах германского отпора, и на этом предположении строились все практические планы. Во время первых дней оккупации один англичанин спросил у французского офицера, как он думает,—сколько времени это может продлиться. Ответ характерен для тех настроений, с которыми начато было все предприятие: „Оптимисты полагают",—сказал офицер,—„что на это понадобится две недели, а пессимисты утверждают, что три". Достаточно заглянуть в январьские телеграммы из Парижа и Дюссельдорфа, чтобы увидеть, до какой степени этот офицер точно выразил мнение тех, кто является ответственным за нашествие в Рур. Солдаты всегда оценивают шансы сопротивления, исходя из наличия боевых запасов и численности обученных людей, и государственные люди слишком часто строят свои надежды на этом хрупком основании. Они никогда не принимают в расчет непобедимых резервов человеческого сердца, не показанных в армейских списках и в казенных справочниках. Сопротивление Парижа в 1870 году было столь же неожиданно для Бисмарка, как упорство рурских углекопов является ныне для Пуанкарэ. Последняя регулярная армия была разбита, все склады съестных припасов опустошены и все же борьба со стороны самоотверженных граждан продолжалась еще в течение месяцев. Немного было людей в Англии, которые думали, что бурам удастся продолжать сопротивление более, чем три месяца спустя после прибытия нашей армии в Южную Африку. Три месяца превратились в три года и только после этого состоялась капитуляция на почетных условиях. Северные Штаты Америки никогда не предвидели возможности пятилетней борьбы со стороны блокированной, голодающей и численно слабой Конфедерации[1]). Война 1914—18 годов возникла вследствие слепого нежелания правителей и их советников рассматривать моральный фактор в качестве величины, которую надо принимать в расчет. Рурская трагедия не первая и, быть может, не последняя в числе тех, которые начались вследствие легкомысленных рапортов, составленных генеральными штабами и гражданскими чиновниками, черпающими свое вдохновение в ящиках письменного стола.

---

[1]) Подразумевается Конфедерация Южных Штатов во время войны за освобождение негров. *Прим. перев.*

Многое еще может случиться в Руре, но уже совершенно очевидно, что расчеты военных специалистов, железнодорожных чиновников, осведомительных департаментов и первых министров оказались совершенно ложными. Потребовалось послать гораздо больше солдат в Рур, нежели это прежде считалось необходимым, и удалось получить гораздо меньше угля из Рура, нежели с полной уверенностью ожидали. Уже теперь в Руре столько французов, сколько их было в армии Наполеона при Ватерлоо; и им удалось переправить за-границу в течение шести месяцев лишь такое количество угля, какое немцы поставляли за один месяц в течение периода „недоимок", вызвавших нашествие. Были сделаны отчаянные усилия увеличить какой угодно ценной продуктивность, дабы убедить французское и иностранное общественное мнение, будто сопротивление постепенно слабеет. Угольный мусор сваливается в вагоны, лишь бы повысить общее количество. Уголь захватывают повсюду, даже на улицах. И г-н Троке, грубый и изобретательный бретонец, ведающий транспортной службой, приглашает всех критиков полюбоваться на все увеличивающуюся коллекцию его мусорных телег и порадоваться вместе с ним триумфу французской организации, действующей под его контролем. Увы, кельтический пыл г-на Троке, даже подогреваемый всей угольной пылью Рура, не может пустить в ход доменные печи Лотарингии! Поэтому разочарование и недовольство начинаются среди горнозаводчиков Франции.

Но есть предел человеческой выносливости. Либо Франция, либо Германия должны уступить, и тогда это будет означать конец. Каков он будет? Когда он наступит? Каким образом? Отвечая на эти вопросы, необходимо припомнить, что для Франции честь ее флага зависит от успеха. Неудача причинит непоправимый ущерб ее престижу. Вот почему французские государственные люди, не одобряющие вторжения, поддерживают правительство во всех мероприятиях, клонящихся к достижению успешного конца. И нужно признаться, что Франция имеет законное право жаловаться на своих союзников. Совершенно напрасно Италия ныне дает мудрые советы. Синьор Муссолини присутствовал на молчаливой конференции, которая санкционировала нашествие. Он оценил свое согласие в тоннах угля. Эта цена регулярно выплачивается. Бельгия ныне трепещет от страха, видя, как разростается вся эта авантюра. Но ее честь, точно так же, как честь Франции, замешана в этом деле. Я с огорче-

нием думаю, что и Великобритания не свободна от ответственности. Правда, ее представители не одобряли этого предприятия, но отнюдь не на основании принципов права и справедливости. Напротив, выражая серьезные сомнения в конечном успехе нашествия, они желали французскому правительству благополучно добраться до конца намеченного пути. Ни один из союзников не имеет права с чистой совестью посоветовать Франции спустить свой флаг. Есть лишь один выход, который можно посоветовать Французскому правительству, ибо он совместим с честью Франции, и этот выход есть передача спора на рассмотрение Лиги Наций. Подобная передача явилась бы укреплением Версальского договора. Но Британское правительство отказалось преподать Франции этот совет. Итак, борьба должна продолжаться до своего неизбежного конца.

Мне, может быть, заметят, что Британское правительство не в силах вмешаться действенным образом. Чего стоят министерские декларации? За сильными словами должны последовать сильные дела! Те, кто приходят к подобному выводу, ничего не знают о людях, пускающих в ход слова, или о силах, от которых зависит карьера министров. Правда, несколько недель тому назад м-р Снодграсс [1]) снял свой пиджак и объявил загадочно, но неустрашимо, что если мир не будет восстановлен на предложенных им условиях, то кое-что последует. Французское правительство невозмутимо ответило, что оно намерено продолжать свою линию. Поэтому на прошлой неделе м-р Снодграсс снял жилет. Но не пугайтесь: до тумаков не дойдет: друзья удержат его. Тем временем м-р Уинкль уехал в Париж с целью позавтракать с одним из комбаттантов. На будущей неделе за ним последует м-р Пикквик и еще неделю спустя м-р Тэпман предполагает нанести еще один визит для принесения извинений. К чрезвычайной выгоде для г-на Пуанкарэ каждый из них представляет особую точку зрения, исключающую все другие. Французы прекрасно отдают себе отчет в настроении и силе тех, кто размахивает для виду кулаками в Вестминстере, кушая вместе с тем кексы в Рамбулье. Следовательно, мы можем отсюда заключить, что какие бы беседы ни происходили во время этих сборищ, французы не будут говорить о Руре.

[1]) Герой Диккенсовского романа „Записки Пикквикского Клуба".

Из красноречивой декларации, прочитанной главою французского правительства явствует, что Франция будет во что бы то ни стало настаивать на своем. Она выдвигает два требования. Во-первых, Германия должна прекратить пассивное сопротивление. Таково существенное предварительное условие для начала переговоров. Во-вторых, французские войска должны остаться в Руре, доколе не совершится последний платеж. Согласится ли Германское правительство на эти два условия? Подобное согласие является возможным лишь при наличии двух обстоятельств. Во-первых, Германское правительство должно быть достаточно сильным, чтобы принять его и пережить таковое принятие; во-вторых, Французское правительство должно быть достаточно мудрым и придать обоим своим требованиям либеральное истолкование. Первое в значительной мере зависит от второго.

События последних нескольких месяцев непомерно увеличили трудность переговоров. Инциденты, неразлучные с иностранной оккупацией страны, раздразнили немецкое общественное мнение и открыли такие бездны ненависти, каких не видано было даже во время Великой войны. Таково выселение 75.000 немцев из их домов в Рурской области, репрессии, расстрелы, голод, задержка поездов с продовольствием. Бесчисленные проявления наглости со стороны грубой силы и страстность, делающая французскую политику такой неподатливой, обычно связываются с поведением немцев в то время, когда они занимали Францию. Французы ныне сеют те же самые семена гнева в немецкой груди. Ненависть является дурным советником в деле переговоров. Вот почему я не надеюсь на действительное соглашение.

Но Германия может потерпеть крах. Она может даже временно развалиться. Авторитет центрального правительства в значительной мере исчез. Сбор налогов практически уже отсутствует. Марка в течение недели упала с 1.000.000 за ф. ст. до 27.000.000. Как может любое правительство собирать налоги при такой бегущей и падающей валюте? С таким же успехом вы можете попытаться взимать земельный налог на хвосте кометы. Состояние денежного обращения является лишь симптомом общего распада. Берлин перестал пользоваться каким-либо влиянием в Баварии, и монархия может быть восстановлена в этой провинции в самом непродолжительном будущем. В Рейнской области совершается движение, имеющее

целью создать республику, свободную от прусского господства. Это движение вызвано французскими агентами и финансируется французскими субсидиями. Если такая республика будет провозглашена, Пруссии не позволят уничтожить ее. Следовательно, мы скоро сможем увидеть Рейнскую республику, свобода и независимость которой будет ревниво охраняться против внешних и внутренних врагов цветнокожими воинами Сенегала и Кохинхины. Саксония будет захвачена коммунистами, а Пруссия разделится между монархистами и коммунистами. Все это очень легко может случиться. Вправе ли мы сказать, что подобная возможность отчасти входит в расчеты французской политики? Если Германия распадется, Рейнская и Рурская области останутся под владычеством Франции. Франция не получит репараций, но зато будет пользоваться безопасностью, и—так, по крайней мере, предполагают—мировое могущество ее чудовищным образом увеличится. Старая французская мечта осуществится. Дело Бисмарка рухнет, а создание Наполеона будет восстановлено и увековечено. Существует старая валлийская пословица, гласящая, что „легко развести огонь в старом очаге". Идея подчинить Рурскую область французскому владычеству—это старый очаг Карла Великого. Мазарини старался раздуть в нем пламя. Наполеон I развел там огонь, опаливший Европу. Наполеон III надеялся подогреть свое холодеющее счастье в этой золе, и ныне великая победа 1918 года опять ставит французскому честолюбию гордую цель: вновь зажечь огонь в древнем очаге Рейнланда, управляемого франками.

Во всяком случае, это плохая перспектива для Европы.

Лондон.
6/xii 1923 г.

Разве это мир?

Шарлевилльская речь г-на Пуанкарэ и его ответ на депешу лорда Керзона нисколько не изменили положения вещей. Молва утверждала, что ответ будет длинный и последовательный. На сей раз молва сказала правду. Г-н Пуанкарэ смотрит на этот обмен напыщенными нотами, как на драку подушками, которую он готов продолжать сколько угодно с целью выиграть время, пока действительная борьба придет к своему предопределенному концу. Важность, которую печать придает тому обстоятельству, что этот резкий ответ все же является „вежливым", показывает, в какое плачевное положение попала Антанта благодаря неискусным переговорам.

Что сделают теперь м-р Стэнли Болдуин и лорд Керзон? Многое в судьбах Европы зависит от этого ближайшего шага, да и для них самих кое-что связано с их предстоящими действиями или бездействием.

Здесь можно припомнить ответ, данный Эмилем Оливье, когда его спросили, что он думает о предпринятых Наполеоном III опытах конституционного управления:

— „Si c'est une fin, vous êtes perdu; si c'est un commencement, vous êtes fondés".

Это мудрое изречение равным образом можно применить к ноте Керзона.

Мы можем лишь „ждать и глядеть". Первое относится к французскому официальному ответу и второе к решению Британского правительства. Единственным новым фактором, могущим иметь решающее влияние на события, является назначение г-на Штреземана канцлером Германии. Я ничего не знаю о нем, если не считать газетных сообщений, но его единодушно считают человеком энергичным, мужественным и находчивым. Если это верно, то его назначение для официального

руководства всем немецким народом может оказаться событием первостепенной важности. Германия пострадала от слабости и неумения своих правителей за последние годы больше, чем любая другая великая страна. Эти вожди ошибались, начиная войну, ошибались во время войны, ошибались, заключая перемирие, ошибались во время мирных переговоров и жестоко запутали дела после заключения мира. Но ни кто не может предсказать, что окажется способной сделать Германия при наличии мудрого и сильного руководства. На г-не Штреземане лежит такая ответственность и, вместе с тем, перед ним открываются такие возможности, каких не было дано ни одному государственному человеку со времен Штейна и его сотрудников; он должен возродить свою страну и спасти ее из бездны отчаяния, в которую она погружается все глубже и глубже. Те, кто упускают из виду действие, производимое могущественными личностями на судьбы отчаявшихся народов, очевидно, позабыли историю. Падение д-ра Куно и возвышение Штреземана легко могут явиться более важным событием, нежели отправка или обнародование ноты Керзона. Но если новый канцлер не обладает теми редкими достоинствами, которые одни могут побудить доведенный до крайности народ к героическому действию и выносливости, то Германию ожидает хаос. В настоящую минуту гораздо интереснее не отводить внимательного взора от г-на Штреземана, нежели следить за бесконечным фехтованием Даунинг-Стрита и Орсейской набережной.

Мне не слишком часто приходится соглашаться с г-ном Пуанкарэ, но когда он заявляет, что английскую безработицу нельзя объяснять оккупацией Рура, я, в общем, согласен с ним. В июле прошлого года я обращал внимание Палаты Общин на мировые явления, вредно влияющие на нашу вывозную торговлю и делающие безработицу в значительной мере неизбежной на английском рабочем рынке в течение ближайшего будущего. Мы больше зависим от нашей заморской торговли, экспорта, мореплавания и коммерческого посредничества, нежели любая другая страна в свете. Почти половина нашей промышленной и коммерческой деятельности связана с заграничной торговлей во всех ее формах. Но это еще не все, ибо если эта важная часть наших дел начнет приходить в упадок, то и внутренняя торговля неизбежно пострадает вследствие уменьшения покупательной способности нашего народа. Нака-

нуне вступления французов в Рур наша заморская торговля не достигала и 75% своего довоенного уровня. Наше население увеличилось на два миллиона, считая с 1913 года; наши налоги возросли в четыре раза; наш национальный долг — в десять раз; но наша торговля упала на 25%. Чему приписать это падение? Это есть прямое последствие войны. Наши покупатели во всей Европе обеднели. Или, — что так же плохо, — обеднели покупатели наших покупателей. Поэтому, никто не может забирать у нас товары в тех количествах и того качества, какие требовались до войны. Доколе Европа не может покупать, Австралия, Канада, Индия и Китай тоже не могут покупать, — как это правильно указал премьер-министр в своей последней речи, произнесенной в Палате Общин. Германия перед войной покупала австралийскую шерсть, канадское зерно, индийский джут и чай, и вырученные суммы шли для оплаты товаров, которые названные страны приобретали на нашем рынке. То же самое можно сказать относительно России, Австрии и Леванта. Следовательно, покупательная способность Европы должна восстановиться, а это процесс, который, в лучшем случае, потребует нескольких лет терпеливого труда. Зло, причиняемое вторжением в Рур, заключается не в ухудшении торговли, но в задержке самого процесса выздоровления. И оно, несомненно, имело такие последствия.

Прежде чем французы вступили в Рур, торговля постепенно улучшалась повсюду. Цены 1922 года были ниже цен 1921 г.; следовательно разница в фунтах стерлингов была не так заметна, как при исчислении товаров мерою и весом. Величина экспорта, особенно мануфактурных товаров, решительно повышалась сравнительно с предшествующим годом. Это повышение сказалось в статистике безработных. В течение первых десяти месяцев 1922 года последовало уменьшение на 500.000 числа зарегистрированных безработных. Следующие десять месяцев дали лишь небольшое улучшение. Случилось нечто, приостановившее движение навстречу лучшим временам. Именно в этот момент началась рурская история. Премьер-министр сравнил рурские события с перочинным ножем, который воткнули в карманные часы, остановив тем работу механизма. Если это даже не совсем так, то все-таки мы не можем сказать, что это просто маленькая пылинка столь чувствительным образом замедлила ход деликатного механизма торговли.

Последствия рурской смуты будут сказываться в течение некоторого времени, если даже мы устраним перочинный ножик. В настоящую минуту г-н Пуанкарэ погружает его все глубже и нажимает все крепче. Если он даже вытащит его теперь, работа механизма еще долго не приобретет своей нормальной правильности. В течение последних тревожных месяцев Германия заметно обеднела. Ее производительность пострадала на протяжении бо́льшей части ее промышленной области. В известной мере Лотарингия и Бельгия также испытали неблагоприятное влияние. Резервуар богатства не наполнился в той мере, в какой это необходимо, чтобы мир мог оправиться.

Все это остается неизвестным во Франции. Она более самодовлеющая страна, нежели Великобритания. Даже после Наполеоновских войн, которые истребили цвет ее мужского населения и истощили ее нервные силы, Франция не страдала от экономической депрессии. Ее победоносный соперник, по ту сторону канала, в течение пятнадцати лет мучительно боролся с нуждой, бедностью и нищетою. Население Франции, греясь на солнце материального довольства, глядело через узкие воды с вполне естественным чувством удовлетворения на темные туманы, которые окутывали и смачивали до костей ее старого врага. От французов нельзя было ожидать в то время сострадания или симпатии. Мы сражались против них в продолжении двадцати лет с непреклонным упорством и, наконец, одолели их и заняли их столицу. Ныне мы страдаем потому, что помогли спасти эту столицу от иностранной оккупации, а их страну от унижения со стороны иноземного врага. Но во французских речах, дипломатических нотах и газетных статьях нет никаких указаний на подобающую оценку этого кардинального факта.

В настоящее время мы ясно видим лишь упорство, с которым французы ведут свою линию. Г-н Пуанкарэ поныне не отступил ни на один миллиметр от своей первоначальной позиции. Угрозы и ласковые слова одинаково встречаются повторением тех же самых формул, с легкими вариациями в словах или фразах, какие легко ожидать от такого опытного писателя. Но тема постоянно одна и та же, и разработка ее кажется неизменной до монотонности. Г-н Пуанкарэ немного получил угля при помощи своих речей и литературных упражнений, но, надо отдать ему справедливость, он все же добился кое-

чего для своей страны. В прошлом году лорд Бальфур в ноте, посланной союзникам от имени Британского правительства, предлагал отказаться от всяких претензий на репарации, если Великобритании будет гарантирована уплата ее долгов Америке. Это означало отказ от требований, превышающих в общем 3.000.000.000 ф. ст., в обмен на один обеспеченный миллиард. Чрезвычайно выгодное и великодушное предложение! И вот нота Керзона предлагает ограничить все наши требования уплатой 710.000.000 ф. ст. Оккупация Рура уже понизила британские претензии к союзникам на 290.000.000 ф. ст. Г-н Пуанкарэ, быть может, не сумеет выжать репарации у Германии, но зато ему удалось за семь месяцев выторговать 290 миллионов фунтов у Великобритании. Он, конечно, будет требовать большего и, быть может, получит.

М-р Бонар-Ллоу был прав, когда говорил, что, при известных обстоятельствах, Великобритания будет единственной страной, вынужденной платить военную контрибуцию. Эти условия наступили при его преемниках.

20/VII 23 г.

Что же дальше?

Чернильный турнир прерван на две недели, а тем временем число английских безработных сделало новый скачек вверх. Когда утомленные британские рыцари подкрепят свои силы на французских водах, они возобновят бой с чэмпионом Франции и, быть может сломают новое вечное перо об его панцырь из пропускной бумаги.

Таково, по крайней мере, мнение, торжественно и веско излагаемое в инспирированных статьях. Французский народ ликует, видя, как искусно г-н Пуанкарэ отвечает ударом на удар. Он ловкий каллиграф и сверх того не поручает сочинения ответов комитету министров, из коих каждый придерживается особого мнения о том, как надо действовать, когда надо действовать и во имя чего надо действовать, и среди которых, вообще нет никакого согласия, если исключить, что ни один не знает, каким путем следует итти.

До получения последнего французского ответа наши правители лелеяли тщетную надежду, что французов можно выжить из Рура при помощи плаксивых, и вместе с тем, извиняющихся упреков. Но этим способом нельзя отклонить континентальную политику от ее целей. Французское министерство иностранных дел лучше осведомлено о разногласиях, царствующих в нашем кабинете, нежели английская публика. Французское министерство знает, что премьер-министр и статс-секретарь по иностранным делам не посмеют принять меры, могущие помешать французским действиям в Руре.

Когда крайние консерваторы поставили сотрудничество с Францией во главу своей программы, они совершенно честно намеревались осуществить это. Для них это был не простой маневр с целью разбить существовавшую тогда парламентскую коалицию. Следовательно, они не могут примириться с поли-

тикой, препятствующей Франции давить на Германию. Отказ присоединиться к Франции в ее нажиме на Германию кажется им продолжением грехов коалиции, которую они низвергли с помощью м-ра Стэнли Болдуина и лорда Керзона. Они не потерпят этого.

Так объясняется бессилие британской дипломатии и прочие обстоятельства, которые являются критическими для самого существования нашего в качестве великой торговой нации. Кабинет может договориться относительно словесных нот, но безнадежный разлад наступает лишь только речь зайдет о действиях. Поэтому министры рассеялись во все стороны в поисках вдохновения -- одни направились в свои уютные сельские усадьбы, другие к целебным источникам Франции, третьи исчезли в туманах шотландских болот. Может быть, один из них приведет домой политику, приемлемую для его коллег. Все это весьма унизительно для империи, которая выставила в поле десять миллионов человек и истратила десять миллиардов фунтов стерлингов с целью выиграть войну. Конечным результатом объемистой переписки, на которую наши правители потратили целый месяц тревожных размышлений и непрестанных колебаний, явилось то, что союзник, которого мы спасли от гибели, отказывается свернуть на один вершок со своей дороги, дабы сохранить нашу дружбу. Он решительно идет в одном направлении, в то время как мы тащимся в другом.

Мы отошли таким образом на далекое расстояние один от другого, начиная с января прошлого года, и ныне совершенно потеряли из виду позицию, которую занимали сообща, когда встретились в Канне. Антанта никогда не была более проникнута сердечными чувствами, нежели в то время, и никогда не подавала больших надежд на сотрудничество в целях всеобщего мира. Мы готовились заключить дружественное и деловое соглашение с Германией по вопросу об уплате репараций и об обеспечении французской и бельгийской границ против всякой возможности будущего нашествия.

Тогда предполагалось, что Великобритания, Франция, Италия, Бельгия пойдут навстречу друг другу ради общего устройства европейских дел на Востоке и на Западе,— в области политики, финансов, экономики и транспорта. Мы согласились действовать для указанной цели и, при едино-

душии и добром желании, которые тогда господствовали, могли успешно достигнуть этого.

Но голубь мира не был нужен г-ну Пуанкаре. Ему хотелось выпустить своего сокола. Он вскормил и выдресировал его на французском птичьем дворе, и хищник уже заклевал там нескольких домашних птиц.

Когда представился благоприятный случай, сокол налетел на раненого германского орла. Это жалкий спорт и довольно жестокий к тому же, но, очевидно он доставляет чрезвычайное удовольствие французам известного сорта. Лучшие из них стыдятся этого, но их голос тонет в гаме неразумной толпы. Если беспомощная птица будет разорвана на куски, то это ничего не даст французским и бельгийским кладовым.

Почти ненамеренно сокол заодно сбил на-земь и Антанту. Она, быть может, еще не умерла, но уже окончила свой последний полет. Отныне международные соглашения будут заключаться на иной основе. Франция безвозвратно вступила на дорогу насильственной эксплоатации Рура. Именно, это и означают слова: „Платите или мы остаемся". Большинство в нашей стране решительно противится подобной политике.

Если крайним тори, заседающим в кабинете, удастся каким-нибудь образом выиграть дело, — если м-р Болдуин сдастся или сложит свои полномочия по требованию наших пуанкаристов, то все же ни ему и ни кому из его возможных преемников не удастся вовлечь нашу страну в Рурскую авантюру.

Многие из окружающих премьер-министра людей, которые внезапно усвоили франкофильские чувства, видя в этом простейший способ подняться до таких высот, до каких им прежде не удовалось добраться, отлично знают, что хотя они пользовались крайними для своих собственных целей, они не смогут проводить политику крайних. Поэтому, они стараются, на всякий случай, от собственного имени завязать переговоры о новом соглашении с Францией.

Но британские премьеры не назначаются в Рамбулье, и не получают власти на Орсейской Набережной. Что бы не думали о м-ре Бонаре Лоу или м-ре Стенли Болдуине их политические приверженцы, никто еще не предполагал, что они обязаны своим назначением чему-либо, кроме чисто британских источников.

Итак, в течение двух недель ничего не может случиться, если не считать увеличения британской безработицы и германского отчаяния. По истечении этих двух недель последует возражение на ответ Пуанкаре. Или, быть может, будет созвана новая конференция.

Как г-н Пуанкарэ, так и нынешний Великобританский кабинет пришли к власти при единодушных криках: „Довольно этих вечных конференций; вернемся к старым, хорошим дипломатическим методам, которые господствовали перед войной". Они могли бы прибавить: „и которые сделали войну возможной". Тем не менее министерство Бонара Лоу за короткий промежуток в шесть месяцев участвовало в четырех европейских конференциях, и г-н Пуанкарэ за восемнадцать месяцев, в продолжении которых он занимает свой нынешний пост, счел необходимым принять прямое участие в пяти конференциях и одновременно прямое и косвенное—в восьми. Французская печать советует ему прибавить еще одну конференцию к списку, который уже превышает соответствующий список г-на Бриана и совершить еще одну „увеселительную поездку"—как презрительно называли крайние консерваторы международные конференции в эпоху существования у нас парламентской коалиции.

Весьма замечательно, что те, кто некогда были так недовольны конференциями, должны ныне требовать новой конференции, и это одновременно у нас и во Франции. Истинная причина этого едва ли остается неведомой для пылких адвокатов нового „дипломатического пикника". На старых конференциях Франция неизменно бывала вынуждена итти на уступки. Ныне она может и хочет занимать руководящее положение. Новая нота уверенности проскальзывает во французских дипломатических депешах и отдается эхом во французской печати. Франция может получить то, что ей нужно: Великобритания должна будет примириться с тем, что ей дадут. Французская доля в репарациях прежде всего должна быть обеспечена; — долги, причитающиеся Великобритании, могут быть уплачены из того, что останется. Очень характерно для жадности англичан, что они будут настаивать на получении всего им причитающегося. В своем лицемерном пуританстве, они твердят, что договоры должны соблюдаться. Франция для спасения Антанты сделает уступки даже британской жадности и фарисейству. Она позволит Британской Империи получить,

правда, не все, что следует ей, но некую значительно уменьшенную сумму, с Германии, после того как французские требования будут полностью удовлетворены.

Это совсем новая для меня Франция. Ведя в течение долгих лет переговоры с французскими государственными людьми, я ни разу не замечал такого тона. Раза два или три, я беседовал с г-ном Пуанкарэ, но никогда не слышал, чтобы он говорил столь надменным образом. Это сознание безнаказанности сделало их голоса столь крикливыми.

Бельгия выражает пожелание о том, чтобы произошла встреча премьеров. Когда эта последняя состоится, французские условия будут совершенно определенны и недвусмысленны. Вот они:

1) Франция должна получить в качестве не подлежащего дальнейшему уменьшению минимума 1.300.000.000 ф. ст. в счет репараций.

2) Бельгия также имеет преимущественное право на получение 100.000.000 ф. ст.

3) Так как Германия не может немедленно уплатить столь огромные суммы, Франции и Бельгии предоставляется удержать Рур, доколе не последует уплата. Некоторые, более примирительно настроенные, французские газеты намекали, что Французское правительство, быть может, согласится уйти из Рура раньше этого срока, если для уплаты репараций будет создана международная гарантия. Это значит, что Великобритания и Америка поручатся за уплату германской контрибуции.

4) Что касается остального, то Франция и Бельгия не возражают, при соблюдении вышеизложенных условий, чтобы Великобритания получила 700.000.000 ф. ст., иначе говоря— около 23% того, что ей причитается с Германии. Но это великодушное согласие последует лишь в том случае, если она начисто откажется от остальных 77%.

Союзники и Германия, вместе взятые, должны Великобритании 3.000.000.000 фунтов ст. Французское и Бельгийское правительства готовы позволить Великобритании получить в счет этой суммы 700.000.000 фунтов ст. с Германии, но при условии, что остальные 2.300.000.000 будут считаться навсегда ликвидированными и что на 1.400.000 000, следуемые Франции и Бельгии, будет дана достаточная гарантия.

5) Эти милые условия только в том случае будут предложены, если Германия немедленно прекратит всякое пассивное

сопротивление в Руре. Это существенная и главная предпосылка для переговоров.

Французское правительство выдвинуло эти условия с такой отчетливостью и выразительностью и повторяло их с такой неуклонной настойчивостью, что всякое отступление от них с французской стороны кажется невозможным. Надежда на конференцию всецело покоится на уверенности, что Англия сдастся. Довольно печальная „увеселительная поездка“ предстоит британскому первому министру и его статс-секретарю по иностранным делам. Можно ли себе представить, что они готовы пойти на подобную капитуляцию? Я не вижу, каким образом нынешнее правительство, после всего, что было сказано и написано, может до такой степени подчиниться требованиям Франции или продолжать спор до удовлетворительного соглашения.

Какой же другой выход предоставляется нам? Г-н Штреземан один может ответить на этот вопрос. Еще не совсем ясно, что он намерен делать. Быть может, он только готовится принять решение.

Лондон.
27/VIII 23 г.

Великая опасность и долг христианских церквей [1].

Если бы какой-нибудь человек, отправившийся прекрасным июльским утром 1914 года в морское плавание и имевший несчастье потерпеть кораблекрушение у берегов необитаемого острова, вернулся в цивилизованный мир неделю тому назад, перемены, найденные им в Европе, могли бы внушить ему мысль, будто долгое одиночество довело его до умственного расстройства. Все окружающее показалось бы ему сном. Он помнил бы Германскую империю с ее августейшим главой, облеченным почти самодержавной властью, и с населением, стремящимся гигантскими шагами к процветанию и богатству, империю, обладавшую несравненной армией, чья поступь ужасала Европу; флотом, заставлявшим опасаться вторжения в Англию, и обширными владениями за морем. Теперь, вместо самоуверенной, могущественной и дерзкой империи, он увидел бы робкую, пугливую и вечно извиняющуюся республику, возглавляемую уважаемым, интеллигентным рабочим. Министры этой республики посылают дипломатические ноты с целью умилостивить Бельгию и получают их обратно, словно отсталый школьник, вынужденный переписывать свои жалкие упражнения по указке учителя; великая армия низведена до половинных размеров сербской армии; грозный флот покоится на дне моря; по берегам Рейна стоят на страже французские, британские и бельгийские солдаты. Он увидел бы мастерские Круппа, занятые французами. Германия не сохранила ни одной из своих колоний.

---

[1]) Заметки к речи, произнесенной на Генеральном собрании в Эдинбурге 27 мая 1923 г.

Россию наш путешественник помнил бы, как могущественную автократию, покоющуюся на суеверном убеждении крестьянства в святости царского помазания. Он увидел бы теперь революционную страну, управляемую вчерашними изгнанниками и отверженную всем миром за резкость своих коммунистических учений. Царизм, со своей позолоченной свитой, осужден страшным приговором, и скипетр Петра Великого служит для проведения доктрин Карла Маркса.

На месте Австрийской империи, напоминавшей царство Навуходоносора, он увидел бы бедную провинцию, вынужденную жить подаяниями своих врагов. Новые государства, которые казались мертвыми и погребенными в течение столетий, внезапно воскресли, скинули погребальные одежды и выступают в полном вооружении. Триест стал итальянской гаванью; Далмация итальянским бастионом. Один Турок почти не изменился и, хотя перенес новую ампутацию, но все же сохранил достаточно жизненных сил, чтобы избивать христиан, независимо от их названия и племени, и быть предметом тревоги для всего остального мира.

Если бы наш воротившийся путешественник проехал по всей Европе, он заметил бы еще более существенные перемены в области финансов, промышленности и торговли. Он увидел бы повсюду обеднение и распад; тонкая и добротная ткань торговли разорвалась на части и ее обрывки развеваются по ветру. Имея несколько соверенов в кармане, он рассчитывал получить в обмен на каждый из них 25 франков, 20 марок или около 26 лир. Вместо этого за один бумажный соверен он получит 70 франков, около 100 лир, 250,000 германских марок, 300.000 австрийских крон и миллионы русских рублей. Менялы, которые некогда благоденствовали, пользуясь десятичными дробями, ныне едва могут жить при помощи скачков таблицы умножения. Это, быть может, больше уверит его в реальности перемены, нежели даже падение империй. Во время путешествия ему придется проезжать через цветущие провинции, как бы опустошенные гигантским землятресением; он минует обширные кладбища, на которых десять миллионов молодых людей, павших во время Великой Войны, покоятся последним сном; на всех руках он будет видеть следы увечий, полученных в гигантской борьбе. Налоги повсюду увеличились в пять раз исключительно для покрытия долгов; промышленность изнемогает

под бременем налогового обложения, тогда как, в эпоху его отъезда, она страдала лишь от кошмаров, преследующих богача, больного несварением желудка. Тут он получит возможность представить себе истинные размеры страшной перемены, совершившейся в мире. Но больше всех этих поразительных и ошеломляющих изменений должна изумить его одна вещь, оставшаяся неизменной. Он, естественно, будет ожидать, что после такого ужасного опыта мир получил хороший урок, окончательно отвернулся от войны с ее преступлениями и безумием и решительно обратил свое лицо в сторону мира. Но путешественник скоро заметит, что в этом единственном отношении мир нисколько не переменился — он не заучил ни одной буквы из этого ужасного урока. Взаимная подозрительность среди народов существует ныне, как и прежде, и даже стала еще интенсивнее; взаимная ненависть между расами и народами еще более распалилась; всюду вырабатываются планы на случай войны в ближайшем будущем; обучаются огромные армии, заключаются конвенции и союзы для совместного действия, когда прозвонит набат; генеральные штабы заседают, уговариваясь относительно подробностей похода. Малые нации, только что вылупившиеся из яйца, изнемогают под тяжестью вооружений и маршируют к полям неведомых битв; новые машины для разрушения и убийства изобретаются и фабрикуются с лихорадочной поспешностью; каждый день наука предлагает новые методы для уничтожения человеческой жизни. Таков этот широкий и мощный заговор против цивилизации, открыто устраиваемый при солнечном свете. И все это после опыта, пережитого четыре или пять лет тому назад. Человек созидатель и человек разрушитель работают бок-о-бок в одной и той же мастерской и, повидимому, находятся в наилучших отношениях друг с другом; каждый играет свою роль, с характерной для человека энергией, в вечном круговороте творчества и разрушения. Какое сложное существо человек! Нечего удивляться, что бог несколько раз отчаивался в нем. Он неисправим.

Если война разразится вновь, то бедствие будет во сто раз больше, нежели при нашем недавнем испытании. Весьма возможно и, с прискорбием должно сказать,—вполне вероятно, что враждующие нации схватятся еще крепче и орудия разрушения будут еще более ужасны. Я много раз обращал

внимание на развитие, имевшее место в течение последней войны в смысле разнообразия, величины и силы оружия. Сравните аэроплан начала войны и его маленькие бомбы, которые легко поднять одной рукой, с тою же самой машиной в конце. Но сейчас же по окончании войны были построены такие машины, разрушительная сила которых была ужасна. С тех пор сила машин и мощь взрывчатых веществ возрастала и продолжает возрастать. Наука совершенствует старые методы разрушения и ищет новых методов. В один прекрасный день использование их может ниспровергнуть все здание цивилизации.

Можно ли сделать что-либо с целью предупредить приближающуюся катастрофу? Вот главнейшая проблема для всякого, кто любит своих ближних. Предупреждаю вас: безумно было бы рассчитывать, что человечество, после недавнего опыта, не устремится в скором времени навстречу другому такому же бедствию. Воспоминание об ужасах, потерях, страданиях войны не помешает людям ввергнуть мир в кое-что несравненно худшее, а потому тот, кто питает подобную надежду и следовательно советует не начинать нового крестового похода в пользу мира, очевидно не знает лукавой, упрямой и легкомысленной человеческой природы. Существует даже опасность, что недавняя война заставила некоторые народы вновь поверить в войну.

Я беседовал со многими молодыми солдатами, которые были достаточно счастливы, чтобы миновать невредимо наихудшие испытания войны, а также со многими, которые пострадали и были изувечены; все они единогласно утверждали, что воспоминание о пережитом страхе не прочно, и что они не могут ныне восстановить в памяти ощущение ужаса, перенесенного ими. Если это верно для тех, кто прошел сквозь самое жерло печи, то что сказать о большинстве, которое просто смотрело со стороны? О большинстве тех, которые были слишком молоды, чтобы принять участие в борьбе и могут лишь помнить возбуждение, вызванное конфликтом, и славу победы. Воспоминание о похмелье после оргии никогда не длится так долго, как воспоминание об ее наслаждениях. Бесполезно приводить на память ужасы и мучения войны и требовать от этих воспоминаний крестового похода в пользу мира. Память плохой крестоносец. Она выступает охотно и рьяно в путь, ведущий к пра-

вой цели, но ее рвение становится все слабее по мере того, как бегут дни, и, под конец, она вручает свое знамя врагу.

Вы можете спасти человечество, лишь обращаясь к его наиболее благородным инстинктам. Страх есть низкое чувство, и вы не можете поднять человечество, стоя на этом основании. Одни христианские церкви способны действенным образом пробудить высшие порывы нашей природы. В этом ныне их задача.

Есть другая причина, почему мы не можем считать, что опасность уже миновала. Все элементы, создавшие великую войну 1914 года, более могущественны ныне, чем когда-либо. Атмосфера Европы насыщена ими.

Что создало последнюю войну? Международные несогласия, соперничество и подозрительность. Несогласия основывались на вековой племенной вражде, подбодряемой воспоминаниями о недавних обидах. Кельт и тевтон ненавидели один другого; славянин и тевтон взаимно подозревали друг друга; ненависть славянина к тевтону увеличилась благодаря той наглости, с какой Германия унижала Россию в минуту ее слабости тотчас же после Японской войны, когда Россия была особенно чувствительна к оскорблениям. Вы помните грубость и дерзость ее образа действий в вопросе об анексии Боснии, а дерзость всегда испытывается нами более мучительно, нежели простая несправедливость, и дольше дает себя чувствовать. Дерзость пронзает тело народов и зажигает у них в душе пожар гнева. Мне бы хотелось, чтобы народы всегда помнили это. Ненависть кельта к тевтону усугублялась благодаря анексии Эльзас-Лотарингии и благодаря инцидентам, неразлучным со вторжением в чужую землю. Германия подозревала, что каждая железная дорога, строившаяся в России, направлена ей прямо в сердце. Франция была убеждена, что Германия лишь ждет благоприятного случая, дабы начать ссору, которая поможет ей отнять у Франции ее богатые колонии. Англия бдительно следила с возрастающим гневом за увеличением германского флота, который, как она была уверена, составлял угрозу для ее берегов. В каждой из континентальной стран огромные армии стояли, готовые к походу по первому приказу, хорошо снабженные, с командирами, твердо уверенными в непобедимости своих легионов. Вот условия, которые создали войну. Началась ли она с заранее обдуманной целью? Я перечитал большую часть литературы,

касающейся событий, которые привели к войне, и нашел там множество указаний на то, как войны вообще начинаются. Они начинаются не потому, что большинством людей, имеющих отношение к конфликту, внезапно овладевает жажда кровопролития, и даже не потому, что таково желание большинства людей, которым принадлежал бы решающий голос, если бы они пожелали подать его во-время. Если бы произвести плебисцит в каждой стране Европы за неделю до объявления войны и спросить, желают ли народы начать европейский конфликт, предложение было бы отвергнуто подавляющим большинством и ясно стало бы, что ни одна нация не имеет даже тени намерения начать борьбу. Итак, это не причина, почему война разразилась. Но во главе каждой страны вы всегда увидите много людей, готовых колебаться; людей, страдающих апатией; людей бездеятельных и глупых; и наконец, большинство людей, даже принадлежащих к составу правительства, думают, главным образом, о своих собственных текущих делах.

Я дам вам иллюстрацию того, как начинается война, если есть налицо общее предрасположение начать ссору, но если, при этом, никто не хочет во что бы то ни стало завести ее, а значительное большинство народа даже противится этому. Австрия послала ультиматум Сербии. Здоровенный буян всегда бывает рад дать пинка маленькому человеку, стоящему близко от его ноги. Сербия находилась так близко к сапогу, что Австрия постоянно испытывала соблазн дать ей тумака, и в июле 1914 года тумак был дан. Австрия послала чрезвычайно наглый ультиматум. Сербский ответ был, в сущности, принятием австрийских требований. Об этой ноте кайзер писал: „Блестящее достижение! Но теперь исчезает“, — слушайте, что написал германский кайзер всего за несколько дней до объявления войны, — „но теперь исчезает всякая причина для войны, и австрийский посланник может спокойно остаться в Белграде. После такой ноты я бы никогда не отдал приказа о мобилизации“.

Через три дня началась война.

Позвольте дать другую иллюстрацию. Адмирал Тирпиц говорит, что видел фон-Ягова дня два спустя после получения ответа австрийцами. Фон-Ягов, германский министр иностранных дел, столь мало интересовался австро-сербским конфликтом, что, — как он признался немецкому посланнику в Австрии

27 июля, то есть два дня спустя после получения ответа, — он еще не нашел времени прочитать сербскую ноту. Благодаря этому документу, десять миллионов неповинных молодых людей были убиты, жилища разорены, и сделан был ужасный долг в виде увеличения налогов, смуты и скорби, какого не удастся погасить при жизни нынешнего поколения.

Все это непонятно для того, кто не знает, какая беззаботность и медлительность царствует в оффициальных кругах, благодаря долгой привычке. Это было всего за три дня до объявления войны. Высокий сановник с Вильгельмштрассе, обязанный давать советы кайзеру и его канцлеру, и немного позднее способствовавший роковому решению объявить войну России, даже не прочитал документа первостепенной важности, который мог предотвратить борьбу. Но зато вы всегда найдете несколько, — очень немного, — решительных людей, весь разум, энергия и хитрость которых направлены к тому, чтобы беспрестанно подвигать вперед колесницы войны. Прежде чем другие успеют опомниться, они уже ловко обделали свое дело и, незаметно проскользнув, поставили свои колесницы в такую позицию, что их легко двинуть вперед. Пока другие спят, они пускают пылких коней в опустошительный бег. В печати, в публичных собраниях, в залах советов, в канцеляриях, в обществах всякого рода они все время производят свой нажим. Когда им удалось достигнуть края пропасти, они сметают слабое сопротивление охваченной паникой толпы советников и чиновников, и народы падают в бездну, прежде чем успеют опомниться.

Таким путем начинается большинство войн. Перечитайте историю войны 1870 года. Она началась тем же самым спутанным, неуклюжим, бесцельным образом. Во всех случаях на заднем плане вы увидите мрачный образ злой силы, которую наши отцы-пуритане называли дьяволом. Исчезли ли ненависть и подозрение среди нас? Нет ли ныне каких-нибудь поводов к соперничеству? Нет ли людей, которых все счастье заключается в войне? Был ли дьявол в числе убитых Великой войны? Я никогда не видел его имени ни в одном списке потерь. Оглянитесь вокруг: его агенты более многочисленны, более деятельны, более настойчивы и более удачливы, чем когда-либо. Европа нынешнего дня похожа на котел, в котором кипят подозрение и ненависть. Будем говорить откровенно. Кельт и тевтон вовлечены ныне в конфликт, тем

более отчаянный, что одна из сторон безоружна. Человечество ни чему не научилось в результате четырех или пяти лет войны, хотя его бичевали скорпионами. Ни что не способствовало недавней катастрофе в большей мере, нежели анексия Германией Эльзас-Лотарингии. Пока этот акт безумия оставался неисправленным, действительный мир не был возможен в Европе. Народы лишь ждали благоприятного случая, и благоприятный случай наступил. Ныне мы имеем по меньшей мере две Эльзас-Лотарингии. Такова анексия Вильны при помощи силы; такова анексия Галиции при помощи оружия, направленного против населения. В других местах вы имеете германские и польские раздоры из-за Силезии; русско-польские раздоры из-за сомнительных границ, раздоры чешские и мадьярские, сербские и болгарские, русские и румынские, румынские и мадьярские. Существует вековая вражда между греком и турком. У всех такой вид, словно они только ждут благоприятного случая; все вооружены и готовы к убийству. Европа представляет собой кипящий котел международной ненависти, причем могущественные люди, имеющие в своем распоряжении запасы топлива, раздувают огонь.

Бесполезно бранить Версальский договор. Описанное положение вещей ничего общего не имеет с договорами. В данном случае дух убивает, а не буква. Некоторые обиды являются лишь воображаемыми. Поэтому время может исцелить их. Но есть и подлинные обиды, и в подобных случаях время только углубляет рану. Можно ли что-нибудь сделать? Если это возможно, сделайте это своевременно. Вновь напоминаю вам, что если ружье заряжено,—а оно заряжено в каждой стране,—то когда начнется ссора, оно может выстрелить не потому, что курок сознательно спущен, но потому, что какой-нибудь неуклюжий малый в своем возбуждении надавил на него.

На континенте, который номинально считается христианским, христианские церкви, конечно, не могут быть совсем бессильными. Когда весь Запад был католическим и имел счастье видеть разумного и способного наместника на троне святого Петра, многие распри прекращались благодаря его вмешательству. Не могут ли церкви вновь пустить в ход свое могущество? В их власти сделать это, но для этого понадобится объединение их сил не только в Великобритании, но в каждой христианской стране, во всей Европе—католической и проте-

стантской, католической даже больше, чем протестантской, ибо страны, которым всего сильнее угрожает опасность, находятся больше под влиянием католической церкви, нежели протестантских исповеданий. Если героизм миллионов, их жертвы, их страдания пропадут понапрасну, то это будет самая колоссальная, самая преступная и самая низкая растрата сил, какая только видана была в человеческой истории. Миллионы людей добровольно рисковали своей жизнью. Миллионы погибли ради того, чтобы установить мир на земле на основах международного права. Храм международного права построен из материалов, представляющих собою самые лучшие элементы человеческой души. Но строевые леса вокруг этого храма облиты керосином ненависти, и когда-нибудь спичка, поднесенная преступной или легкомысленной рукой, подожжет это великолепное здание; его пышность обратится в черную золу, и надежды человечества еще раз развеются по воздуху пеплом. Задача церквей состоит в том, чтобы употребить все свои соединенные силы для предупреждения этой катастрофы.

Мир только тогда станет возможным, когда во взаимоотношениях между нациями будут приняты принципы, которые руководят поведением приличных людей в обществе по отношению к своим соседям. Если бы международные методы общения были приняты между соседями, жизнь стала бы нестерпимой: неприкрытая подозрительность, недоверие и зложелательство воцарились бы повсюду, вечная готовность к ударам, готовность сильного употребить принуждение с целью навязать свою волю слабому соседу, или лишить его свободы, имущества или даже жизни, дабы удовлетворить гнев, мстительность или жадность. Если бы такой образ действий стал правилом их в частных делах, все мы должны были бы жить в погребах или в укрепленных замках. Дело в том, что человек лишь наполовину цивилизован. В международных вопросах он еще дикарь и в глубине сердца не признает иного закона, кроме закона силы. Дикарь тоже умеет обуздывать себя. Инстинкт не позволяет ему схватывать все, что попадается на глаза, за исключением тех случаев, когда он думает, что может сделать это безнаказанно и ради цели, которая кажется ему соблазнительной. Когда он ненавидит, или бывает охвачен жадностью, то не знает иной узды. Я хотел бы иметь возможность сказать, что современные народы повинуются другим импульсам. Человек должен стать цивилизован-

ным в международных отношениях, иначе войны будут продолжаться до тех пор, пока человечество существует на земле.

Я видел город, оторванный от своей страны. Я видел целую провинцию, присвоенную вопреки протестам населения, и все это на протяжении четырех лет после Великой войны, начатой для установления международного права. Не было никаких доступных разуму оправданий для каждого из этих двух грабительских выступлений, если не считать того, что город и провинция казались соблазнительными, находились под рукой, и собственники были слишком слабы, дабы оказать сопротивление грабителям.

Необходимо понять, что воровство не становится менее гнусным, если его ведут на широкую ногу. Нация, которая предательским образом крадет и присваивает город или провинцию, столь же преступна, как вор, приговоренный к тюремному заключению за грабеж на большой дороге. И эти национальные преступления непременно повлекут когда-нибудь за собой кару. Так неизменно бывает и, к несчастью, международная кара никогда не ограничивается личностью непосредственного виновника. Мщение, однажды начавшись, бывает так же неразборчиво и не доступно контролю, как степной пожар. Пламя пожирает пшеницу заодно с плевелами. Адский огонь, разведенный рукой человека, жжет невинного наравне с виновным. Приговор, поразивший Германию, повлек за собою мучения для миллионов людей, которые жили вне ее пределов, ужасались ее преступлениями и делали все, что могли, с целью предупредить их совершение. Вот почему написано: „Мне мщение и я воздам,—говорит господь“. Верховным долгом христианских церквей является научить народы, что моральный закон так же применим к обществам, как и к индивидуумам, составляющим это общество; научить, что ненависть так же непозволительна между народами, как и между индивидуумами, и даже является более опасной. Должно со всеусердием насаждать благоволение между народами. Это надо проводить всеми путями—в школе, в печати, в проповедях. Люди, которые постоянно сеют недоверие и вражду к людям другой расы и другой страны, должны преследоваться, осуждаться, обличаться, сносить гнев, презрение и вражду своих ближних. Они более опасны, нежели поджигатель, который разводит огонь под гумном или под человеческим жилищем.

Дайте нам лучше познакомиться с хорошими сторонами каждой нации. Каждый народ сделал свой взнос в общую сумму человеческого величия. Останавливайте свое внимание на этом, а не на слабостях и недостатках, ошибках и преступлениях, которые к несчастью, общи всем нациям. Назовите мне страну, которая не стоит в этом списке. Изобретательность ненависти бесконечна. Ее многообразие неисчерпаемо. Я помню, еще недавно вы не могли быть патриотом, будучи другом Франции; то обстоятельство, что вы были другом Франции, делало вас плохим англичанином. Предполагалось, что Франция деятельный и коварный враг Англии, всюду злоумышляющий против британских интересов. Она представляла собою все, что кажется неприятным и отвратительным британскому уму — в области мысли, литературы, политики и общежития. Франция от всего сердца отвечала нам такой же антипатией. Было, по меньшей мере, два случая, когда война ожидалась между этими двумя странами; об этом открыто говорили и это было вполне возможно. Дух печати в обеих столицах, казалось, направлялся фуриями.

Ныне по адресу Германии вы не можете сказать ни одного слова терпимости или даже простой правды. Я не советую отказываться от наших национальных прав в пользу каждой из этих стран, но это — две великие нации. Обе они много сделали для возвышения, счастья и расцвета человечества. Если Германия—страна Бисмарка с его железом и кровью, то все протестанты должны помнить, что она также страна Лютера и Реформации. Если во время последней войны она сражалась в течение четырех лет, с целью установить военное владычество над Европой, то она сражалась в течение тридцати лет с терпеливым мужеством и великими страданиями, дабы установить свободу совести в Европе. Она подарила миру великую литературу, великих художников, великих философов, великих исследователей во всех областях мысли. Она страна несравненной песни. Даже в разгаре кровавой борьбы с Германией мы каждое воскресенье хвалили бога в наших церквах по нотам германской музыки. Припомним все это в наших усилиях восстановить царство благоволения на земле. И если мы чувствуем гнев против Франции, вспомним блестящую фалангу ее великих писателей, ее гигантскую борьбу за свободу, ее проникновенную мысль, направленную в сторону научных изысканий, все неисчислимые блага, которые она

принесла человечеству. Будем судить Францию не по суетливым маленьким людям, которые выражают ее задор, вызванный припадком дурного настроения, могущего овладеть любой нацией, но по великим людям, которые выразили ее бессмертную душу. Франция — это страна Виктора Гюго, Паскаля, Ренана и многих других великих учителей, которые вели человечество за руку по дороге, идущей вверх.

Все зависит от постоянного, решительного и длительного применения этих принципов и идеалов дружбы между нациями. „Благоволение на земле“ означает, что мы подходим ко всем с их лучшей стороны, а благоволение и мир неразрывны друг с другом. Без одного вы не будете иметь другого. Итак, будем поощрять дух братства между людьми. Церковь должна взывать к благороднейшим чувствам человеческого сердца. Человечество можно спасти, лишь обращаясь к его высшим инстинктам, а не к недостойному страху. Война это ужас, война это смерть, война это страдание. Но это не предупредит войны и никогда не предупреждало. Человек самое бесстрашное из божьих созданий. Когда его страсти разгорелись, нет страха, который мог бы удержать его. Огонь страстей сжигает узы самосохранения, словно пучки пакли. Таким образом, страх не может удерживать народы и создать мир между ними. Война разрушает торговлю и влечет за собой безработицу. Примите в расчет все эти потери, переведите их на наличные деньги. Но это не предупредит войны и никогда не предупреждало. Своекорыстные интересы ведут к самообману, и жадность бывает слепа. Не надейтесь, что себялюбие и корысть восстановят мир. Себялюбие платит хорошие проценты, но зато пожирает капитал. Народы или отдельные люди, которые делают себялюбие управителем своей души, кончают банкротством; банкротством уважения, банкротством идеалов, банкротством чести, банкротством дружбы.

От чего страдает ныне Германия? Величайшая трагедия для нее заключается не в обязательстве платить контрибуцию, не в ее огромных потерях, ни даже в разрушении ее торговли. Великая трагедия Германии в том, что она потеряла уважение человечества. Это мешает ее торговле, это мешает ее делам, это не позволяет ей подняться вновь на ту высоту, с которой она упала. Веревка порвалась. Германия сделала такие вещи, которых сама теперь стыдится. Ее народ — я имел возможность заметить это — испытывает стыд. В этом

трагедия. Немцы благородный и мужественный народ; они храбро сражались, но их дух сломлен. Почему? Они потеряли самоуважение, ибо сделали нечто, что сами, в глубине сердца, считали несправедливым. Такие вещи не проходят даром для народа.

Надо воспитывать общественное мнение таким образом, чтобы оно было достаточно сильным для поддержания международного права. Ни один закон невозможен без активной поддержки общественного мнения и, менее всего, международный закон. При отсутствии такого мнения Лига Наций является простым фарсом. С таким же успехом вы можете завести деревянные пушки; как бы роскошно украшены они ни были, какой бы внушительный вид они ни имели, всякий знает, что в момент выстрела они разорвутся. Если мир не будет вынужден уважать авторитет Лиги, она станет простым посмешищем. Бесполезно заявлять претензии. Претензии никогда не влияют на ход событий. Лига Наций может включать в себя представителей всех великих держав на земле и, все же, она будет пустой, непроизводительной, дорого стоящей игрушкой, если за ней не будет стоять дух людей, из которых состоят эти нации.

Действительная опасность текущего момента заключается в том, что Лига Наций не может внушать доверия в то время, как старые интриги, старые происки, старая международная зависть и ненависть будут действовать с полной свободой вне ее. Решения Лиги Наций в продолжении последних двух или трех лет открыто отвергались одним из членов этой Лиги, тем членом, который своей национальной независимостью обязан договору, основавшему Лигу. Другая нация, одна из главных создательниц Лиги, отказывается передать на ее рассмотрение вопрос, касающийся не только ее, но и всей Европы. Обе эти нации предпочитают прибегать к силе. Остальной мир глядит на это с равнодушием, готовый примириться со щелчками, которые каждый раз получает Лига. Почему? Потому, что в неповинующихся странах нет общественного мнения, могущего воздействовать на правительство, и нет общественного мнения за-границей, достаточно сильного, чтобы настоять на необходимости уступок.

Одни христианские церкви могут помочь этому. Должно начаться международное движение всех церквей — католических и протестантских. Я знаю, что этого добиться трудно.

Разделение в христианстве слишком часто было роковым для согласованного действия, направленного к достижению общих целей... Эти трудности можно преодолеть. Их должно преодолеть. Было время в средние века, когда религия пользовалась, как прямым, так и косвенным влиянием на правительства и на официальные отношения. Она помогла англичанам получить Великую Хартию. Она постепенно освободила крепостных. Она многократно спасала мир Европы, подвергавшийся серьезным опасностям благодаря ссорам королей. Во времена пуританизма и в дни Ковенанта сотрудничество между религией и политикой подарило нам два великих блага — парламентскую свободу и свободу веры. Когда методизм пробудил совесть в Англии, его влияние сказалось в политическом движении, освободившем рабов во всей Британской империи.

То был один из величайших подвигов бескорыстной справедливости, когда-либо совершенных целой нацией. Задача, предстоящая религии ныне, является даже более великой — освобождение рабочих от экономической тирании, спасение народов от бича алкоголизма, и распространение ангельской вести, раздавшейся впервые на холмах Вифлеема, доколе закоснелое сердце человека не отзовется эхом в ответ: „На земле мир и в человеках благоволение".

Британский долг Америке.

Когда я, возвращаясь домой, плыл на корабле вдоль берегов Испании, депеша беспроволочного телеграфа возвестила, что Британское правительство приняло условия, выработанные для уплаты долга Америке.

Подробности, мною полученные, не являются достаточными, чтобы я мог составить определенное мнение о характере этих условий или об их связи с долгами союзников Великобритании. Я ничего не знаю о мерах, предпринятых м-ром Болдуином и тем правительством, членом которого он является, дабы сделать первый шаг к повсеместному улажению вопроса о междусоюзнических долгах. Этот предмет представляет для нас чрезвычайную важность, и я надеюсь, что на этот счет имеется что-нибудь в соглашении.

Что касается платежа наших собственных долгов, то правительство выражает в данном случае действительные чувства всей нации в целом. Британский плательщик налогов, без сомнения, отлично знает, что этот тяжелый долг был взят им на себя во время войны главным образом с целью финансировать американские поставки нашим союзникам. Мы сами могли платить за все поставки, в которых нуждались для собственного пользования, не прибегая к займам у Американского правительства. Тем не менее деньги были авансированы заимодавцем под нашу подпись.

Следовательно, наш национальный кредит требует, чтобы мы заплатили. Сможем ли мы собрать достаточно денег с наших собственных должников для выполнения этой цели? Это становится все более сомнительным, по мере того, как становится все более необходимым.

Великобритания одна полагает, что на ней лежит моральное обязательство платить иностранные долги, заключенные ради успешного продолжения войны. Позиция, как прошлого, так

и нынешнего правительства, совершенно одинакова в данном отношении.

Почему британское общественное мнение усвоило по вопросу о национальном обязательстве уплатить внешние военные долги взгляд, отличный от того, который принят остальными союзниками? Давая на это ответ, я не хочу настаивать на совершенно очевидных этических соображениях, долженствующих иметь вес, когда вы спрашиваете себя, должны ли вы осуществить соглашение, заключенное вами с другим лицом, которое уже исполнило свою часть обязательства, полагаясь на ваше обещание. Подобный довод должен казаться весьма убедительным, но настаивать на нем—значит бросать неблагоприятный свет на честь тех, кто усвоил другую точку зрения на свой национальный долг. Я не хочу выступать здесь в качестве цензора или критика их решений. Они, без сомнения, имели свои причины усвоить именно такую линию поведения. Но и у нас были решительные основания выказать честную готовность платить по нашим долгам.

Подведение счетов всегда кажется неприятным делом, особенно между друзьями. Люди посторонние предвидят это и готовятся к этому—и потому не возникает никаких неудовольствий, когда получается счет. Но никто не любит напоминать своему другу по окончании дела, которое оба они начали, проникнутые горячей симпатией, что еще предстоит „уплатить маленькую разницу". Кредитор ждет, что его друг сам догадается напомнить об этом. Поэтому он откладывает неприятный разговор с году на год. Но друг обманывает его ожидания. Ни одним намеком он не показывает, что в данном случае речь может итти о каком-то долге. Скоро можно подумать, будто он обо всем позабыл.

Друг весьма настойчиво собирает долги, причитающиеся ему самому. Он сердится на каждую отсрочку платежей по его собственным счетам. Но его совесть слепа, поскольку дело касается долгов, которые сам он обязан уплатить. Подобные вещи часто случаются, и мы ныне страдаем от этого. Война сделала нас кредиторами в размере свыше 2.000.000.000 ф. ст. и должниками приблизительно на половину этой суммы. Мы с готовностью приняли приглашение нашего кредитора обсудить вопрос об уплате долга, причитающегося с нас. Но наши должники обнаружили непобедимое нежелание вступить в подобные переговоры с нами.

Это не должно влиять на наше конечное решение. Англия является величайшим из международных торговцев, и ее кредит покоится на хорошо заслуженной репутации, что всякий ее долг равнозначен священному обету, который ее народ всегда чтит и исполняет, не считаясь с тем, каких жертв трудом и деньгами это может потребовать.

Я помню, как в начале войны паника охватила банкиров и биржевиков при мысли о договорах, заключенных с их помощью британскими фирмами с целью финансирования мировой торговли. Обязательства по этим договорам достигали миллионов фунтов стерлингов, и единственной порукой уплаты была пачка вексельной бумаги, покрытой крест-на-крест подписями людей, большинства которых никогда и в глаза не видел ни один британский банкир, и из которых многие проживали в странах, ныне начавших с нами войну.

Имелась, впрочем, на каждой бумаге одна подпись, известная банкирам и представлявшая доброе имя Великобритании по всему свету. То была подпись какой-нибудь хорошо известной британской фирмы. Купцы из далеких стран отправляли свои товары, доверяя этой подписи и государству, с которым подпись была связана.

Правда, правительство не несло ответственности ни за одну из этих сделок; но честь Великобритании требовала, чтобы иностранные купцы не потерпели разорения только потому, что поверили в британскую коммерческую честность. По этой причине Британское правительство тех дней взяло на себя бремя риска и, хотя это означало денежную ответственность от 400.000.000 до 500.000.000 фунт. стерл., ни один голос не возвысился для протеста. Этот поступок, хотя совершенно не имевший прецедентов, был не только честным. Он был мудрым. Он спас британскую гордость от упреков; он также спас британский кредит от удара, последствия которого не удалось бы изгладить при жизни целого поколения. А тем временем все эти выгодные дела перешли бы в другие руки.

Лишь только кончилась война, британский народ с инстинктивным импульсом, не нуждавшимся в ободрении, поставил себе задачей восстановить свой кредит, потрясенный войной. Правительство, банкиры, купцы, биржевики, фабриканты и рабочие всех специальностей были единодушны. Займам должен быть положен конец. Великобритания должна заплатить свои долги, каких бы жертв это ни стоило. Все расходы

были безжалостно сокращены. Армия и флот были доведены до размеров меньших, нежели те, которые существовали до войны. Все другие ведомства были урезаны. Были установлены тяжелые налоги, каких не знает ни одна другая страна. Внутренний бюджет должен быть сбалансирован. Долги другим странам должны быть выплачены. Уже значительные суммы внесены за-границу. Требуется мужество и постоянство, дабы продолжать подобную политику; но терпение нации оказалось выше всякой похвалы. Ныне наш народ спокойно предвидит необходимость ликвидировать тяжелый долг Соединенным Штатам С. Америки. Ни одна партия еще не требовала и, повидимому, не потребует, чтобы переговоры были приостановлены. Великобритания безропотно готовится заплатить последний из своих долгов.

Мы уже получили за это некоторую награду. Покупательная сила нашей валюты освобождена от тяготевшего на ней бремени и, потому, стоимость жизни неуклонно падает, в то время, как другие страны, проводившие иную политику, должны считаться с тем, что дороговизна возрастает из месяца в месяц.

Недавно председатель французского совета министров упрекал нас в палате депутатов и утверждал, что ошибочная финансовая политика обусловливает собой нашу безработицу. И действительно, если бы мы заключали займы, вместо того, чтобы платить долги, если бы мы отвечали отказами нашим иностранным кредиторам, вместо того, чтобы удовлетворять их, мы так же, подобно некоторым другим европейским странам, могли бы добиться искусственного процветания на основе обесцененной валюты. Но британский кредит быстро и бесследно исчез бы и британская торговля скоро последовала бы за ним. А между тем дороговизна жизни Великобритании была бы вдвое больше, чем теперь. Поэтому мы выбросили самую мысль о подобной политике из наших умов, не принеся ей дани даже в виде обсуждения.

Доверие есть единственная почва, на которой может процветать кредит. Если бы это доверие было поколеблено, британские покупатели и, следственно, британские потребители платили бы теперь гораздо дороже за пшеницу, за мясо, за хлопок и за шерсть. Бремя платежей Соединенным Штатам будет бесконечно легче, нежели косвенное обложение, связанное с большими покупками при дискредитированной валюте.

Итак, правительство поступило совершенно правильно, договорившись, не теряя времени, с американским казначейством о ликвидации долга, лежащего на нашей стране. Я считаю несомненным, что правительство сделало все усилия, дабы это соглашение явилось составной частью повсеместного соглашения о междусоюзнических долгах. Но что касается нашего собственного долга, то наше моральное обязательство остается в силе, независимо от того, как поступят союзники. Почему возникли эти долги, при каких обстоятельствах и для каких целей были авансированы деньги, все это могло принять в рассчет Американское правительство, вырабатывая условия. То была его привилегия; нам же надлежит уважать нашу подпись.

Корабль „Кашгар",
1/II-23 г.

Междусоюзнические долги.

Судьба Иссахара.

Мороз пробежал по коже у Англии, когда было объявлено официальным порядком, что Британское правительство окончательно согласилось ежегодно уплачивать Соединенным Штатам свыше тридцати миллионов фунтов стерлингов в течение шестидесяти лет, для погашения долгов, сделанных союзниками под наше поручительство, — и это вне какой-либо зависимости от того, удастся ли нам заставить наших должников притти на помощь плательщику налогов нашей страны. Отсюда не не следует, будто кому-либо снится злой сон об отказе от уплаты. Подобного сна не было даже в числе наихудших кошмаров, которые тревожили наше спокойствие после того, как величайший из всех кошмаров рассеялся, оставив мир в состоянии нервного потрясения.

Не ждем мы и прощения наших долгов. Как бы ни склонны мы были преувеличивать пределы человеческого милосердия, мы не можем не вспомнить обычной повадки „Среднего Запада“ в такого рода вещах. 'Америка была открыта европейцами много столетий тому назад, но „Средний Запад“, как политическая величина, принадлежит к числу открытий, сделанных невежественными европейцами лишь во время войны. Путешественники, по возвращении, рассказывали нам, что „Средний Запад“ является местопребыванием американской совести, беспощадной, несговорчивой, но непобедимой, когда он отдается какому-нибудь делу. Насколько могущественна была эта совесть в качестве мировой силы, показала война. Будто лавина обрушилась с высот на Германию и подавила последнюю надежду на сопротивление. К несчастью для нас, когда речь заходит об уплате долгов, мы наталкиваемся на жесткую сторону совести „Среднего Запада“.

Итак, мы не могли надеяться на прощение долгов. Однако, были ведь и другие возможности. Мы не являемся единственным должником Американского правительства. Наши союзники заключали займы не только косвенным образом через нас, но и непосредственно у Америки. Мы имели все основания думать, что правительство Соединенных Штатов не отнесется к Великобритании более сурово, нежели оно намерено отнестись к прочим союзникам. Правда, нам пришлось бороться с легендами о нашем неизсякаемом богатстве, но ведь если оставить в стороне наши большие угольные залежи, а также климат, который не дает иной альтернативы, кроме напряженной деятельности всем тем, кто может вынести его, то все наше богатство заключается в трудолюбии, изобретательности и унаследованной от отцов ловкости нашего народа. У нас нет ничего подобного богатым равнинам, озаряемым плодотворящим солнцем Франции, равнинам, которые кормят шестьдесят процентов ее населения. Источники нашего богатства, не считая угля, кажутся непрочными, ибо они зависят, больше чем у какой-нибудь другой страны, от условий, лежащих вне наших границ. Мы международные поставщики, торговцы и перевозчики. Контракт, заключенный на шестьдесят лет вперед, с обязательством уплачивать значительные суммы за морем, во многих отношениях является для нас более важным событием, нежели для стран, которых богатство связано с их почвой и которые, следовательно, являются более самодовлеющими. Деморализация мировых рынков обрекла на безработицу сравнительно большую часть нашего рабочего населения, нежели в какой-либо другой европейской стране. Мне приходилось слышать рассказы о безработице в Соединенных Штатах С.-Америки. Однако, сведения, доходящие до нас, столь противоречивы, что я не могу высказаться на этот счет. Но что касается гигантских размеров нашей собственной безработицы, то они вне сомнения. 1.400.000 наших рабочих зарегистрированы в качестве безработных и получают вспомоществование в той или иной форме. Ежегодные издержки нации на содержание своего безработного населения достигают 100.000 фунтов стерл., то-есть той суммы, которую должна была бы ежегодно уплачивать Германия в виде военной контрибуции.

Хотя заметны некоторые признаки улучшения, все же нужно быть готовым к тому, что период ненормальных усло-

вий, создавшихся для торговли, будет продолжительным. Длительная депрессия, затянувшаяся на целые годы, будет означать, что Великобритания больше пострадала от расстройства своей торговли, вызванного войной, нежели Франция от опустошения своих провинций. Наша страна, озабоченная приисканием средств к жизни, с 1.500.000 рабочих, которые бродят по улицам в тщетной надежде найти работу, вынуждена нести самое тяжелое в целом мире бремя налогов. Почему? Потому, что ей придется не только платить проценты по своим собственным тяжелым военным долгам, но также по тем 3.000 000.000 ф. ст., которые были частью авансированы союзникам, частью израсходованы за их счет. Вот почему мы надеялись, что Соединенные Штаты не будут слишком строги к нации, находящейся в подобном положении.

Говоря о долгах союзников, я должен подчеркнуть тот факт, что эти долги не являются бумажными мифами или бухгалтерскими трюками. Это вполне реальное бремя, которое несет в настоящую минуту истомленный и задыхающийся плательщик налогов в Великобритании. Если бы эти займы никогда не были заключены, тяжесть, ныне давящая на его плечи, была бы легче на два шиллинга с каждого фунта. Он ежегодно платит заимодавцам — частью британским, частью американским, — вышесказанную часть своего дохода. Эту тяжесть он взялся нести ради союзников во время войны, получив торжественное обещание, что они снимут ее, когда война кончится. Американское правительство заключало займы у своих граждан с целью авансировать деньги Великобритании, и требует теперь от британского плательщика налогов, чтобы он исполнил свое обязательство. Мы не жалуемся, ибо это требование покоится на точной букве договора. Но эта сумма, в своей существенной части, входит в состав долга союзников Великобритании. И британскому плательщику налогов, совершенно естественно, весьма тяжкой кажется необходимость не только нести свое собственное бремя, но еще, сверх того, расплачиваться за долги своих, гораздо легче обложенных налогами, континентальных братьев. Он, конечно, предполагает, что если бы одинаковое давление было оказано на всех должников, то это вынудило бы их завязать общие переговоры, которые закончились бы общим соглашением.

Такова была истинная цель ноты Бальфура. Действительное значение этого важного документа было совершенно непонято—частью по беззаботности, частью намеренно.

Я готов поручиться, что едва ли один из ста критиков этой ноты, будучи неожиданно поставлен на очную ставку с ее содержанием, мог защитить одно свое замечание из целой сотни. Нота Бальфура испытала судьбу Версальского договора. Мнения резко разделились между теми, кто судит, не читая, и теми, кто читает, но не судит. У большинства создалось впечатление о ноте Бальфура исключительно на основании обличительных фраз, брошенных публицистами, которые заимствуют свои мысли у людей, решивших осудить ноту, даже не ознакомившись с ней. Люди, которые действительно поняли, как Версальский договор, так и ноту Бальфура, были слишком заняты, чтобы дать нужную информацию, истолкования и объяснения.

Но теперь наступило время, когда внимание общества должно обратиться на знаменательные и далеко идущие предложения ноты Бальфура. Они выражали готовность Великобритании ограничить размер ее требований к союзникам размером ее обязательств по отношению к Соединенным Штатам С.-Америки. Британское правительство даже предлагало включить сюда же требования нашей страны к Германии. Что это означает применительно к нынешним условиям? То, что если союзники и Германия сообща найдут 30.000.000 фун. ст. в год, которые Великобритания обязалась платить Америке, то Британское правительство откажется от своих требований на 3.300.000.000 фунтов ст., которые ей причитаются по договорам. То было великодушное предложение и, если бы оно было принято, то повлекло бы за собой благодетельные результаты превыше всяких ожиданий. Великобритания, непосредственная потеря которой оказалась бы всего значительнее, получила бы косвенные выгоды, благодаря восстановлению мирового хозяйства, что явилось бы неизбежным следствием.

Как было встречено это предложение? Одни критиковали его, потому что оно просило слишком мало, другие,—потому, что оно просило слишком много. Некоторые критиковали потому, что решили не одобрять ничего, исходящего от этого правительства; но большинство критиков осуждало его только потому, что они никогда не дали себе труда понять это предложение, как следует, а самые крикливые голоса на

улице обличали его. Правительство, внесшее это предложение, вскоре отказалось от власти, и министерство, созданное вслед затем, выработало новый план, встреченный с еще меньшим одобрением. Таким образом, этот великий проект, который раз навсегда уладил бы вопрос, ныне всего более колеблющий мир и смущающий умы в Европе, был погребен в ящиках письменных столов.

Но несомненно, еще не пришел конец усилиям разрешить проблему междусоюзнических долгов. Мы не можем удовлетвориться соглашением, которое обязывает нас платить без всяких перспектив на самомалейшие поступления со стороны наших должников. Можем ли мы согласиться на то, в чем отказала Америка? Золото Европы лежит теперь в ее сундуках. Неужели мы, погрязшие в трясине долгов до самых ноздрей, должны давать примеры великодушия единственной богатой золотом стране, оставшейся в этом разоренном войной мире?

Если должно произойти всеобщее отпущение грехов, в котором каждый получит свою долю, дабы мир мог начать новую жизнь, тогда, — я уверен, — Великобритания исполнит свою обязанность мужественно и благородно. Но мы не согласны на отпущение грехов, освобождающее Францию, Италию и Бельгию от всех обязательств и, вместе с тем, предоставляющее Британии потеть для уплаты долгов, сделанных на пользу союзников и с их порукой.

Я верю, что правительство будет настаивать перед союзниками на соглашении, которое, если и не сделает их ответственными за выполнение нашего обязательства, то все же, по меньшей мере, обеспечит денежные поступления, которые предохранят нас от потерь по этому обязательству. Я боюсь, что нет надежды возместить полностью 2 шиллинга с каждого фунта налогов, которые мы теперь уплачиваем в погашение долга союзников, но, по крайней мере, нам могли бы гарантировать 6 пенсов на фунт, которые непосредственно связаны с годовыми платежами Америке. Я знаю, что усилие это сделать будет трудно и что перспективы весьма безотрадны. Недавно можно было заметить целый ряд обескураживающих симптомов. Одним из них явился прием, оказанный на недавней Парижской конференции великодушному предложению британского премьера относительно междусоюзнических долгов. Конечно, тактической ошибкой было выдвигать подобный

план в самом начале конференции, и последствия этого оказались весьма злополучными.

Если бы я был склонен критиковать недавние парижские переговоры, то сказал бы, что благодаря им Великобритания в первый раз со времени войны оказалась совершенно изолированной на европейской конференции. То была большая неудача, ибо она подстрекнула Французское правительство на резкий шаг. Вплоть до последней конференции Великобритания и Италия всегда бывали согласны в существенных вопросах, если даже Франция и Бельгия усваивали другую точку зрения; и Бельгия прежде никогда не прекращала переговоров в полном несогласии с Великобританией. Таким образом, Франция, всегда испытывавшая соблазн оккупировать Рур, не решалась сделать это перед лицом столь решительного сопротивления союзников. Но, однако, характерна причина нашего незаслуженного одиночества на последней конференции. Британский премьер открыл переговоры предложением отказаться от бо̀льшей части долгов, которые названные страны обещали платить Великобритании, но отказаться при условии немедленного соглашения о начале выплаты остающейся доли. Этот намек на платежи немедленно консолидировал оппозицию британскому плану в его целом. Стало ясно, что ныне существующие на континенте правительства совершенно не намерены, при отсутствии настойчивого давления, платить хотя бы малейшие проценты по долгам, которые они сделали, дав торжественное обещание вернуть капитальную сумму, когда это станет возможным, и, до наступления этого времени, вносить проценты. Если бы мы напомнили, как это было сделано в ноте Бальфура,—что мы должны выплачивать Соединенным Штатам тяжелый долг, сделанный нами ради союзников, они просто пожали бы плечами и сказали: „Это ваше дело. Мы ничего не платим ни Великобритании, ни Америке, и дело с концом".

Другим неприятным инцидентом явилась речь, произнесенная г-ном Пуанкарэ во французской палате, причем он мимоходом коснулся вопроса о междусоюзнической задолженности. Французский премьер-министр категорически заявил, что Франция не намерена платить долгов, пока не получит своей доли репараций от Германии. Что это значит? То, что Франция, представляемая г-ном Пуанкарэ, вообще не намерена когда-либо заплатить свои долги. По самым скромным расче-

там — тридцать лет являются наименьшим сроком, в течении которого может быть ликвидирована колоссальная сумма германских репараций. Будет ли за все это время французский долг оставаться без движения, не принося никаких процентов? Если это так, то практически долг этот уже аннулирован, ибо ценность 500.000.000 ф. ст., которые надлежит уплатить через тридцать лет без процентов, не имеет никакого значения. Следовательно, нынешнее Французское правительство заявило, что оно не собирается платить долгов Франции. Конечно, диктовать условия платежа по займу—когда вы предполагаете платить, как много предполагаете вы платить и предполагаете ли вы платить вообще — надо в момент заключения займа, а не после того, как вы уже израсходовали деньги.

В той самой речи, в которой г-н Пуанкарэ преподносил высокому собранию разные пошлости относительно святости национальных обязательств, содержится весьма слабое утешение для верного союзника Франции: Франция слишком занята собиранием долгов, причитающихся ей, чтобы думать о долгах, которые должна уплатить она сама. От глубины сердца я верю, что существует Франция, от лица которой не может говорить Пуанкарэ — великая Франция, которая не пожелает пренебрежительно третировать верного друга, стоявшего бок-о-бок с нею в час смертельной опасности и изнемогающего ныне под бременем, принятым на себя во имя дружбы.

Все это делает еше более необходимым выяснить положение дел без дальнейших отсрочек. Только что закончив переговоры по ликвидации нашей собственной задолженности Америке, мы имеем право настаивать на соглашении с теми, в чьих интересах мы приняли на себя задолженность. Если ничего не будет сделано, условия изменятся ко вреду для нас. Создается предположение, будто мы примирились с отказом Пуанкарэ. Я не знаю, какие условия правительство заключило с правительством Соединенных Штатов относительно котировки ценных бумаг, которые будут выпущены для фундирования нашего долга. Если эти бумаги появятся на рынке, всякая возможность соглашения будет разрушена. Прежде чем это последует, мы должны знать, как обстоит дело с нашими собственными требованиями. Я верю, что правительство будет действовать быстро. Отсрочка казалась позволительной, пока мы находились в том же самом положении по отношению к нашим долгам, как и по отношению к нашим требованиям.

Благодаря соглашению, заключенному Болдуином, все изменилось. Если мы не будем настаивать ныне на немедленном улажении всего дела, британский плательщик налогов получит в удел судьбу Иссахара — судьбу бедного скота, несущего две ноши — свою собственную и ношу союзников.

Лондон.
17/II 1923 г.

Лозаннский договор.

Побежденные вернулись к себе домой в Ангору, подбрасывая фески в воздух. Победители вернулись с поджатыми хвостами. Во всех трагедиях встречаются комические сцены, и Лозаннская конференция представляет собою забавный эпизод, который вставила судьба с целью подчеркнуть жуткий характер одной из своих величайших трагических пьес—„Турок и цивилизация".

Турок, может быть, плохой правитель, но зато он первостатейный рыболов. Совершенно несравненны хитрость и терпение, с которыми он вытаскивает на берег самую упрямую рыбу, если она попалась к нему на крючок. Какое неподражаемое зрелище разыгрывалось перед нашими глазами в продолжении шести месяцев на берегах Лемана! Один раз рыба, повидимому, совсем сломала рыболовный снаряд — это было, когда первая конференция внезапно закончилась. Однако, на поверку оказалось, что хитрый восточный человек просто отпустил лесу. Над ним не каплет, он может сидеть и ждать. Он знает, что наступит момент, когда рыба вернется с крючком, прочно застрявшим в ее глотке, и игра начнется снова: леса будет то натягиваться, то ослабевать, но ни разу не оборвется. Терпение и время взяли свое. Наконец, все огромные рыбы лежат на берегу: Великобритания, Франция, Италия и Соединенные Штаты С.-Америки вытащены на сушу: не махая более хвостами, они беспомощно разевают рты и сверкают чешуею на летнем солнце.

Нечего удивляться, что улыбка скользнула по лицу Исмета, когда все было кончено. Сообщения из Ангоры утверждают, что мир был встречен там, как величайшее торжество Турции; так оно и есть на самом деле. Турок, воистину, великий рыболов. Если бы он мог управлять так же хорошо, как

удит, то основал бы самую грозную в свете империю. К несчастью, он наихудший из правителей: отсюда разные беспокойства — для него самого и для тех, кто в результате жизненной лоттереи оказался у него под начальством.

Талантливый корреспондент „Daily Telegraph", присутствовавший на Лозаннской конференции, время от времени давал нам живо написанные картины того, как четыре величайшие державы мира изнемогали в борьбе с жалкими и разбитыми остатками империи, все население которой равняется населению пары английских графств. Вот что писал он об этой конференции, представляющей собою один из самых унизительных инцидентов в истории западной цивилизации.

„Летописи нынешней конференции содержат еще более изумительную серию уступок и отказов от прежде занятых позиций. Союзники щедрою рукой обкарнали свои собственные права во имя мира. Сверх того—и это очень серьезная вещь, ибо, повидимому, будет иметь последствия в недалеком будущем — они взяли назад обещания, данные малым народам, обещания, которые остаются таковыми, хотя малые народы и не имеют возможности настоять на их исполнении. Роль, которую европейские делегаты играли в Лозанне, а агенты разных концессионеров в Ангоре, представляя в обоих случаях западную цивилизацию — была столь же недостойна по форме, как и по существу".

С тех пор как были написаны эти грустные слова, державы погрязли еще глубже в трясине унижений. Корреспондент Times'а, отправивший свою депешу после того, как соглашение было подписано, говорит в порыве глубокого негодования об ударе, нанесенном престижу Запада этим необыкновенным документом. Дабы понять размеры катастрофы для цивилизации, совершившейся благодаря этому договору, нужно лишь припомнить вкратце, какие требования намеревались предъявить союзники Турции во время войны.

Эти требования были формулированы м-ром Асквитом, с его обычной сжатостью и ясностью, в речи, которую он, будучи первым министром, произнес в Гилдхолле 9-го ноября 1914 года.

„Это не турецкий народ—это Оттоманское правительство извлекло меч из ножен и это оно — решаюсь предсказать это—погибнет от меча. Это оно,— и совсем не мы, — начало погребальный звон по оттоманскому господству не только

в Европе, но и в Азии. С его исчезновением исчезнет,—так, по крайней мере, я надеюсь и верю,—зараза, истощающая уже много поколений подряд самые прекрасные области земли".

В осуществление политики, возвещенной британским премьером, целый ряд соглашений был заключен в начале 1915 года между нами, Францией и Россией, и на основании этих соглашений большая часть Турции, с ее смешанным народонаселением, должна была подвергнуться разделу по окончании войны. Киликия и Сирия приходились на долю Франции, Месопотамия—на долю Великобритании; Армения и Константинополь поступили под власть России. Палестина должна была оказаться под соединенным контролем Великобритании и Франции; Аравию предполагалось объявить независимым государством, включив в ее территорию не только пустыню, но и некоторые знаменитые города Востока — как то: Дамаск, Хомс и Алеппо, дабы образовать новое арабское государство, частью под французским и частью под британским протекторатом. Смирна с округом должна была достаться Греции, в случае, если бы она двинула свои силы на помощь союзникам во время войны. Проливы должны были быть лишены своих укреплений и заняты военной силой. Когда Италия позднее вступила в войну, то потребовала, чтобы в случае, если раздел Турции совершится, территория южной Анатолии была признана итальянской сферой влияния.

Какие причины заставляли нас разрушить Турецкую империю? Части, которые предстояло отрезать от Турции, имеют население в большинстве своем не турецкое. Киликия и Южная Анатолия, быть может, представляют собой в этом смысле некоторое исключение. В этих областях часто повторявшаяся резня и дурное управление, пожалуй, склонили, наконец, перевес на сторону турок. Но большинство намеченных к разделу стран обрабатывались перед войной населением, которое является западным, а не туранским, по своему происхождению и взглядам. Это население происходит от первоначальных обитателей страны.

Опыт, и особенно опыт прошлого века, ясно показал, что турку нельзя доверять в деле охраны собственности, чести и жизни любого христианского племени, проживающего в его владениях. Целые поселения армян были вырезаны с неимоверной жестокостью в стране, которую их предки заняли на заре истории. Уже после начала войны 700.000 человек,

принадлежавших к этому несчастному народу, были убиты дикарями, которым, — это нужно помнить, — великие державы так настойчиво предлагали руку дружбы на первой Лозаннской конференции. Даже во время заседаний конференции и после обмена рукопожатиями турки замучили до смерти тысячи молодых греков, которых они сослали внутрь страны. В качестве „предохранительной меры“ 150.000 греков призывного возраста, из коих 30.000 являлись военнопленными, были в прошлом году уведены в горы Анатолии. По дороге у них сняли всю одежду и в таком виде погнали через покрытые снегом горы. После этого нельзя удивляться, что, когда было заключено соглашение об обмене военнопленных, турки с величайшими трудностями могли доставить 11.000 человек, а что касается общего числа в 150.000, то, как полагают, две трети из них погибли. Союзные державы имели все основания решить, что эти варвары должны наконец перестать возмущать мир дикими расправами над беспомощным и безоружным населением, попавшим им во власть по прихоти жестокой судьбы.

Но если даже оставить в стороне эти жестокости, то один тот факт, что обширные области, бывшие когда-то самыми плодородными и густо населенными в мире, обратились ныне в пустыню, благодаря турецкой небрежности и дурному управлению, доказывает, что турок является чумой и проклятием тех мест, где раскинул свою палатку. Когда раса, не имеющая иных прав на обладание страной, кроме завоевания, управляет территориями, захваченными ею с помощью силы, так дурно, что лишает остальной мир весьма существенного вклада в его благосостояние, народы имеют право — нет, они обязаны — вмешаться с целью вернуть опустошаемые области цивилизации. Подобная обязанность создала основание и оправдание для белых поселенцев Америки, чтобы пренебречь притязаниями индейцев на прерии и леса Запада.

На берегах Средиземного моря живут два народа с избытком народонаселения, два племени трудолюбивых и интеллигентных земледельцев, причем обоим им когда-то подчинены были страны, гибнущие ныне от турецкого господства. Греция и Италия могут требовать, чтобы под их управлением эти обширные территории получили возможность мощно развиваться и процветать. Ныне они высылают цвет своего населения в земли, лежащие далеко от материнской страны. А они

являются, по преимуществу, средиземноморскими народами. История Средиземного моря всегда будет связана с тем, что они сделали на его берегах и в его водах. Заброшенные пустыни Малой Азии нуждаются в них. Долины, некогда кишевшие земледельцами, ныне заросли пустынными лесами. Оросительные работы разрушены или заброшены. Итальянские инженеры считаются едва-ли не лучшими в мире и, если они появятся в Малой Азии, то земледелие опять станет возможным. В Анатолии достаточно места, как для итальянцев, так и для греков. Я надеялся на такой мир, который и тех, и других поставил бы на работу. Если бы подобное соглашение было достигнуто, ближайшее поколение увидело бы сады, обитаемыми счастливыми мужчинами, женщинами и детьми в тех местах, где ныне расстилается пустыня, по которой, время от времени, скитаются мужчины, женщины и дети, гонимые неописуемым ужасом.

Другим основанием для решения, принятого союзниками, было горькое и злое чувство, вызванное неблагодарностью турок по отношению к Великобритании и Франции. Французы и англичане совершенно естественно негодовали, что турки присоединились к их врагам и захлопнули ворота Дарданелл у них под носом, чрезвычайно усложнив и удлиннив борьбу, и увеличив ее трудности, потери и опасности. Но в отличие от хищного зверя из легенды, турок не знает даже чувства благодарности к человеку, вылечившему его раненую лапу. Франция и Великобритания много раз вытаскивали колючки из лап Турции, изнывавшей в бессильной нужде. Они сделали больше. Они часто спасали самую жизнь этой империи, когда русский медведь готов был прекратить ее существование. И несмотря на все это, без всякого вызова, даже без малейшей ссоры, турок предал их врагам.

Я изложил вкратце, какова была военная политика союзников в отношении Турции. Договор, заключенный в Севре, значительно изменил эту политику во многих весьма важных пунктах. По этому договору Константинополь, Киликия и Южная Анатолия были оставлены туркам и Армения была преобразована в независимое государство. Много возражений можно было сделать тогда против первоначальных предположений 1915 года, ибо они имели в виду передать Киликию и Южную Анатолию, с их преобладающим турецким и мусульманским населением, христианским правителям. Но в своих существенных

частях план, принятый в Севре, был вполне разумным, и если бы его привести в исполнение, то это означало бы для миллионов людей окончательное освобождение от турецкого господства. К величайшей выгоде для всего мира трудолюбивое и способное греческое и армянское население Турции получило бы возможность восстановить плодородие областей, некогда столь обогащавших человека. Варварское нашествие, опустошающее эти цветущие страны, было отброшено назад, вглубь страны, Севрским договором. Лозаннский договор распространил и увековечил пределы этого нашествия от берегов Черного до берегов Средиземного моря. Я объяснил, какие мотивы лежали в основе Севрского трактата. Но что сказать о Лозаннском? Это долгая и мучительная история—смесь близорукости, нечестности, себялюбия и малодушия со стороны народов и их правителей. И более чем когда-либо судьба, казалось, была в злобном настроении духа, разрешая эту проблему. Русская революция устранила эту великую страну и не позволила ей принять на себя покровительство над угнетенными народностями Турции. Президент Вильсон склонялся к мысли, что Соединенные Штаты должны взять мандат на управление Арменией. Если бы ему это удалось, мы могли бы рассказать здесь совсем другую историю! И совсем другую историю рассказали бы будущие поколения. Но его здоровье надломилось в решительный момент, и Америка не желает больше заниматься его гуманными планами. Затем последовал уход Сонино из Квиринала. С ним вместе исчезла старая мечта об итальянской колонизации, которая в прошлом так много способствовала распространению цивилизации на трех материках. Его преемниками были смиренные люди. Я до сих пор сомневаюсь, пошла ли на пользу Италии та менее предприимчивая и более мирная политика, которую они проводили. Этот вопрос может решить только будущее. Но каково бы ни было это решение, время действовать упущено и, вплоть до нового развала Турции, шанс Италии, потерянный в 1919 году, не вернется. Да и вообще, вернется ли он когда-либо?

Затем последовали французские затруднения в Киликии и переговоры в Ангоре с Мустафой Кемалем. Эти переговоры велись исподтишка и при участии одной Франции, так как союзники не были даже осведомлены, о чем идет речь. То был роковой шаг, ибо он разрушил единство, которое одно

могло дать западным державам возможность успешно действовать в Турции. Это единство никогда не было полностью восстановлено. Не может быть объединения без доверия. Нельзя на Западе верить тому, кто обманул на Востоке. Многое из того нехорошего, что постигло Антанту, объясняется тайными переговорами в Ангоре.

Последней роковой переменой было восстание греков против Венизелоса. Часто говорилось, что в его лице мы видим самого великого государственного человека, выдвинутого этим племенем со времен Перикла. Во всем, что он предпринимал, он никогда не изменил интересам своего народа. Бедствия постоянно постигали греков, когда они отказывались подчиняться его руководству. После того, как король Александр умер от укуса обезьяны, грекам пришлось выбирать между Константином и Венизелосом. Выбор оказался гибельным для их страны. Не может быть большего зла для нации, как выбрать в правители упрямого человека, лишенного здравого смысла. Перед вступлением на трон Константина Греция, пользуясь лишь небольшой поддержкой со стороны держав, была способна с легкостью удерживать силы Мустафы Кемаля вдали от берегов и даже гнать их назад, в пустыни Анатолии. В одном столкновении за другим греческая армия, руководимая людьми, выдвинувшимися благодаря своим военным талантам, и довольно хорошо снабженная, наносила поражение за поражением армиям Ангоры.

Но с Константином наступила перемена. Придворные заняли места солдат на командных постах в греческой армии. Французское, британское и итальянское общественное мнение, еще не забывшее предательства Константина во время войны, переменило свое отношение к грекам, которые возвысили его на трон вопреки воле союзников. Державы, дотоле равнодушные, стали враждебными; враждебные державы принялись действовать. Финальная катастрофа началась героическим, но безрассудным маршем греческой армии сквозь ущелья Малой Азии, после чего последовало неизбежное отступление. Катастрофа была довершена, когда Константин, по династическим причинам, назначил для командования войсками полупомешанного генерала, умственные способности которого нуждались в медицинском освидетельствовании. Греки доблестно сражаются, имея хороших предводителей, но, подобно французам, узнав, что предводители плохи, они теряют веру, а с верою и муже-

ство. Прежде чем атака кемалистов достигла передовых линий, греческая армия уже была разбита и находилась в полном отступлении. С атакой пришла паника, с паникой полное разложение некогда прекрасной армии. С исчезновением этой армии исчезла последняя надежда на спасение Анатолии. История Востока, а может быть и Запада, изменилась благодаря укусу обезьяны; такова гримаса насмешливого духа, который прорывается здесь и там на страницах каждой великой трагедии.

После этого можно было лишь спасать обломки. Западная цивилизация дала последний бой против возвращения варварства в Европу в сентябре и октябре прошлого года, когда британские солдаты и матросы, покинутые союзниками, спасли Константинополь от отвратительной резни. Соглашение, заключенное в Мудании, не было похоже на Севрский договор, но, конечно, оно было лучше, нежели договор, подписанный в Лозанне. От Севра до Мудании происходило отступление. От Мудании до Лозанны повальное бегство.

Что же дальше? Лозанна не конечный пункт, а только верстовой столб. Никто не думает, будто этот договор знаменует собою почетный мир. Но это даже не мир. Если бы мы имели дело с перерожденным турком, еще можно питать какие-нибудь надежды, но сожжение Смирны и хладнокровное убийство десятков тысяч молодых греков внутри страны, доказывают, что турок не переменился. Приведем опять цитату из корреспонденции, напечатанной в Times'е:

„Все сведения, которые можно получить здесь, подтверждают нашу уверенность, что новый турок есть не более как старый турок, и что предстоящая эра просвещения и братской любви в Турции, на что теперь принято официально надеяться, будет с точки зрения иностранцев, в лучшем случае унизительным, и в худшем — кровавым хаосом".

Удивительная легенда о том, будто турок — это прирожденный джентльмен, ныне умирает. Эта легенда много раз спасала его, когда он находился на краю гибели. Она пришла к нему на помощь в октябре прошлого года, когда политика нашей страны изменилась, благодаря восстанию туркофилов против тогдашней парламентской коалиции. Турок вырезал сотни тысяч армян и обесчестил множество христианских женщин, которые доверились его покровительству. Тем не менее, турок джентльмен! Своею леностью, своим непостоянством,

своей глупостью и своим бесчинством он сад превратил в пустыню. Какое лучшее доказательство можно требовать, что он настоящий джентльмен! За германские посулы он продал друзей, которые многократно спасали его жалкую жизнь. Все равно, что это за джентльмен! Он обращался с английскими пленными так варварски небрежно, что они умирали сотнями. И все же, он такой джентльмен! Он грабит, он убивает, он оскорбляет тех, кто не может защитить себя, он обманывает, лжет и изменяет. Именно поэтому турок джентльмен! Шумная агитация началась с целью спасти этого утонченного старого восточного джентльмена от плебейских рук, которые грозили ему гибелью. Отсюда этот злополучный Лозаннский договор.

Лондон.
25/VII 1923 г.

Извержение на Средиземном море.

Берега Средиземного моря с незапамятных времен были местом землетрясений и вулканических извержений. Эти последние обычно происходят неожиданно. Иногда они бывают очень опустошительны, губят все живое и разрушают имущество на большом пространстве и в обширных размерах. Иногда они являют собой эффектное зрелище, страшное с виду, но не причиняющее больших разрушений. К какой из этих двух категорий принадлежит последнее извержение, устроенное Муссолини? Разбрасывание горячего пепла на Балканах является весьма опасным опытом. Нефть всюду пропитывает почву, стоит лужами и течет ручьями, которые легко могут загореться. Пепел, вылетевший из Вены, зажег пожар, распространившийся на несколько частей света. Это было всего девять лет тому назад. Земля еще горяча, дым ослепляет и душит. Вы не можете ясно видеть и свободно дышать. Подозрительная краснота, мелькающая среди облаков дыма, указывает, что огонь еще не унялся. И все же находятся государственные люди, которые разбрасывают пучки горящего хвороста с легкомысленным бахвальством.

Для настроения Европы характерен тот прием, который оказывается этим неосторожным пиротехническим упражнениям национальных вождей со стороны их собственных соотечественников. Каждый раз, когда во Франции, Италии или Турции,— Пуанкарэ, Муссолини или Мустафа Кема́ль дирижируют спектаклем, на их долю достаются рукоплескания. Мне приходят на память первые дни Великой войны. Не было ни одной воюющей страны, в столице которой огромные и охваченные энтузиазмом толпы не ходили бы по улицам, приветствуя войну. В те дни люди еще не знали, что такое война. Их представление на этот счет создалось, главным образом, на основании картин, изображающих героические и непременно победоносные подвиги, картин, висящих в национальных галле-

реях и воспроизведенных в виде дешевых хромолитографий и гравюр, которые украшают стены каждого дома в большинстве стран. Торжествующие воины со сверкающими глазами и обнаженными саблями, сидящие верхом на конях, это наши соотечественники; несчастные побежденные, валяющиеся под копытами—это враги. Ура! Кронпринц утверждает, будто он никогда не обмолвился фразой: „Эта веселая война!". Его заявление приходится принять к сведению, за отсутствием определенных доказательств, что подобные слова были действительно сказаны. Но эта фраза выражает настроение миллионов в те роковые дни. Принято говорить, что во время войны одни шумят, а другие сражаются. Но шумливые толпы, которые переполняли улицы в августе, переполняли окопы в сентябре, и многие из них успокоились в могилах, прежде чем кончился год. Но когда они ликовали, то еще не знали, что представляет собой война в действительности. Они идеализировали ее. Они воображали ее себе по картинкам.

Но крикуны нынешнего дня знают, что такое война. Франция потеряла свыше миллиона жизней в недавней борьбе. Италия потеряла шестьсот тысяч. В каждой рабочей мастерской этих двух стран найдутся люди, которые знают кое-что о бедствиях и ужасах войны и могут порассказать тем, кто не знает. Чем, в таком случае, объяснить готовность при малейшей обиде броситься вновь навстречу тому же самому бедствию? Способность человечества к самообману бесконечна. Правда, в прошлый раз, то было страшное дело. Но теперь это будет легкая победа. Тогда надо было сражаться против отлично вооруженной Германии и Австрии; теперь это, воистину, мелочь — в одном случае обезоруженная Германия, которая не может сражаться, в другом—жалкая, маленькая страна, вроде Греции, не имеющая ни армии, ни флота, о которых стоило бы говорить. Итак, ура в честь пушек! Бескровная победа, если, впрочем, не считать побежденных. Новые картины, которые можно повесить на стену и показывать нашим детям, чтобы они знали, какой мы страшный народ, когда нас заденут.

Этот эпизод может кончиться мирно, но все же был риск и риск, совершенно ненужный при данных обстоятельствах. Италия негодовала, и совершенно несправедливо, на хладнокровное убийство своих эмиссаров на греческой территории Хотя это случилось в области, прославленной убийствами у границ Албании, где царят комитаджии и прочие бандиты

Греция была обязана оказать надлежащую защиту всем пограничным комиссарам, которые действовали в ее пределах. Следовательно, Италия имела право требовать серьезных возмещений за подобное оскорбление. Греция поспешно согласилась на это. Она не только выказала готовность заплатить полностью за ущерб, но, вдобавок, предложила салютовать итальянскому флагу, дабы загладить оскорбление, нанесенное итальянскому народу недостаточной охраной итальянских офицеров, исполняющих свои обязанности на греческой территории. Ответом Муссолини на признание греками своей вины была бомбардировка беззащитного города, убийство нескольких безоружных граждан и оккупация греческого острова. Можно ли себе представить, что, если бы подобный инцидент случился на французской территории и Французское правительство выразило бы ту же готовность изъявить сожаление и возместить ущерб, — Муссолини без дальних разговоров решился бы бомбардировать Аяччио? Или, — если бы здесь была замешана Великобритания, — неужели он занял бы остров Уайт? Но у Греции нет флота. Поэтому все меняется. Сила все еще выступает верховным судьей в международных делах Европы. Стоит проследить, как новый кодекс международного права начинает устанавливаться со времени войны. Французские армии вторгаются на территорию соседа, занимают ее, вводят осадное положение, захватывают железные дороги, обуздывают печать, высылают десятки тысяч жителей, берут под стражу или расстреливают всех, кто пробует сопротивляться, и затем объявляют, что этого нельзя считать началом войны. Это лишь мирная оккупация для осуществления прав, вытекающих из мирного договора. Синьор Муссолини обстреливает город, принадлежащей стране, которая находится с ним в мире, насильно занимает часть ее территории и затем торжественно возвещает, что это не начало войны, но всего-на-всего разумная мера дипломатической предосторожности. Поскольку сила определяет собой конечный исход, она устанавливает и правила процедуры. Было время, когда англичане и испанцы сражались друг с другом в Вест-Индии, между тем как их правительства в Европе поддерживали несомненный мир. Французы и англичане сражались в Индии при отсутствии дипломатического разрыва между Версалем и Сент-Джемсом. Но в те дни названные страны казались очень далекими и контроль из центра над событиями, совершавшимися на подобных расстояниях,

был случайным и слабым. И порою правительства могли игнорировать события, совершавшиеся на отдаленных окраинах. Но даже в те дни нападение на метрополию означало собою войну, и это означает войну ныне, если подвергшаяся нападению страна не является совершенно бессильной. Мне приходилось слышать, будто одно право существует для богатого, другое для бедного. Теперь нет никакого сомнения, что есть одно международное право для сильного и другое для слабого.

А как же Лига Наций? Вот отличный случай действовать согласно договору. Италия и Греция участвуют в нем. Как могут они, не нарушая условий соглашения, которые они так недавно подписали, отказываться предоставить свой спор на рассмотрение Лиги? Италия принимала видное участие в редактировании договора. Она не может теперь приличным образом отказаться от выполнения его требований. Кое-кто намекал, что, поскольку достоинство Италии замешано в споре, она не может согласиться представить его на рассмотрение Лиги Наций. Это несомненно роковое ограничение деятельности Лиги. Каждый спор, затрагивающий вопросы права, задевает вместе с тем национальную честь, и так как каждая нация является судьей своей чести, то в конце концов все недоразумения будут разрешаться помимо договора. Лиге не позволено касаться вопроса о репарациях. Если нынешний спор тоже будет изъят из ее рассмотрения, то без преувеличения можно сказать, что эта ценная часть Версальского договора стала мертвой буквой. Величайшей иронией, вытекающей из положения вещей в Европе, кажется то обстоятельство, что Версальский договор постепенно разрывается в куски теми странами, которые не только были его авторами, но которые могут больше всего выиграть от его соблюдения. Франция уже отвергла первую и самую важную часть договора, объявив, что она не намерена передать на рассмотрение Лиги Наций вопрос, возникший между нею и ее соседями и вытекающий из самого договора. Она затем вторглась на территорию соседа и заняла ее, вопреки статьям договора. Если Италия также не пожелает уважать первую часть договора, то ничего не останется от него, кроме статей, исполнение которых выгодно сильным странам и может быть навязано остальным. Если сами авторы не уважают договора, составленного ими, почему должны те, которые лишь приняли его поневоле, склоняться перед его требованиями? Победи-

тели усердно дискредитируют свою собственную хартию. Было бы гораздо честнее, если бы народы последовали примеру Америки и отказались ратифицировать договор в его целом. Подписать контракт и затем вылавливать отдельные статьи, подлежащие исполнению, недостойно великих народов, которые стремятся вести мир к высшей цивилизации.

Носятся отвратительные слухи о возможных осложнениях, связанных с этим несчастным инцидентом. Не нужно иметь слишком живого воображения, дабы предсказать один или два возможных результата бедственного характера. В нашей стране их будут оплакивать не только по тому действию, которое они произведут на мир Европы, но также по причине вреда, который они неизбежно нанесут наиболее драгоценным интересам Италии. С нее довольно побед. Теперь, подобно всем нам, она нуждается, в мире. Нет страны, которая более искренно желала бы процветания и величия Италии, нежели Великобритания. Эти страны связывает старая и испытанная дружба. У них много общих интересов и нет поводов для соперничества. Этим объясняется глубокая тревога, охватившая Великобританию при мысли, что Италия может совершить ошибку, которая повредит ей в будущем, если даже не создаст опасностей в настоящем.

Нет сомнения, что удержание Корфу представляет стратегические преимущества для Италии. Это позволяет ей „закупорить Адриатическое море“. Но остров принадлежит грекам и угрожает Югославии, а введение по стратегическим соображениям иностранного элемента в состав государства всегда вызывает воспалительный процесс, вредный для здоровья всего организма. Этот процесс становится злокачественным и, рано или поздно, приводит к катастрофе. Босния, в конце концов, явилась причиной гибели Австрийской империи. Когда боснийская саркома созрела, „Italia Irredenta“, словно застарелая болезнь, вновь дала себя чувствовать, и империя Габсбургов рассыпалась в прах.

Италия принимала видное участие в работе цивилизации, так же, как и Греция. Многие великие задачи ожидают их,—одну в более крупных, а другую в более скромных размерах. Было бы несчастием для человечества, если бы они истратили свой прекрасный энтузиазм на взаимную ненависть и злобу.

Лондон.
3/XI 23 г.

КОНЕЦ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 80 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ: Книгоиздательство „П Е Т Р О Г Р А Д", Просп. Володарского, 51, телеф. 5-61-46.

В М О С К В Е: Петровка, 7, книжный магазин „МАЯК", телеф. 1-48-92 и 44-74.